М . Л. РАЙХМАН

ЗИГЗАГИ ЖИЗНИ

**Автобиографическая хроника
событий прошлых лет**

МОСКВА СПГ

2005 г.

Родился я в г. Елизаветграде, переименованном в 20-е годы в Зиновьевск, родина Григория Зиновьева, а после его расстрела в 1936 году - в г. Кировоград.

Поскольку, город находится на юге Украины, его ожидает, по-видимому, очередное переименование.

Зачат я был в Германии, где жили мои родители - отец с матерью. Отец - Райхман Лео по своему отцу Максу был немцем, а по матери - Эрнестине - евреем. После рождения мне было дано имя деда, умершего задолго до этого.

Первая мировая война, начатая 1 августа 1914 года, за 8 месяцев до моего рождения, разлучила моих родителей, так как отец был гражданином Германии и не мог оказаться во враждебной России, а мать решила рожать меня именно в России, на родине, где жили ее сестры и братья.

На свет я появился 23 февраля (День Советской Армии после Октябрьской революции) 1915 года по старому стилю. Таким образом, при пересчете на новый стиль, мой день рождения стал плавающим. В високосный год он приходится на 7 марта, а в обычные три года я его иногда отмечаю 8 марта, т. е. в международный женский день. Кто-то из моих гостей, обыграв в своем тосте эту дату, сказал, что мое рождение для всех женщин праздник.

До 1919 года мы с мамой жили в собственном доме, который она унаследовала от своих родителей. Ее братья - Борис и Яков и сестры - Татьяна и Роза жили в других городах.

Старшая сестра Софья, необычайно красивая женщина, была замужем за скрипачом Иосифом Абрамовичем Гольденбергом, который возглавлял музыкальную школу в Елизаветграде. Мама и ее братья и сестры окончили только гимназию. В царской России им, как евреям, и, тем более женщинам, высшее образование было недоступно.

Отец с матерью познакомились в 1907 году в Одессе, где жила его мать, куда она вернулась из Германии после ранней смерти мужа в конце 80-х годов предыдущего века. Отец был коммерсантом и работал в Русско-Германском коммерческом банке. Поэтому они подолгу жили за границей.

Когда началась первая мировая война, в августе 1914 года, отец, имея русско-немецко-еврейскую родословную, не мог быть призван в армию ни в Германии, ни в России.

Когда мама забеременела мной в июле 1914 года, отец привез ее в Елизаветград, где жила ее сестра Софья.

Оставив маму на попечение старшей сестры, отец сразу вернулся по месту работы в Швейцарию, в г. Лозанну, где он проживал до 27 октября 1915 года. Затем он через Италию, Неаполь отбыл в Соединенные Штаты Америки, в город Лос-Анджелес, где стал заниматься коммерцией, в начале коммивояжером.

В первые военные и ближайшие последующие годы он не считал возможным вызвать меня с матерью, так как незнание языка и трудности с трудоустройством делали весьма рискованным такой шаг. В конечном счете, это привело к распаду семьи и безотцовщине. Как следствие, все заботы о моем воспитании, устройстве быта и экономическом благополучии легли на слабые материнские плечи, сделав мою жизнь трудной и несвободной от множества ошибок.

В 1919 году наш дом, находившийся на окраине города, подвергся нападению белогвардейских банд атамана Григорьева и был сожжен, а мама со мной 4-х летним на руках бежала и нашла пристанище у своей старшей сестры Софьи, где нам был выделен «угол» в темном помещении, примыкающем к прихожей, столовой и кухне. Там мы ночевали, а играть и заниматься я мог в спальне, принадлежавшей тете Соне. Квартира была большая и благоустроенная, состояла из большой прихожей, классной комнаты, где занимались ученики, просторной гостиной, столовой и двух спален, принадлежащих дяде Юзе (Иосифу Абрамовичу) и тете Соне. Были также большие кухня и ванная с туалетом.

Эта квартира также представляла собой государственную скрипичную музыкальную школу имени чешского профессора Шевчика, у которого в Пражской консерватории когда-то учился дядя Юзя. Кроме музыкального образования, он получил юридическое в Киевском Университете и звание присяжного поверенного. До революции это было основным источником его дохода.

Зато после 1917 года эта деятельность оказалась невостребованной, и он до конца дней (1 декабря 1934 г.) посвятил себя концертно-преподавательской деятельности как скрипач.

Аналогичную музыкальную школу фортепианной игры в Елизаветграде возглавлял Густав Августович Нейгауз, отец и наставник знаменитого пианиста Генриха Нейгауза, будущего профессора и директора Московской консерватории.

Пианистическая фамилия Нейгаузов нашла свое завершение в очередном поколении семьи – Станиславе, известном пианисте, безвременно ушедшем из жизни.

Моя тетя Софья была необычайно красивой и изящной женщиной и пользовалась огромным успехом как в Елисаветграде, так и в Одессе и Киеве, куда она выезжала в благотворительных целях, чем вызывала крайнее раздражение, ревность и гнев своего мужа.

Обилие сохранившихся фотографий, а еще больше было утеряно, свидетельствует об этой оценке ее внешности. Она сохранила свою красоту, здоровье и подвижность до конца жизни, прожив 88 лет.

1. ДЕТСТВО

После нашего с мамой поселения у тети, моим воспитанием занялся ее муж – дядя Юзя. Надо сказать, по неизвестным мне причинам, своих детей у них не было.

Воспитание было весьма строгим. За стол я садился умытым, в опрятном костюмчике, все остальные были в форме. Мне не разрешалось вступать в разговоры взрослых, ерзать на стуле, болтать ногами, сопеть и чавкать, держать руки в неположенном месте. Мне следовало по правилам пользоваться столовыми приборами, салфетками и дожидаться пока не положат еду, которую я беззвучно должен был съесть до конца. Правда, в отдельных случаях мне удавалось незаметно спрятать ненавистную котлету и другую твердую пищу под стол, в котором я обнаружил укромное место. Риск был огромный, в случае разоблачения, я был бы отодран за уши и отстоял бы положенное время в углу. Тетя Соня с подачи кухарки или горничной обнаружила этот тайник, но меня не выдала из опасения гнева своего супруга.

С первых дней моего пребывания, посмотрев на мои длинные, тонкие пальцы, дядя Юзя положил на меня глаз, решив из меня сделать продолжателя своего музыкального пристрастия, которому он был беззаветно предан. Проверив мой слух и ритм и не найдя ничего выдающегося, он по примеру отца Паганини решил все же выколотить из меня знаменитого скрипача. С этой целью мне была вручена скрипка 1\4 размера, и я приступил к занятиям музыкой. Эти занятия, скорее, можно было назвать каторгой, ибо я должен был в течение 4-5 часов стоять у пюпитра, вначале отрабатывать технику смычка в правой руке, научившись проводить смычек в 1-2-х миллиметрах над струной, не задевая ее. Затем отрабатывалась техника стакатто и легато, а также необходимая гибкость суставов кисти,

локтя и плеча. С этих упражнений начинались ежедневные занятия и продолжались более часа. Аналогичные упражнения были для пальцев и кисти левой руки, держащей скрипку.

Спустя пару месяцев мне было дозволено извлекать звуки в бесконечных гаммах, арпеджиях и этюдах. К пьесам я приступил, когда мне исполнилось 6 лет. За моими занятиями и игрой постоянно следил дядя Юзя, появление которого приводило меня в трепет, и я с перепуга допускал ошибки и фальшь. За что болезненно сжималось мое ухо со словами: «Какая эта нота?». Сквозь набегающие слезы я дрожащим голосом называл ее, после чего следовал приговор: «Будешь играть еще 2 часа, пока не выучишь». И это притом, что в окне мелькали рожицы моих сверстников, зовущих меня на детские игры. И так в течение 2-х лет, пока я не пошел в 1-й класс, и занятия музыкой несколько сократились.

Надо сказать, что музыка вызывала у меня противоречивые чувства, я ее любил, и с огромным удовольствием слушал игру старших учеников во время их уроков. Особенно я любил присутствовать на музыкальных вечерах, когда в гостиной собирались профессионалы и играли дуэты, трио и квартеты с участием обоих Нейгаузов, брата дяди

Юзи - виолончелиста-любителя, тоже юриста Григория Гольденберга, а также приезжавшей из Польши близнецовой сестры дяди Юзи Софьи, профессиональной пианистки. Играли они камерные произведения Бетховена и других немецких композиторов.

Обстановка была удивительно романтичная и музыкальная. Я, не шевелясь, сидел в уголке в окружении десятков композиторов, смотрящих на меня с портретов, картин и гипсовых бюстов. В общем, обстановка была завораживающая. Иногда в гостях бывали известные музыканты, главным образом скрипачи: Миша Эльман, Михаил Эрденко, Мирон Полякин, Иегуди Менухин и другие. Вообще, Елизаветград был известен как музыкальный город, и мировые знаменитости считали своим долгом после Москвы, Петербурга и Киева дать концерт для музыкальной общественности этого города, с обязательным визитом к старшему Нейгазу и моему дяде. Дядя Юзя был очень требовательным и педантичным не только к себе и членам семьи, но особенно к ученикам. Несмотря на это, они его не только боялись, но и боготворили. Из его школы вышло много профессионалов - скрипачей и известных дирижеров и композиторов. Таких как Юлий Мейтус и Карл Элиасберг – стойкий ленинградский блокадник, первый дирижер, исполнивший во время войны знаменитую седьмую («Ленинградскую») симфонию Шостаковича.

Ежевечерне в гостиной дядя Юзя занимался сам, совершенствуя свою технику игры и расширяя репертуар. У него была обширная нототека, регулярно пополняемая из-за границы. На этих вечерних занятиях мое безмолвное присутствие было обязательным. Кроме увлечения музыкой, которой он был предан фанатично, он педантично коллекционировал марки, а также расширял свой политический кругозор, изучая поздних философов и классиков марксизма. Его известность простиралась на большие города, в том числе и на Москву, куда он был приглашен на должность профессора в консерваторию.

После личных переговоров с ее ректором, и наркомом А.В. Луначарским, он все же отказался, от переезда, так как в Москве ему могли предложить одно-двух комнатную квартиру, после обширных комфортабельных апартаментов в Елизаветграде. Умер он от гипертонии, не дожив до своего 60-ти летнего юбилея.

Все время пребывания в Елизаветграде мама зарабатывала нам на жизнь, работая машинисткой у присяжного поверенного Александра Моисеевича Поляновского, который был женат на сестре дяди Юзи – Полине. Он принял православие, чтобы иметь право заниматься юридической практикой.

Его дети: Юра, Ната, Жанна и Шура до революции получили образование в Консерватории.

В 20-е – 40-е годы Юра (Георгий) Поляновский был официальным музыкальным критиком (корреспондентом) газеты «Правда». Ната пела в Большом Театре и была замужем за композитором Корчмаревым; Жанна преподавала фортепиано в Гнесинском институте, Шура обучала студентов Консерватории иностранным языкам.

В Елисаветграде семья Поляновских была весьма обеспеченной, имела особняк с садом, где мне было разрешено играть на виду у мамы.

У дяди Юзи был брат, видный невропатолог, который имел трехэтажную клинику, где он жил с семьей. Когда я бывал в этом доме, меня поражало различное физиотерапевтическое оборудование, а также необычайные игрушки его повзрослевшей дочери, в которые мне разрешалось играть.

Кстати, его внучка Инна здравствует и является профессором и театральным критиком, печатаясь в центральной прессе под фамилией Соловьева.

В иное время я со своими сверстниками гонял обруч от старой бочки и мечтал о трехколесном велосипеде, который мне все же подарили незадолго до отъезда в Харьков.

Летом 1923 года средняя мамина сестра Татьяна, жившая в Харькове, пригласила нас к себе на постоянное жительство. Она была замужем за театральным антрепренером Михаилом Петровичем Михайловским. После крещения в замужестве она из Татьяны стала Анной. Дядя Миша до крещения был Моней Абрамовичем Бунцельманом. С такой фамилией до революции он не смог бы заниматься антрепризой. У них была дочь Лида моложе меня на 1,5 года. Первые несколько месяцев мы жили вместе в небольшой двухкомнатной квартире. Затем, в том же доме на Старомосковской ул. 59, мама получила комнату в трех комнатной квартире с соседями, занимавшими оставшиеся 2 комнаты. Наша комната была проходной в кухню и ванную.

Мама поступила работать в Харьковский технологический институт на должность бухгалтера, а меня определила в 10-ю трудовую школу-семилетку во 2-ю группу (в целях

непохожести с дореволюционной гимназией она стала называться трудовой школой, а класс стал группой).

Школа и дом находились на расстоянии 2 км друг от друга. Общественным транспортом была конка. Это маленький вагон, движущийся по рельсам с конной тягой. Спустя два года, по вновь уложенным рельсам, был пущен настоящий трамвай.

Я и мои сверстники пользовались им, устроившись на заднем буфере, удерживаясь за тормозной шланг. Это у нас называлось – ехать на колбасе.

Одновременно мама определила меня в музыкальную профшколу, находящуюся на центральной улице – Сумской, до которой от дома было не менее 4 км, куда я 2 раза в неделю ходил пешком. Моим учителем музыки был Михаил Абрамович Консисторум.

Мама целый день находилась на службе, а я был предоставлен самому себе. Два учебных заведения, далеко отстоящих от дома, относительная свобода и бесконтрольность, желание погулять и пошалить с товарищами привели к тому, что я мало работал над домашними заданиями и был посредственным учеником в обеих школах.

Из детских воспоминаний мне четко запомнился день похорон Ленина. Находясь во дворе и играя со своими сверстниками в орлянку на монеты царских времен, я услышал громкие тревожные гудки заводов, фабрик и паровозов, извещавшие об этом траурном событии. Надо сказать, что мне было известно, что во главе государства стояли Ленин и Троцкий. Этому нас учили в школе, и было принято обсуждать в разговорах с окружающими. Фамилии Сталина и других «вождей» среди рядовых и непартийных людей мало кто знал.

В общеобразовательной школе нашим классным руководителем была Е.В. Мазница, убежденная украинская националистка, которая утверждала превосходство украинского языка над всеми языками по благозвучности. Ко мне у нее было негативное отношение из-за моей шаловливости и пренебрежения украинским языком, который она преподавала.

Начиная с 5 или 6 класса, я увлекся химией. Дома у меня была лаборатория, содержащая химические элементы: натрий, серу, соляную кислоту, ртуть, бертолетовую соль и другие реактивы, которые мама приносила с места работы из технологического института. Опыты я проводил дома, а в школу носил реактивы, которые при смешивании друг с другом или с водой портили воздух, взрывались и возгорались, зачастую срывая занятия. Эти шалости поднимали мой авторитет среди товарищей, но осложняли взаимоотношения с классным руководителем и директором школы. Кроме того, я увлекался радиолюбительством и, даже смонтировал детекторный радиоприемник по схеме Шапошникова.

В школе у меня были взаимные увлечения красивыми девочками, с которыми я целовался, главным образом на спор с товарищами (Галя Доценко, Фаня Фрайман и др.).

Были у меня друзья отличники - Леня Фишбейн и Миша Цейтлин. Во время уроков они вслепую играли в шахматы, что меня восхищало. Когда я был в шестом классе, у нас организовался джаз оркестр, которым руководил Иосиф Шепшелевич, ученик выпускного 7-го класса. В этом оркестре я играл на скрипке, ксилофоне и металлофоне. В оркестре был флейтист, барабанщик и пианист. Я написал отцу письмо, и он прислал из Америки кастаньеты.

Мы играли на школьных праздниках и получали приглашения со стороны, чаще всего за небольшую плату, которую мы пускали на приобретение нот, простых инструментов, типа звучащих треугольников, тарелок, барабанов и т.п. Оркестр существовал один год, пока не окончил школу его организатор, да и я в середине 7 класса начал свою трудовую деятельность.

С момента приезда в Харьков, мама стремилась способствовать моему музыкальному и интеллектуальному развитию. Несмотря на ограниченность средств, она водила меня в городские оперный и русский драматический театры.

Учитывая, что Харьков до 1933 года был столицей Украины, качество постановок в театрах было достаточно высоким. Я просмотрел и прослушал весь балетный и оперный репертуар в исполнении местных и гастролирующих коллективов.

Однажды в Русскую Драму приехал театр Мейерхольда с постановками «Лес» Островского и «Любовь под вязами», последняя явно не соответствовала моему возрасту.

Главными исполнителями были Игорь Ильинский и Зинаида Райх (жена Мейерхольда с двумя детьми от прежнего замужества с Сергеем Есениным).

Обе постановки были выполнены в необычном, новаторском стиле, чем отличались от постановок местного драматического театра, но мне понравились.

Мы также посещали симфонические концерты и в особенности, когда в них участвовали гастролирующие дирижеры, а также скрипичные и фортепианные исполнители. Таковыми были: скрипач Жозеф Сиггетти, пианист Эгон Петри и виолончелист Пабло Казальс.

Все это развило у меня любовь к серьезной и классической музыке и имело продолжение после переезда в Москву.

В Харькове нашими соседями по квартире была семья Поляковых: Исай Яковлевич, его жена Мария Николаевна и их сын Шурик 1923 года рождения. Исай Яковлевич был убежденным большевиком, участвовал в гражданской войне и работал в каком-то государственном учреждении, возможно в ОГПУ, так как у него был наган, и он разрешал мне разбирать и чистить его. На чердаке мы устроили тир и часто там стреляли, в том числе и я. Однажды он принес переходные гильзы для стрельбы мелкокалиберными патронами, тогда мы устроили дома стрельбище через открытую дверь наших комнат. Мишенью служила литография Венеры Милосской. При этом мы старались попасть в самые нескромные места.

Много позже, в 1937 г., я проездом был в Харькове и навестил свою бывшую квартиру. Вместо пышущего здоровьем, уверенного в себе человека, я застал измученного и беззубого старика, прошедшего чекистский застенок. С трагизмом в голосе он сказал мне: «Вот за что я боролся в гражданскую войну», и заплакал. В 1940-м году я проходил курсовую практику на Харьковском электромеханическом заводе и узнал, что Исай Яковлевич был повторно арестован и расстрелян. Жену и 16-ти летнего сына сослали в лагеря.

В Харькове проживала двоюродная сестра моей мамы с двумя замужними дочерями Нюсей (Анной Лазаревной) и Юлией. Первая была замужем за главным врачом, педиатром, директором института педиатрии Семеном Яковлевичем Шаферштейном, вторая дочь – Юля, была замужем за крупным во времена НЭПа коммерсантом – Владимиром Александровичем Кочаном. Третья дочь – Ада, училась в московском Институте иностранных языков и впоследствии вышла замуж за корреспондента газеты «Правда» по Украине Теодора Яковлевича Лильина. Все три дочери до революции воспитывались в очень богатой семье и в совершенстве знали французский и немецкий языки. Две старшие дочери были необыкновенно красивы. Одна - Нюся, была яркой блондинкой, вторая - Юля, была жгучей брюнеткой. До революции Нюся закончила консерваторию и была пианисткой, а Юля - медицинский институт и стала врачом рентгенологом.

Мы с мамой были частыми гостями у Нюси, у которой жила ее мать, двоюродная сестра моей мамы. Нюся была бездетной после перенесенной внематочной беременности, поэтому она питала ко мне особо родственные чувства и опекала меня.

Я часто жил у нее, в особенности, если заболевал сам или возникала необходимость моей изоляции из-за болезней наших соседей. Ее муж иногда брал меня в свой институт на лекции для демонстрации анатомических особенностей моего тела. В таких случаях, я очень стеснялся.

В доме у Нюси я мог слушать фортепиано в ее исполнении или, когда она преподавала ученикам.

В доме у нее были весы для грудных детей, которые разрегулировались, и я взялся их разобрать, смазать и отрегулировать. Также я постоянно устранял мелкие неисправности в электроприборах и водопроводной арматуре. Это было еще в школьные годы и являлось курсом физики на практике. Я был замечен Нюсиным мужем, и он пригласил меня в свой институт для регулирования и обслуживания всего весового хозяйства. В течение нескольких месяцев я получал за работу по 10 рублей, что составляло четверть маминой зарплаты.

Одна черта характера Нюси меня коробила. Она была чрезвычайно скупа в своих расходах, особенно в тратах на еду. И это притом, что ее муж получал профессорскую и

директорскую зарплату, имел частную практику, да и сама Нюся имела платные частные уроки. Все деньги шли на приобретение антиквариата и драгоценностей. По-видимому, сказалось дореволюционное богатое прошлое, (отец владел мукомольными фабриками, которые были реквизированы). Дух накопительства был чертой ее характера до самой смерти в 1987 году, когда ей было 90 лет.

Летние каникулы я, как правило, проводил с мамиными сестрами и братом отца. Так, на часть лета 1924 года тетя Таня Михайловская взяла меня в Белополье на Полтавщине, где ее муж имел какие-то дела. Вторую половину лета я провел в Москве у брата моего отца дяди Шуры. О нем особый разговор, ибо судьба у него сложная и трагичная. Но об этом позже.

В 1925 году мы провели лето в курортном городе Славянске, где кроме семьи Михайловских, отдыхала Нюся и Юля с мужем. Из Москвы приезжала их младшая сестра Ада с женихом Теодором Яковлевичем, который сделал красивый жест перед невестой и подарил мне мой первый фотоаппарат «Кодак», который, как мне помнится, я так и не сумел освоить. Муж тети Тани был директором курзала и антрепренером заезжих артистов. С нами была их дочь, моя двоюродная сестра Лида, с которой я не очень дружил.

Итак, часть лета 1924 года, по приглашению дяди Шуры – Александра Максимовича Райхмана, который со дня своего рождения 24 декабря 1888 года и до 1919 года проживал в Германии, в начале с матерью и отцом, моим дедом, а затем, после смерти последнего, с малых лет у своей тетки – сестры отца.

Там же он получил среднее образование и окончил Лейпцигский технологический институт, получив звание инженера-механика. По окончании войны он приехал в Советскую Россию, где в Одессе жила его мать - Эрнестина Семеновна, моя бабушка. Вскоре он был вызван в Москву и как инженер, в совершенстве знающий немецкий язык и частично английский и французский, был приглашен для работы в Наркомат внешней торговли с занятием должности «Старшего секретаря всех заграничных организаций помощи голодающим в России» – ПОМГОЛ. Ему было определено место жительства в Денежном переулке на Арбате, в особняке Бергов. В настоящее время там располагается Итальянское Посольство.

Богато обставленный особняк сохранился в своем первозданном виде. Там было много спален, огромные столовая, гостиная, концертный зал и служебные кабинеты. В обычное время все эти помещения пустовали, и только две спальни, кабинет и маленькую столовую занимали дядя со своей матерью. В дни приезда делегаций их руководители занимали другие помещения. В таких случаях устраивались государственные приемы, в которых принимали участие руководители правительства.

Один из таких приемов по случаю приезда Фритьофа Нансена – полярного исследователя, возглавлявшего одну из организаций ПОМГОЛА, проходил в период моего пребывания.

Был дан обед человек на 30 и концерт с участием многих знаменитостей. На обед я не был допущен, а, в гримерной, при подготовке концерта, присутствовал. Запомнился один эпизод.

Готовилась к выступлению знаменитая балерина Екатерина Васильевна Гельцер в сольной партии из балета «Эсмеральда», но ведущий концерта предупредил ее, что эту же партию сейчас исполняет молодая балерина Банк, когда последняя вошла, разгоряченная успехом, Гельцер на нее набросилась с площадной бранью и пуантами огрела ее по физиономии. Я сразу же убежал, а Гельцер уехала взбешенной. После этого я отправился в столовую, где на столе находились остатки банкета, и стал пробовать всякую вкуснятину, запивая сладкими напитками из полупустых бокалов, которые оказались вином. Мне захотелось спать, и я устроился в темной кабине лифта, предназначенной для подъема пищи из кухни.

Вечером и ночью был страшный переполох с привлечением милиции. Пропал ребенок!

Наутро, когда устроители обеда открыли дверцы лифта, эта «пропажа» была обнаружена. Радость бабушки и дяди Шуры сменялась поцелуями и подзатыльниками.

Так что, мой алкогольный стаж можно считать с 9 лет.

Следующий мой приезд к ним относится к 1927 году. По дороге с вокзала мы с дядей Шурой наблюдали на Театральной и Манежной площади массовые шествия в поддержку Троцкого с лозунгами и призывами. К тому времени уже процветал НЭП и необходимость в движении ПОМГОЛ отпала.

Дядя Шура переехал из особняка Бергов в скромную квартиру в Ваганьковском переулке. Наши окна на 3-м этаже находились прямо напротив входа в Румянцевский музей. В дальнейшем улица была переименована в ул. Маркса и Энгельса, а музей - в библиотеку имени Ленина. В этой же квартире жил кинооператор Штейнберг, с красавицей женой, будущий организатор и ведущий «Клуба путешествий». К тому времени дядя Шура перешел в объединение «Станкоимпорт», заняв ответственную должность. Его жена, Ольга Богдановна Вааг, у которой был сын Леня от первого брака, на 2 года старше меня, происходила из дворянской семьи, обладавшей монопольным производством горчицы. До революции это была знаменитая Вааговская горчица.

Сама Ольга Богдановна была образованная, необычайно нежная и заботливая женщина. Ко мне она относилась по-матерински, особенно когда я заболевал. Я много времени проводил с бабушкой, она старалась привить мне любовь к отцу, хотя дядя Шура порицал его за разрыв с моей мамой и демонстративно не имел с ним переписки. Правда, работая в Наркомате внешней торговли, он предвидел возможные последствия за связь с заграницей.

Я бегал в Румянцевский музей и в магазин офицерского общества на Воздвиженке, переименованный вскоре в Военторг №.1.

Из воспоминаний того времени мне особенно запомнилась рождественская елка, которую я впервые увидел в семье немцев Китрихов – близких друзей дяди Шуры.

Это был канун 1928 года, мы были приглашены на празднование Католического Рождества в эту религиозную семью.

Елка была украшена яркими шарами, блестками и другими игрушками, сохранившимися с дореволюционных времен или привезенными из-за границы. Особенный эффект придавали елке горящие свечи, которые были зажжены во время праздничного ужина.

Теперь новогодние елки стали привычными, они были легализованы по инициативе секретаря ЦК партии Украины П.П. Постышева в середине тридцатых годов. Спустя два года он был репрессирован и расстрелян.

Надо сказать, что Рождество совпадало с днем рождения дяди Шуры - 24 декабря.

Впервые дядя Шура сводил меня в Большой театр на балет «Эсмеральда», с той же Гельцер. По ходу действия с ней была козочка, что мне особенно запомнилось.

К большому сожалению, Ольга Богдановна умерла в начале 1931 года от перетонита. Дядя Шура очень переживал ее смерть и переехал в двухкомнатную квартиру на Пречистенке, 34 вместе со своей матерью – моей бабушкой и пасынком Леней.

Когда погибла жена Сталина Надежда Алиллуева, ее провожали в последний путь на Новодевичье кладбище через Пречистенку. Накануне люди в штатском и управдом строго настрого предупредили жильцов всех домов, окна которых выходили на улицу, не подходить к окнам, которые к тому же должны были быть завешены.

Я все-таки нарушил запрет и наблюдал за процессией.

Мне показалось, что за гробом шел Сталин. Потом оказалось, что это был его двойник, но в тот период я с гордостью рассказывал об увиденном.

Дядя Шура увлекался теннисом и имел звание судьи международной категории в этом виде спорта.

На теннисном корте он познакомился с Евгенией Ченцовой, моложе его на 20 лет, на которой женился в 1935 году.

У них было четверо детей, из которых в живых осталось двое – Валерия и Леонид. Третий сын – Сережа умер от менингита в 1940 в возрасте 1 года. И, наконец, дочь Маша погибла в 1960 году, попав под поезд на глазах у родителей на станции Востряково, неподалеку от которой у них была дача. Ей было всего 12 лет.

В Москве, когда я гостил у дяди Шуры в Денежном и Ваганьковском переулках, я большую часть времени проводил с бабушкой Эрнестиной, с которой я жил в отдельной

комнате. Она прививала мне любовь к отцу, называя его порядочным и благородным человеком и любящим сыном. Она была уверена, что наша семья восстановится, и я обрету отца.

С другой стороны, она отмечала его влюбчивость и непостоянство в своих увлечениях, которых у него в молодые годы было множество.

Иногда бабушка пыталась говорить со мной на немецком, который мне еще не преподавали в школе.

Третий брат отца – Феликс, жил в Вене, он был женат на австриячке Амалии и работал в автомобильной фирме «Даймлер».

Их сын Карл - мой двоюродный брат, был старше меня на один год. Несколько лет тому назад, мой зять Борис, будучи в Вене, позвонил ему, но он отказался признать меня. То же самое произошло, когда с ним созвонился сын дяди Шуры – Леня, который также приходится ему двоюродным братом. По-видимому, в обоих случаях он опасался родственных связей с живущими в бывшем Советском Союзе. Не уверен, жив ли он теперь, так как звонившие ему говорили, что голос у него был старческий.

Все три сына боготворили свою мать – мою бабушку и в день ее шестидесятилетия в 1922 году прислали трогательный поздравительный адрес, полный любви и уважения. Автором его как старший был мой отец. Адрес был направлен в Вену на подпись среднему брату Феликсу и в Москву младшему брату – дяде Шуре для поздравления и вручения матери.

Умерла бабушка в возрасте 80-ти лет во время войны, не увидев своего арестованного как немца сына Александра Максимовича Райхмана, сосланного в поселок под Акмолинском, и меня, находящегося в эвакуации в Ташкенте. Перед смертью она написала два прощальных письма своему сыну Шуре и внуку, то есть мне.

2. ОТРОЧЕСТВО

Начало этого периода жизни я отношу к концу 1928 года, когда с согласия мамы, я записался на биржу труда, хотя еще учился в школе. Мне казалось, что накануне четырнадцатилетия я уже могу зарабатывать, так как маминой зарплаты, менее 50 рублей, и периодической помощи от отца в размере 5-10 долларов, нам едва хватало на жизнь.

Вскоре меня направили учеником на небольшую электростанцию технологического института, к которой примыкал завод «Электроталь», выпускавший названную продукцию. Моя первоначальная зарплата как ученика электромонтера составляла 8 рублей. В первый день моего ученичества меня поставили на перекачку нефти ручным насосом. Работа была несложная, но совершать маятниковые движения в течение 4-х часов было муторно. Такой продолжительностью мой рабочий день был, пока мне не исполнилось 14 лет.

В первый день я явился в школу гордым, со следами нефти на руках и физиономии, чем вызвал восхищение своих сверстников и удивление преподавателей и классной руководительницы.

Работу и школу я мог совмещать, так как занятия во второй смене давали такую возможность.

Мой рабочий день начинался в 8 утра по третьему гудку, издаваемому всеми заводами и фабриками города. Первый и второй побудные гудки были в 6 и 7 часов соответственно.

На электростанции меня отдали в подчинение старшему мастеру Александру Ивановичу Макарову, в моем представлении, он был преклонных лет, хотя ему было 40 с небольшим. Он прошел хорошую производственную школу и был специалистом широкого профиля. Будучи суровым, но справедливым, он решил дать мне возможность поработать и испытать все производственные специальности, что я с большой охотой воспринял. Таким образом, я поработал в литейном цехе, выполняя посильную работу помощников формовщика, кокильщика, литейщика и разливщика. За этим последовала работа в кузнечном цехе, где я подносил раскаленные заготовки и проводил закалку деталей по цветам побежалости в воде и масле. С особым интересом я воспринял станочную работу всех видов и обучение слесарному делу.

На второй год обучения, когда моя зарплата удвоилась, меня поставили на электромонтажные работы. В то время строилась столовая, и мне поручалась самая простая, но тяжелая обязанность – пробивать сквозные отверстия в стенах под потолком, стоя на лестнице.

В одной руке у меня был шлямбур, а в другой – увесистый молоток. Особенно тяжело было зимой в мороз, когда руки уставали и я, промахиваясь, бил по ним молотком, разбивая в кровь. Нередко навертывались слезы.

В виде поощрения через полгода я был переведен в машинный зал электростанции. Это было интересно и легко. Правда, там случилось происшествие, за которое пришлось расплачиваться месяца три. Дело было так: мне как помощнику дежурного, разрешалось под его наблюдением проводить различные технические операции. И вот однажды, когда дежурный ненадолго вышел, мне позвонили и потребовали включения мотор генератора, что я поторопился сделать - не дождавшись выравнивания напряжения, включил его в сеть, чем вызвал сильный хлопок и сноп искр. Вбежали дежурный и мой наставник Макаров, который, поняв, что я натворил, огрел меня по шее так, что я отлетел на несколько метров. Затем, успокоившись, он сказал: «Будешь обрабатывать ограждение к этому мотор-генератору (умформеру). Он расценил эту работу, как суровое наказание, так как в течение трех летних месяцев я опиливал заготовки, шлифовал и полировал их до блеска. Это была тяжелая работа в условиях жары на улице и, особенно на электростанции, а я от жалости к себе нередко плакал. Макаров подходил, но был неумолим до окончания работы. В конце он смилостивился, похвалил меня и сказал, что слесарное дело я освоил.

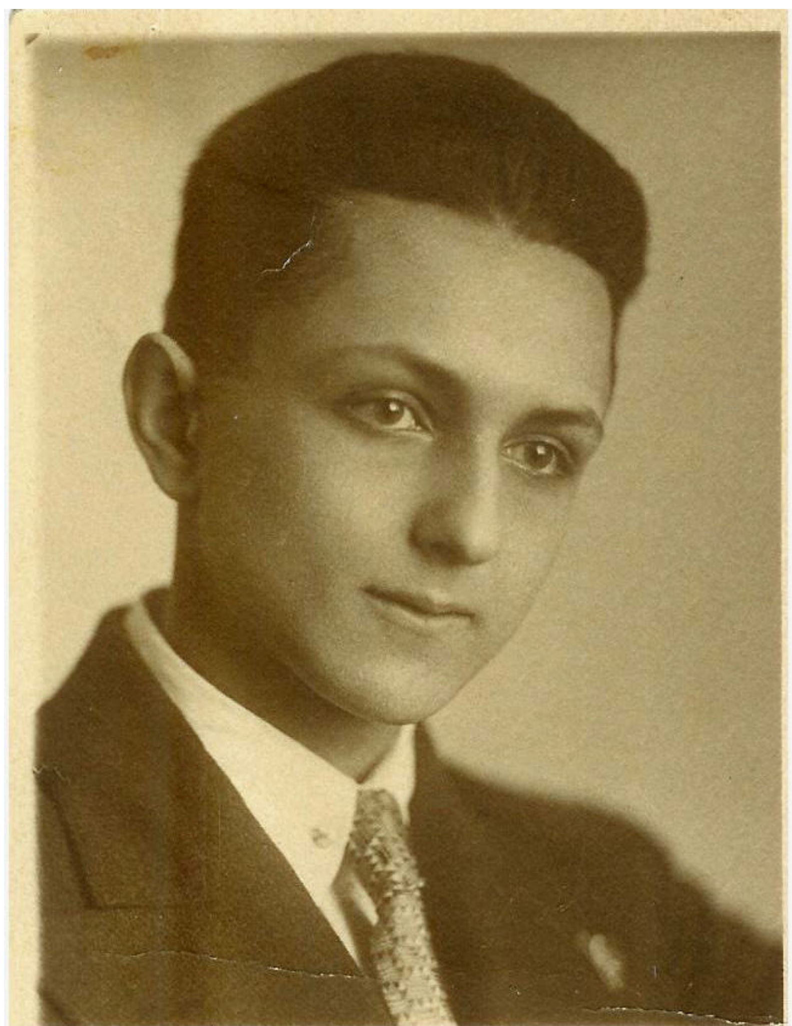
Летом 1929 года я окончил школу, и у меня появилось свободное время. Я использовал его, безвозмездно работая лаборантом в аэрогидродинамической лаборатории, руководимой известным украинским академиком Георгием Федоровичем Проскурой.

Я участвовал в гидродинамических испытаниях модели строившейся плотины Днепрогэса, а также в испытаниях новых типов насосов, труб Вентуры, задвижек и клапанов. Особый интерес у меня вызывала продувка в аэродинамической трубе, купленной в Германии, моделей гидросамолетов главного конструктора Калинина. Работа меня захватывала, и я вместе с научными работниками Александром Ивановичем Борисенко и Сухановым проводил испытания и их обработку до позднего вечера, чем очень беспокоил маму и вынуждал ее приходить за мной.

Над зданием лаборатории для выработки электроэнергии строилась экспериментальная ветряная установка, а мне по основной работе на электростанции поручили провести электромонтажные работы. Учитывая мой предыдущий опыт, я был определен руководителем двух помощников. Работа была успешно выполнена, одобрена академиком Проскурой. Это был мой первый опыт руководителя над двумя подчиненными.

Летом 1929 года я одновременно подал заявление в профсоюз и комсомол. В первый меня приняли, а со вторым возникли осложнения. На общем собрании рабоче-крестьянская молодежь высказывалась в том плане, что я интеллигент, носящий галстук, да еще играющий на скрипочке. Пусть, мол, докажет своей общественной деятельностью свою пролетарскую принадлежность.

Мне было дано задание проводить политико-воспитательную работу среди работающей крестьянской молодежи. Я это поручение выполнил, и в 30-м году мне все же выдали комсомольский билет. Этому также способствовало обязательство закрепиться по месту работы до конца первой пятилетки. Это движение вытекало как одно из шести условий индустриализации, провозглашенных Сталиным. Правда, пятилетка была выполнена в два с половиной года, и в 1931 году я мог без осложнений уволиться с работы.

В 1930 году я окончил музыкальную школу, но продолжать занятия в училище не стал. В отпуск я посетил Елизаветград и, проиграв выпускной концерт Виотти №. 23, глубоко разочаровал своего первого наставника - дядю Юзю, который с глубоким сарказмом сказал: «Твой Суспензориум ничему тебя не научил» Он специально исказил фамилию моего педагога Консисторума.

В тридцатом году, в моем представлении, отрочество кончалось, и я вступал в следующую стадию развития.

3. ЮНОСТЬ

В свои 15 лет я начал влюбляться в окружавших меня девочек.

В нашем дворе жила семья из бывших дворян. Родители ограничивали общение двух своих дочерей с нами, как недостойными по происхождению. Мне же очень нравилась младшая – Лена, моего возраста, которая отвечала мне взаимностью.

Однажды я уговорил ее совершить путешествие на велосипеде через центр города в Сокольники. В Харькове, как и в Москве, был такой лесной массив.

Велосипед был у моего соседа, и он разрешал мне за ним ухаживать и пользоваться.

Я посадил Лену на раму, и мы поехали. Во время езды она была в моих объятиях, так как я держал руль и тесно прижимался к ее спине. Я впервые испытывал огромное волнение и чувственное наслаждение.

Мне казалось, что и она испытывала подобные чувства, стоически перенося болезненное неудобство сидения на раме, периодически прося останавливаться для отдыха.

Некоторое время мы совершали такие волнующие поездки по выходным дням, пока у меня не появилось более серьезное увлечение. Это произошло с ученицей подшефной школы, которая посылала семиклассников на производственную практику, на нашу электростанцию.

На меня, как на наиболее просвещенного среди окружающих рабочих, было возложено руководство практикантами. В мои обязанности входило объяснение сущности технологического процесса производства электротали (подъемника), назначения и устройства станочного и литейного оборудования. Несколько дней было уделено устройству и особенностям работы оборудования электростанции. Школьные годы, любовь к физике, а также годичный опыт работы позволили мне донести до школьников эту информацию в доступной форме.

Среди школьниц выделялась одна девочка, очень красивая - брюнетка, стройная, и к тому же кокетливая.

Во время занятий она обстреливала меня своими черными глазами. И, в конечном счете, представившись Юлией, назначила мне свидание.

Дело было зимой, и я второпях забыл перчатки. В этот же вечер она пустилась в рассуждения о любви, утверждая, что это не более чем биологическое стремление разных полов, не обязательно связанных узами брака, к физической близости. В подтверждение она ссылалась на модную теорию «свободной любви», проповедуемой Коллонтай, пообещав дать прочитать «Дневник Кости Рябцева» и «За закрытой дверью» Вересаева. Вечер первого свидания был холодный, и у меня замерзала правая рука, которой я придерживал ее за локоть. Видя это, она решительно провела руку через пальто и кофточку и прижала к обнаженной груди. Придерживая ее (руку), она сказала, что я уже не мальчик и чтобы был смелее.

Юля мне также поведала, что живет в большой квартире с отцом и матерью. Но они часто отсутствуют, так как отец работает в ОГПУ, находясь в чине комбрига (в современной армии это генерал-лейтенант), и возглавляет контрреволюционное управление – КРУ. Фамилия его Новаковский. Мать у нее актриса, фамилия ее Подлесная (по украински Підлісна). Сказала, что у нее дома собирается молодежь и известные футболисты, предложив мне бывать в их компании. Рассказала также, что с шестого класса ведет откровенный дневник и даст мне его прочитать. На этом мы расстались. Эти ее откровения и действия потрясли меня.

В одно из следующих свиданий она дала мне тот дневник, содержание которого изобиловало ее рассуждениями о любви и дружбе, личными переживаниями, эпизодами своей жизни и т.п.

Я с огромным интересом прочитал несколько толстых тетрадей, но от мамы скрыл. Мне хотелось с кем-нибудь поделиться прочитанным. И я решил дать дневник на ознакомление Нюсе, о которой писал выше. Она прочла его, отметила глубину и трезвость рассуждений автора, не поверив, что им является школьница, сказав, что так мог написать Гюи де Мопассан.

С другой стороны, она предостерегла меня от увлечения этой девочкой-женщиной, хотя это не возымело действия.

Следствием этого было крайнее расстройство и тревога мамы, которой Нюся не преминула обо всем рассказать, о чем я могу только догадываться.

Один раз я был у Юли в гостях, где были ее сверстники и незнакомые старшие парни и девушки. Вечер назывался «Египетские ночи» с танцами обнаженных девиц. Для меня это было потрясающе необычно, и я сбежал, сопровождаемый презрительными репликами. Надо сказать, что подшефная школа №. 36 была элитной, находилась на Совнаркомовской улице в центре города. В ней учились дети и внуки правительственных и партийных бонз. Таких как: Косиор, Постышев, Петровский, Чубарь, Якир, Затонский. Все они, кроме Петровского, впоследствии были расстреляны. Петровский был близким товарищем Ленина и возглавлял Украинский ЦИК, а после разжалования стал директором Музея Революции на улице Горького в Москве.

Эта школа обильно финансировалась, и на эти средства было приобретено различное импортное оборудование для практических занятий.

Учитывая, что школа была подшефной для нашей электростанции, мне вместе с бригадой было поручено провести электромонтажные работы этого оборудования. Поэтому я проводил там рабочее и нерабочее время, играя в последнем случае в волейбол и принимая участие в вечерах самодеятельности.

На свою беду в меня влюбилась одна из семиклассниц, Люда Солохина, которая, чтобы отвратить меня от соперницы Юли, поведала мне о некоторых ее неприглядных делах. После моего разговора с Юлей она догадалась об источнике информации. Разразился скандал с мордобоем и тасканием за волосы соперницы. Поведение обеих учениц разбиралось на учкоме и педсовете.

Кончилось тем, что меня пригласил директор школы, Павел Васильевич (фамилию запамятовал), поблагодарил за проведенную работу по установке оборудования и проведение практических занятий, после чего попросил в школе больше не появляться.

Это лирическое отступление я привел для того, чтобы объяснить, почему мама отправила меня на жительство в Москву, к своей сестре Тане, под влияние брата отца Александра Максимовича - дяди Шуры.

Должно быть, это решение было для мамы особенно тяжелым, так как она лишалась близости своего единственного сына и обрекала себя на одинокую жизнь, хотя, к счастью, временно. Надо сказать, что мама постоянно отвергала всякие предложения о замужестве, из-за боязни, что сторонний мужчина может плохо относиться ко мне как пасынку. Тем не менее, мама не давала отцу согласия и на развод, по-видимому, тайно надеясь на восстановление семьи. Одно время за ней ухаживал врач стоматолог Вайншток Александр Львович, который добивался маминой руки, но был отвергнут. В свои 9-11 лет я был весьма эгоистичен - безумно ревновал маму к этому человеку и сильно переживал. Это не могло не повлиять на принятие мамой решения.

Я же тянулся к отцу и находился с ним в переписке. В то время это еще не вызывало подозрений и противодействий у власти.

В свою очередь, отец не мог устроить свою личную жизнь, так как в Америке без официального развода он, в случае женитьбы, мог оказаться под судом.

Отец занимался дилерством (коммивояжерством), но нарастающий отосклероз (ухудшение слуха) мешал ему вести свою профессиональную деятельность. Однако он приобрел участок земли, который позволил ему впоследствии разбогатеть и приобрести трехэтажный дом в охраняемом престижном районе Лос-Анджелеса. Умер он в 1970 году в возрасте 86 лет.

Эту информацию об отце я получил в 1999 году от своего сына Эрика, который выезжал на 60-ти летний юбилей друга детства Игоря Рубинштейна, также проживающего в Лос-Анджелесе.

С отцом я переписывался до 1931 года, пока это не вызывало сложностей по месту работы и учебы. В 30-е годы он выслал маме и ее сестре Соне две портативные пишущие машинки для домашней работы. Тетя Соня, после смерти мужа в 1934 году, по обмену переехала из своей комфортабельной пяти-комнатной квартиры в Елизаветграде в одну 16-ти метровую комнату в коммунальной квартире на Солянке 1, где также жил ее младший брат Яков Яковлевич Яковлев с женой Ольгой Георгиевной и приемной дочерью Олей.

Последнее письмо от моего отца она получила в 1947 году, где он крайне сожалел о смерти своей матери (моей бабушке Эрнестине) и жены, о чем ему стало каким-то образом известно.

В этом письме он интересовался и о моей судьбе. Однако эти сведения в то время были крайне опасными, и в случае безусловной перлюстрации писем, могли иметь для меня катастрофические последствия. Тетя Соня поступила мудро и оставила письмо без ответа.

Итак, я рос односторонним сиротой, опекаемым мамой и множественными родственниками, которые старались помочь маме в моем воспитании. Это вынуждало меня жить своей жизнью, хотя и окруженным участием близких родственников, которые из благих намерений оказывали на меня разностороннее и неоднозначное влияние, вынуждая выбирать свой собственный путь, который во многих случаях был ошибочным.

Безусловно, если бы я воспитывался в полной и благополучной семье с отцом, мой жизненный путь был бы не так извилист и тернист.

И все же, я был благодарен родным и главное, дорогой своей мамочке. Они сформировали меня, как я считаю, честным, доброжелательным, трудолюбивым, любознательным и инициативным, но не всегда упорным в достижении личной цели.

Отсутствие твердости и жесткости характера и всепрощение людям, совершающим недружественные, а порой и предательские поступки, неумение чисто физически постоять за себя, я расцениваю как свои основные недостатки. Но об этом ниже.

4. МОИ РАБОЧИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Итак, к лету 1931 года меня ничего не связывало. Я окончил музыкальную школу. Перед дирекцией, профсоюзом и комсомолом я был чист, так как окончилась 1-ая пятилетка, которую я обязался соблюсти по месту работы, а также, учитывая опасения мамы моими увлечениями, равно как и экономические и продовольственные трудности на Украине, в том числе и в Харькове. Все это привело к тому, что я по приглашению младшей сестры мамы – Татьяны – и вынужденному маминому согласию, я временно расстаюсь с ней и уезжаю.

И вот я в Москве, живу у тети Тани в одноэтажном старом доме, в полуторокомнатной квартире общей площадью 16-18 кв. метров, с умывальником на маленькой кухне, печным отоплением и общественной уборной.

Дом находился на Калужской улице, напротив 1-ой Градской больницы, рядом с 38-ой семилеткой, которую только что окончила моя двоюродная сестра Лида. Помещение этой школы в середине 60-х годов занимал Комитет стандартов, который затем был перестроен в многоэтажную башню того же назначения.

Перед домом, как и перед аналогичными домами этой стороны улицы, были фруктовые сады. На правой стороне улицы размещались институты: Горный, Нефтяной и Стали, а также градские больницы. Проезжая часть улицы была не более 8-10 метров, покрытая брусчаткой и от близлежащей Калужской заставы по ней ходил трамвай №. 51. Его маршрут проходил через Калужскую, Серпуховскую, Таганскую площади, Крестьянскую заставу и заканчивался у $1^{\text{гого}}$ Шарикоподшипникового завода, на котором я впоследствии работал.

Лирическое отступление.

Когда в 1931 году я попал в окружение своих сверстников, кончивших школу-семилетку №. 38, как и моя сестра - Лида, расхождение в возрасте не превышало 2-х лет. У меня появились новые друзья - мальчики и девочки. На протяжении 2-х, 3-х лет мы дружно занимались спортом, ходили в Парк культуры и отдыха, находившийся через дорогу, часто посещали театры, кино и выставки. Переживали возраст любви и попеременно влюблялись, зачастую и очень серьезно. В дальнейшем из их числа образовалось несколько супружеских пар.

Что касается меня, то я сразу влюбился в подругу моей сестры Лиды - Катю Меньшикову. Обе они были моложе меня на полтора года, закончили 38-ю школу и поступили в ФЗУ (фабрично-заводское ученичество) при заводе «Мосэлектрик».

Я часто бывал у Кати дома, где музицировал с ее старшей сестрой Верой, которая неплохо играла на фортепиано, я же в нашем дуэте исполнял скрипичную партию. В нашем репертуаре были: «Серенада» Шуберта и мелодия из оперы Глюка «Орфей в аду» и др. Родителям Кати я нравился, и они потворствовали нашему с Катей взаимному сближению.

Мы много читали, обменивались впечатлениями о прочитанном, посещали театры и концерты и подолгу задерживались вечерами в саду, позволяя себе жаркие поцелуи, иногда ездили за город. Наши взаимоотношения не обходились без взаимной ревности, приводившей к краткосрочным размолвкам, из которых мы выходили посредством письменных посланий. У нас был тайничок, в который мы закладывали письма,

наполненные объяснениями в любви, а также упреками и подозрениями, часто доводившими Катю до слез.

Я подозревал, что она мне неверна с парнями из ФЗУ, хотя и сам небезответно симпатизировал многим подругам моей сестры.

В общем, оснований для ревности было достаточно.

Надо сказать, что эта эпистолярная деятельность, как и ведение «философских» дневников развивала сочинительский стиль и повышала грамотность, которой мне недоставало после окончания украинской школы, где оба языка, тем более, родственных, взаимно перемешивались.

Мои легкомысленные увлечения ее подругами, и другими девушками, о чем я пишу ниже, Катя тяжело переживала. Это привело к тому, что в середине 1935 года она влюбилась в Бориса Куборского, который ее сразу соблазнил, забеременела и вышла за него замуж.

Мои чувства к ней долго сохранялись. Да и она говорила о неослабивающей взаимности. Особенно переживала наш разрыв Катина мама. Воистину – первая любовь не ржавеет. Умерла Катя от рака в мае 1990 года, годом раньше от того же умер ее муж Борис.

По приезде в Москву я стал искать работу в своем районе. Выбор был - завод «Красный пролетарий», либо концессионное шарикоподшипниковое предприятие, принадлежавшее известной шведской фирме SKF. На это предприятие с высокой оплатой труда было чрезвычайно трудно устроиться. Помог мне отец Кати – Михаил Иванович Меньшиков, который работал там главным бухгалтером.

Определили меня в электроцех на должность электрослесаря 4-го разряда по обмотке сгоревших моторов, применяемых в производстве.

Начальником этого цеха был швед Неттцель, который совмещал все должности: мастера, расчетчика параметров моторов, контролера, кладовщика-хранителя материалов, кассира и др. Он сам определял и выдавал зарплату, в зависимости от интенсивности и качества труда и квалификации работающих.

На заводе была комсомольская и другие положенные организации. Я встал на комсомольский учет и в короткий срок стал членом комитета комсомола. Через некоторое время меня избрали вожаком «Легкой кавалерии» Ленинского района Москвы. Была такая молодежная организация, в обязанности которой входило инспектирование торговых и прочих организаций и борьба со злоупотреблениями. Надо сказать, что нас очень боялись, так же как теперешнюю Контрольную инспекцию. Мне нравилась производственная деятельность, она была не утомительной, правда, довольно монотонной.

К началу осени 1931 гола встал вопрос о моем дальнейшем образовании. Я подал свидетельство об окончании семилетки в рабфак при Московском государственном университете им. Покровского. Последний в 30-х годах был изобличен как исказитель истории компартии и расстрелян. Тогда же МГУ было присвоено имя Ломоносова, которого уже ни в чем нельзя было разоблачить, а тем более осудить.

Надо сказать, что до прохождения экзаменов надо было пройти мандатную комиссию, которая, ознакомившись с моей анкетой (отец в Америке), отказала в поступлении.

Тогда же я сделал попытку поступить в рабфак им. Уханова на вечернее отделение, куда меня все же приняли.

Рабфак находился в конце Петровки и относился к государственному электромеханическому институту имени Каган-Шабшая, сокращенно ГЕМИКШ. В настоящее время в этом здании размещается авиационно-технологический институт – МАТИ.

Сам Каган-Шабшай в духе своего времени и необходимости ускоренной подготовки советских специалистов из рабоче-крестьянских рядов разработал бригадный метод обучения. Сущность метода заключалась в создании бригад из 5-7 человек, которые коллективно занимались и готовились к проверке знаний. При этом один из бригады, наиболее подготовленный по одному или нескольким предметам, отвечая за уровень знаний всей бригады, отчитывался перед преподавателями, в том числе и сдавал экзамены. Оценочные отметки ставились всем членам бригады.

Это позволяло в силу весьма пестрой подготовки студентов, их развития и трудолюбия, добиваться коллективного успеха. Мне была выделена область физики и отчасти химии.

Проучившись и проработав год, осенью 1932 года я был направлен на строившийся завод «Шарикоподшипник №. 1» имени Л.М. Кагановича, который курировал строительство и пуск этого завода.

Я с охотой принял это направление, так как окончилась концессия SKF, завод стал обычным советским предприятием с обычными низкими заработками и многочисленным паразитирующим штатом начальников. Так, вместо одного Неттцеля у нас в электроцехе появились до 10-ти непроизводственных административных работников.

На 1-ом Государственном шарикоподшипниковом заводе (1-й ГПЗ) я приобрел специальность прибориста по эксплуатации и ремонту аппаратуры для измерения и автоматизированной регулировки температур печей, закалочных ванн, что является основным при производстве шарикоподшипников, т.е. должность пирометриста.

Работа в три смены, отсутствие полноценного отдыха и сна в условиях уплотненной квартиры, а также учеба на вечернем отделении рабфака, привели к тому, что все последующие годы жизни нормальный ночной сон стал для меня мучительно проблемным.

На 1-ом ГПЗ я был избран техпропом комитета комсомола, в том числе организатором сквозного технологического процесса по производству двух типов упорнороликовых подшипников УР-82 и УР-102, освоение которых встречало трудности. Эти подшипники устанавливались на грузовики, выпускаемые автозаводом имени Сталина, и их отсутствие срывало выпуск грузовых машин, что в то время могло иметь далеко идущие последствия. Моя круглосуточная деятельность по организации и контролю производственного цикла позволила выйти из этого тупика. На свою голову, я стал «незаменимым» комсомольским работником, что в дальнейшем осложнило мое продолжение высшего образования. Но об этом позже.

Работая на заводе, я продолжал успешно учиться в рабфаке. Зимой 1932 года, в середине 2-го курса, я познакомился со студентом 4-го курса Электроавтогеносварочного института, который ходил в женихах моей двоюродной сестры Ольги - приемной дочери дяди Яши. Это был Александр Иосифович Залбштейн, весьма активный молодой человек, который, будучи студентом 4-ого курса института, выполнял обязанности заместителя ректора по административно-строительской части.

Узнав, что я учусь на рабфаке и, желая заручиться моей поддержкой в своем ухаживании за Олей, он сказал мне: «К чему рабфак, переходи в мой (!) институт». Мои заверения о том, что до окончания рабфака остается полтора года, он обсмеял и назначил встречу в институте на следующий же день. Когда я появился, он провел меня к заместителю ректора по учебной работе профессору Николаеву Георгию, кажется, Александровичу, в будущем академику и ректору МВТУ им. Баумана. Представив меня как родственника, прибавив лишний завершающий курс рабфака и обрисовав с самой положительной стороны, он попросил зачислить меня на 1-й курс института. К моему удивлению, Николаев сразу направил меня в аудиторию с последующим оформлением. При этом, обращаясь к моему покровителю, он произнес: «Пусть подгонит, так как прошла уже половина семестра, а Вас, Александр Иосифович, попрошу выделить мне талончик на джемпер, распределяемый профкомом, членом которого Вы являетесь». Так, что джемпер был ценой моего зачисления в институт. По дороге в аудиторию я был в смятении от этой авантюры. Так я совершил прыжок в два года учебы. Но делать было нечего, и я представился старосте курса.

Единственное, что меня удивило, это то, что студенты были разновозрастными от 18 до 40 лет, последних было большинство. Увидев мое удивление, староста, который сам мне в отцы годился, объяснил, что это была группа парттысячников, которых партийные организации направляли на учебу для получения высшего образования и формирования советской интеллигенции.

Еще больше я был удивлен, когда на лекции по математике вместо ее высших разделов я увидел уравнения с двумя неизвестными, которые я проходил в 6-м классе школы.

Одним словом, к концу 1-го курса мы подошли по своим знаниям к уровню вступительных экзаменов в нормальный ВУЗ.

На первом курсе у нас были практические занятия по электросварке, и надо было получить квалификацию сварщика 3-го разряда. Таковую я получил после того, как обжег глаза, не умея в должной мере пользоваться защитным щитком.

После каникул, в конце августа, я пришел в институт и увидел объявление, из которого следовало, что согласно постановлению правительства, институт расформируется, а все студенты переводятся в МВТУ им. Э.Баумана, где организуется новый факультет СП (сварочное производство), с сохранением соответствующего курса.

Это было сплошной авантюрой потому, что по уровню знаний большинство, в том числе и я, не могли бы выдержать даже вступительных экзаменов в этот институт. Но делать было нечего, и все были зачислены на 2-ой курс. Правда, были срочно организованы дополнительные занятия, которые проходили и в воскресные дни.

Я вынужден был манкировать комсомольской работой, спать по 3-4 часа. К слову сказать, городской транспорт в то время был наземным, метро только строилось. Я должен был тратить не менее двух-трех часов на ежедневный маршрут: дом-завод-институт и обратно, которые находились на расстоянии 7-10 километров друг от друга. А тут еще секретарь комитета комсомола Алексей Долгов, змей-искуситель, уговорил меня взять академический отпуск с обещанием направить с нового учебного года в военную академию, что тогда было весьма престижно. Я поддался соблазну быть направленным в академию и согласился взять отпуск в институте, смалодушничав таким образом.

В середине 1933 года, когда на Украине свирепствовал голод, в Москву приехала мама и, по настоянию своей сестры Тани, осталась жить в ее квартире. Мы с мамой вначале поселились во второй маленькой комнате, а после замужества моей двоюродной сестры Лиды, были вынуждены переселиться в крохотную комнатушку, которая до этого являлась кладовкой для хранения дров и ненужных вещей.

В комнатушке размещался старый диван, столик, один стул и на ночь ставилась раскладушка. Для большего - места не было.

Самое неприятное то, что комнату одолевали крысы. И однажды я проснулся от чувства, что на подушке у лица что-то движется. Открыв глаза, я увидел огромную крысу, которая вмиг спрыгнула. Я же, от испуга и омерзения, мог только вскрикнуть и, заикаясь, разбудил маму.

На заводе по решению Комитета комсомола меня перевели в транспортный цех для укрепления комсомольской ячейки и организации ее деятельности.

Я проработал диспетчером транспортного цеха один год, имея дело с шоферами, в обращении с которыми надо было применять многоэтажный мат, которому я так и не научился.

Наладив работу комсомольской организации, я попросил перевод, и был назначен мастером сборочного цеха завода, имея дело с конечной продукцией. Эту должность я занимал недолго. Спустя год я попытался восстановиться в институте, но это было невозможно, так как мои немногочисленные коллеги, выдержавшие дополнительную учебную нагрузку, уже были на третьем курсе, а мне путь фактически был закрыт. Пришлось начинать все сначала.

В 1933-34 годах я дружил с Миррой Левиной. Свободное от работы время мы проводили в библиотеке или у нее дома в Старо-Конюшенном переулке на Арбате.

Будучи идейными комсомольцами, мы штудировали «Вопросы Ленинизма» Сталина.

Кончилось тем, что она влюбилась в меня, хотя внешне это никак не проявлялось. Узнал я об этом из писем ее матери, которая призывала меня не разбрасываться и хранить это чувство, как однажды данное человеку. Она имела в виду свою дочь. Я уверен, что действовала она по своей инициативе.

К сожалению, это было в расцвете наших взаимоотношений с Катей, о чем Мирре было известно. Писем было несколько, они были умные. Я на них отвечал, убеждая эту женщину, что к ее дочери испытываю только дружеские чувства.

Другим моим увлечением была Нина Аладжалова, с которой я в 1934 году учился на курсах по подготовке в институт, так как я понимал, что после ухода из МВТУ, мне придется сдавать вступительные экзамены.

Нина жила с родителями в центре – угол Петровки и Кузнецкого моста, на втором этаже того дома, где в фотографии «Паола» на первом этаже фотографировался Сергей Есенин. Его большой портрет, в целях рекламы, красовался в витрине.

Нина мне нравилась, и я был вхож в ее дом. Эта взаимная симпатия продолжалась недолго, пока нас не разлучил «трагический случай».

Как-то раз после работы я пришел к ней на день рождения с поздравлениями. Застал там шумную компанию ее друзей. Как опоздавшего меня заставили выпить штрафной бокал вина.

По неопытности и на голодный желудок я сразу захмелел. Выйдя в другую комнату и остановившись у окна, чтобы отдышаться, я вызвал беспокойство Нины, которая, увидев меня, поняла, что я был голоден. Она решила пойти за едой, я воспротивился и, пытаясь задержать, схватил ее за пояс. При этом я почувствовал, что у нее под платьем, что-то надорвалось. Оказалось, это была резинка от трусов, которые вмиг опустились к ее ногам. В этот момент несколько гостей вошли в комнату и застали нас в этом двусмысленном положении. Нина вскрикнула: «Какой позор!», и путаясь в трусах, выскочила в другую комнату. Я пытался объяснить, но этим только вызвал недвусмысленные улыбки. Нина больше к гостям не выходила, и все разошлись. Через несколько дней я снова навестил ее, но ее мать сказала, что Нина больна и видеть меня не может. На этом наш роман окончился, так как я перестал ходить на курсы, будучи загруженным комсомольской работой.

Летом 1934 года, в порядке поощрения, я с группой комсомольских активистов, был направлен в Ленинград для ознакомления с достопримечательностями города.

По прибытии на привокзальной площади нам бросился в глаза памятник Александру III. Это была могучая фигура, восседающая на лошади. На пьедестале было выбито четверостишие, принадлежащее перу советского поэта Демьяна Бедного. Текст его привожу по памяти:

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я обрел удел известного бесславия,
Чугунным пугалом стою средь всей страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавия.

Вскоре памятник был демонтирован и перевезен во внутренний дворик Эрмитажа, где я увидел его спустя много лет.

С группой товарищей я посетил царские дворцы, в том числе и Екатерининский в Царском селе, ныне Пушкине, где еще существовала Янтарная комната.

Мне в то время симпатизировала моя однолетка Женя Сергеева, с которой мы проводили время, отделяясь от остальной группы. Как-то раз мы уехали в Сестрорецк, находящийся вблизи финской границы, и, знакомясь с окрестностями, оказались в приграничной зоне. В результате нас задержал патруль и препроводил на погранзаставу. Это был жаркий, летний день и, опасаясь потерять свои комсомольские билеты, мы оставили их в общежитии. При мне была только записная книжка с адресами, телефонами и различными заметками, в том числе анекдотами. Политических там не было, зато имелось десятка два анекдотов, предназначенных для сугубо мужского прослушивания. Для памяти каждый анекдот был зашифрован несколькими ключевыми словами. После проверки моих карманов книжка оказалась на столе начальника погранзаставы. И зашифрованные записи вызвали у него подозрение. Я объяснил их назначение и для убедительности привел несколько относительно невинных анекдотов. Но этого было недостаточно, и он, явно издеваясь, потребовал раскрыть содержание всех, утверждая, что в них зашифрованы секретные сведения о пограничной зоне. Присутствие Жени исключало такую возможность, но он был неумолим, угрожая задержать нас до выяснения личностей. Мысленно проклиная его и себя, чуть не плача, я раскрыл содержание всех анекдотов, которые язык не поворачивался произнести в присутствии Жени. Женечка молчала, но смотрела на меня с ненавистью. После этой экзекуции нас отпустили, и мы оба вернулись в Ленинград. До самого отъезда я

стыдился попадаться Жене на глаза - нашей дружбе был нанесен смертельный удар. И в Москве я избегал встреч с ней.

Практику шифрования анекдотов я все же продолжал, несмотря на преподанный мне урок.

Летом 1935 года на танцплощадке в кинотеатре «Ударник» я познакомился с Оксаной Танхилевич, по матери Богословской. После проведенного танцевального вечера, я вызвался проводить ее домой на Смоленскую площадь. Был летний, теплый вечер, и мы задержались в садике, у ее дома. Завязался откровенный с ее стороны разговор, из которого я узнал, что она не работает и не учится, хотя ей минуло 17 лет.

Кроме того, из ее откровенного рассказа следовало, что мать и отец были партийными работниками с дореволюционным стажем. Отец ушел из жизни в начале 20-х годов, мать, Нина Аркадьевна Богословская, была участницей 16-ого партсъезда и на тот момент работала в ЦК МОПР вместе со старой революционеркой Еленой Стасовой.

Сама Оксана, из-за занятости матери, воспитывалась в детском доме, где стала жертвой сексуальных домогательств со стороны одного преподавателя (в ее рассказе терминология была другая). На момент нашей встречи она вела свободный образ жизни, встречалась с мужчинами значительно старше себя, в том числе и с иностранцами, работниками посольств и их компанией. Эта разгульная жизнь ей надоела, но вырваться из этого омута у нее не хватало сил. У своей матери она не могла найти понимания и поддержки. У нее был младший брат Юра, который еще учился в школе. Ее рассказ, сопровождаемый слезами, меня глубоко тронул, мне показалось, что моим комсомольским долгом было помочь ей вырваться из этого болота, которое ее погубит. За этим последовали слезы благодарности и обещание следовать моим советам. Я же обещал не покидать ее, познакомиться с мамой и способствовать их взаимопониманию.

Нина Аркадьевна приняла меня очень радушно, одобрила мою трудовую и комсомольскую деятельность, попросила не оставлять Оксану и повлиять на нее.

Однажды Нина Аркадьевна попросила меня посетить среднюю школу, где учился ее младший сын Юра и уладить какой-то учебный конфликт.

Я выполнил ее просьбу и вместе с Оксаной встретился с директором школы. Стоя во время разговора, я положил руку на гипсовую голову Сталина, стоявшую у него на столе. Этот неуважительный жест с моей стороны вызвал гневный оклик директора: «Что Вы себе позволяете, молодой человек, немедленно уберите руку с головы вождя, это уголовно наказуемо». Я извинился и объяснил цель нашего прихода, после чего разговор был продолжен спокойным тоном и привел к положительному результату.

Мы стали встречаться с Оксаной - ходили в кино и на танцы, я ее познакомил со своими родными, в том числе с дядей Шурой и бабушкой.

Однажды мы оказались одни в искусственно затемненной комнате, там я проявлял фотографии, и между нами возникла физическая близость. До Оксаны у меня ни с одной девушкой или женщиной этого не было, кровь взыграла, и мои комсомольские принципы улетучились. Оксана, как и следовало, ожидать, была не девушкой.

В дальнейшем события развивались бурно. С ее стороны, любовь и привязанность нарастали, с моей - происходило охлаждение, тем более, что на заводе производственные и общественные обязанности заполняли большую часть времени. К тому же, я оканчивал очередные курсы по подготовке в университет, куда меня в очередной раз не пустила комсомольская организация завода.

В одну из сексуальных встреч я решил прервать наши взаимоотношения, о чем и сказал Оксане. Реакция была настолько бурной, что я с большим трудом отвез ее домой. Вечером меня разыскала Нина Аркадьевна и умоляла приехать, так как Оксана тяжело переживала наш разрыв - у нее была непрерывная истерика, переходящая в шоковое состояние.

Я приехал, как мог, успокоил ее и обещал приходить еще.

В одну из встреч Оксана призналась в беременности, и я стал посещать ее до родов, которые прошли благополучно. Девочку назвали по имени бабушки - Ниной.

По просьбе Оксаны дочке была дана мои фамилия и отчество. Оксана успокоилась, осознав, что мы не можем быть вместе.

В том же 1935 году я большую часть времени жил на Солянке у тети Сони, так как нам с мамой было тесно и неудобно находиться в маленькой «комнате» на Калужской.

Огромный много подъездный дом на Солянке, 1 был построен в 1912 году и предназначался, в основном, для служащих высокого ранга Министерства железнодорожного транспорта. Квартиры были многокомнатные с общим коридором. Так, квартира №. 99, где обитали дядя Яша с 1921 года и тетя Соня с 1935 года, находилась на 5-ом этаже подъезда №. 8, имеющего лифт.

В этой квартире довольно дружно проживало еще 5 семей. Проблемы возникали из-за мест общего пользования, так как все соседи были работающими и жизненные потребности осуществлялись практически в одно и то же время.

Несмотря на периодические конфликты, которые быстро погашались общими усилиями, семейные и государственные праздники отмечались совместно и доброжелательно с общим столом и модными в то время танцами. Такое согласие объяснялось социальной и культурной общностью жильцов.

Мой дядя Яша был женат на Ольге Георгиевне – бывшей жене греческого Консула в Одессе, который удрал во время революции, оставив жену и 5-ти летнюю дочь в Николаеве без средств к существованию. Сама Ольга Георгиевна (по фамилии мужа – Зигмула) происходила их греческой дворянской семьи и одно время была фрейлиной греческой королевы.

В 1920 году дядя Яша при венчании поменял веру и фамилию Берщадский на Яковлев. После переезда в Москву он поступил в Государственный банк, в котором успешно трудился на разных должностях до самой смерти в возрасте 65 лет в 1960 году.

Ольга Георгиевна длительное время занимала должность технического секретаря ЦК профсоюза работников суда и прокуратуры. В 30-е годы эта организация размещалась во Дворце труда на Солянке. Во время и после войны это огромное здание занимала Артиллерийская академия. В царское время там размещался Институт благородных девиц.

Дочь Ольги Георгиевны, тоже Оля, была весьма привлекательной девушкой: стройной, черноглазой, с правильными чертами лица. За ней ухаживало много интересных и перспективных молодых людей. В частности, ее руки добивался инструктор того же ЦК профсоюза, Семен Козырев. Ольга Георгиевна категорически отвергала всех «ухажеров» дочери (в том числе и Семена Козырева) за их «неинтеллигентное», недворянское происхождение.

Надо сказать, что еще до войны Семен Петрович Козырев был взят в аппарат Совмина на должность помощника Молотова. А после войны он стал послом в Египте во времена Суэцкого кризиса и президентства страны Абдель Нассера, которому как другу СССР было присвоено звание «Героя Советского Союза». Затем Козырев стал нашим послом в Италии, а в конце карьеры был членом коллегии МИД и заместителем министра по кадрам.

Вот такую недальновидность проявила тетя Оля к Козыреву, как, впрочем, и по отношению к другим отвергнутым по причине «недостойности», а впоследствии успешно сделавшим карьеру женихам.

Умерла Ольга Георгиевна после 5-ти летней слепоты от глаукомы за год до смерти мужа. Оля в начале 60-х годов сдала угол в комнате малокультурному человеку, а затем и вышла за него замуж, хотя он был значительно старше ее. Он, будучи грубым и бесчеловечным, довел ее до преждевременной смерти от запущенного сердечного заболевания, хотя ей было чуть больше 50-ти лет. Муж унаследовал антиквариат и другие драгоценности.

В лучшие предвоенные годы у Ольги были интересные друзья и подруги, которые мне нравились, хотя и были на год-два старше меня.

В то время были в моде западные танцы, и зимой 1935 года мы сформировали группу и наняли лучшего в Москве профессионального танцора Александра Павлова.

Собирались по вечерам в просторной квартире одной из Олиных подруг Гаяны Суреньянц. В нашу компанию входили и другие Олины друзья: Марианна – сестра Гаяны, Валентина Григорович, Лиза Ундриц, Александр Монгайт, Николай Криницкий. Последние оба были студентами МГУ. Один – математик, другой – филолог.

В нашу танцевальную программу входили: танго, фокстрот, слоуфокс, квикстеп, медленный вальс и чарльстон.

В начале 1935 года, по рекомендации заводского комитета комсомола, я вновь поступил на курсы по подготовке в Московский университет. Эти курсы формировались по путевкам ЦК комсомола и Наркомата просвещения. Занятия были вечерними, так как большинство слушателей были работающими.

На курсах со мной училась Елена Образцова, о которой я пишу в Приложении - эпизод №.1.

Курсы я окончил, но когда пришло время вступительных экзаменов в Университет, меня вновь не отпустили с завода. Так как вышло постановление ЦК ВКП(б) о назначении в средних школах комсоргов ЦК в помощь директору и для контроля его деятельности.

У нас была подшефная школа, и меня выдвинули на эту должность, что не позволило сдать вступительные экзамены в МГУ.

В конечном счете, в ЦК комсомола меня не утвердили по биографическим данным (отец за границей).

В марте 1936 года я вновь поступил на обычные подготовительные курсы, где познакомился со своей будущей женой Лидией Пекур. Она была слабо подготовлена, и мне приходилось ей помогать.

Курсы находились на ул. Герцена напротив консерватории, которую мы посещали, иногда пропуская занятия.

Весной и летом 1936 года на гастроли приезжали знаменитые скрипачи: Яша Хейфиц, Ефрем Цимбалист, Иегуди Менухин. Давали концерты и наши Лауреаты первых конкурсов: Ойстрах, Флиер, Эмиль и Лиза Гилельс и ряд дирижеров с мировым именем: Отто Клемнефер, Альберт Коутс, Курт Зандерлинг и другие.

Лида, сопровождая меня, постепенно музыкально образовывалась.

По окончании курсов Лида успешно сдала экзамены и поступила на актерский факультет Института кинематографии.

Я же, учитывая предыдущий, печальный опыт, уволился с завода и поступил на должность лаборанта в НИИ физики при МГУ по рекомендации моего приятеля Юры Богословского, который до меня работал там же лаборантом у академика Тимирязева Аркадия Климентьевича. Не того, чей памятник у Никитских ворот, а у его сына.

Я был рекомендован как бывший студент 2-го курса Бауманского института. Лаборатория изучала Максвелловское распределение скоростей молекул газа.

Надо сказать, что я в этом ничего не смыслил, но мой шеф, академик, успокоил меня, ссылаясь на мое мифическое студенческое прошлое в МВТУ. Он мне сформулировал практическое задание и методику обработки результатов эксперимента и уехал на дачу, обязав меня периодически посещать его для отчета и получения новых заданий.

Когда я оказался один в лаборатории рядом с огромной стеклянной колбой, заполненной газом и среди форвакуумных и молекулярных насосов, неизвестных мне манометров Маклеода, я пришел в ужас. Мне казалось, что при моем прикосновении произойдет взрыв, вместе с которым я и погибну.

К счастью, в соседних помещениях работали аспиранты, которые помогли мне во всем разобраться и выполнить задание академика.

Так, в течение полугода с их помощью я осваивал технику и обработку эксперимента и, отчитываясь перед академиком, держал его в неведении о своих ограниченных возможностях. Поступая лаборантом в НИИФ, я преследовал цель поступления в МГУ на физфак. В июле 1936 года я обратился к декану этого факультета Гордону с просьбой о зачислении на 1-й курс, как бы в порядке перевода из МВТУ имени Баумана.

Моя просьба была бы удовлетворена, если бы не 1936 год, когда ввели золотые медали за отличное окончание средней школы.

На мою беду большинство медалистов двинулось в МГУ, и там среди них уже образовался конкурс. Декан Гордон сказал, что при всем желании помочь мне, он бессилен, и предложил зачислить меня сразу на 2-й курс с условием до сдачи различающихся

программ. Быть может, это было бы реально, если бы мой второй курс МВТУ не был мифическим.

Хотя помогавшие мне в работе лаборанты и обещали свою помощь в подготовке, но выяснив мой уровень знаний, они поняли бессмысленность этой затеи и посоветовали поступать в другой менее престижный ВУЗ. Что я и сделал, подав бумаги в Институт. Стали, который меня территориально очень устраивал, так как находился на Калужской улице, где я жил.

Но здесь возникло новое осложнение – у меня не было аттестата об окончании средней школы. Свидетельство семилетки и справка 2-го курса МВТУ не заменяли аттестат. Пришлось срочно экстерном сдавать экзамены по основным предметам на рабфаке имени Артема, при Горном институте. Этот рабфак, между прочим, в то время находился в здании на Ордынке, в которое во время войны угодила бомба. После войны на этом месте построили Минсредмаш, в системе которого я впоследствии работал около полувека.

Аттестат я получил, вступительные экзамены в Институт Стали я сдал, и в 1936 году был принят на 1-й курс. В тот год я должен был бы уже окончить МВТУ, если бы не смалодушничал, взяв академический отпуск, и не пустился бы в «авантюрное плавание» с электроавтогеносварочным институтом. Кстати, зав. учебной частью, профессор Николаев, который за джемпер принял меня в этот институт, о чем я писал выше, стал в МВТУ вначале деканом факультета СП, а затем ректором и действительным членом Академии Наук.

Надо сказать, что летом 1936 года мы с мамой остались без жилья. Началась реконструкция Москвы, и Большая Калужская подверглась значительному расширению за счет сноса одно- и двухэтажных строений, передвижки вглубь трех- и более этажных, а также уничтожения садов. Всем выселяемым жильцам выделили участки под Москвой и дали на человека по 2,5 тысячи рублей, на которые в то время можно было купить всего несколько кубометров кирпичей.

Тете Тане, которая приютила нас с мамой до этого, предоставили одну комнату в новом доме на Волоколамском шоссе, напротив Авиационного института, куда она переехала с мужем, дочерью, зятем и внуком.

У нас с мамой была единственная возможность - поселиться у старшей маминой сестры Сони в 16-ти метровой, загроможденной мебелью, комнате, на ул. Солянке 1.

По окончании курсов я продолжал встречаться с Лидой. Я часто бывал у нее дома, в Подсосенском пер., дом 19, кв. 7, где она жила у своей знакомой - бывшей балерины Лидии Семеновны Детской, которая ей покровительствовала. Муж ее в 1935 году был арестован и расстрелян.

Лидия Семеновна была доброжелательной женщиной и потворствовала нашему с Лидой сближению. За ней самой ухаживал в то время партийный деятель Андрей Антонович Кузьменко, несколько старше ее, за которого она в конце 1936 года вышла замуж.

После переезда к нему Лидия Семеновна оставила Лиде свою комнату в коммунальной квартире и часть обстановки.

К тому времени у нас с Лидой был период взаимной влюбленности, который завершился весной 1937 года оформлением брака.

Летом того же года мы поехали в Чернигов на Лидину родину, где жили ее родители – Харитон Саввич и Марфа Ивановна, братья Филарет и Христофор. Оба брата служили в армии на командных должностях. Там же жила ее старшая сестра Мотя с мужем Иваном Рубаном и дочерью Аней. Вся семья была простой, но очень доброжелательной и дружной. Там мы провели свой медовый месяц.

Родительский дом находился на окраине Чернигова в живописном месте неподалеку от реки Десны, притока Днепра.

У нас появились друзья - москвичи, и мы провели веселое каникулярное время, загорая на берегу реки.

10 апреля 1938 года у нас родился сын Эрик, названный в честь радиста челюскинца - Эрнеста Кренкеля.

О том, что у меня есть дочь Нина, я сказал Лиде вначале нашего знакомства, но это никак не повлияло на ее ко мне отношение. С Оксаной я все время перезванивался, а иногда и приходил посмотреть, как растет моя дочь.

Незадолго до войны, когда Ниночка подросла, я периодически брал ее к нам домой, и она играла с двухлетним Эриком, а я их фотографировал.

В военные годы связь с Оксаной была потеряна, так как мы были эвакуированы в разные города.

Через некоторое время тетя Соня переслала мне письмо от Оксаны, в котором она сообщила место их пребывания и рассказала о развитии Ниночки. Оксана просила оказывать материальную помощь, что я, боле менее регулярно, делал вплоть до окончания Ниночкой института.

С годами, когда она повзрослела, денежная поддержка стала не столь регулярной, по мере моих ограниченных возможностей. Я был единственным работающим в нашей семье, и мне приходилось также поддерживать тетю Соню и мать моей жены, которая жила в нашей квартире, в Москве.

После окончания института в 1961 году Нина вышла замуж за моего однофамильца, но незнакомого мне Александра Райхмана, от которого у нее через год родился мой первый внук, названный в честь Оксаниного отца Гришей. Их брак был непродолжительным, а при втором замужестве Нина и Гриша сменили фамилию на Куликовых, и в 1970 году у меня появилась внучка Наташа.

После окончания института и до пенсии Нина работала в НИИ органических полимеров и красителей в должности научного сотрудника.

Но вернусь к себе. Осенью 1938 года, будучи студентом 3-его курса и придя на занятия в институт, я увидел себя в списке переводимых в Институт Стали, но только в город Сталино (теперь и ранее Донецк). Этот перевод объяснялся переходом московского Института Стали из Комитета высшей школы в Наркомат оборонной промышленности, куда я был непроходным по анкетным данным (отец немец - в Америке, его брат жил в Австрии).

Такой оборот событий был абсолютно неприемлем, и я решил обратиться в Московский Энергетический институт В.М. Молотова. С просьбой о переводе, я попал на прием к заведующему учебной частью М.Г. Чиликину и рассказал ему о своих бедах. Он вошел в мое положение, пообещав ходатайствовать перед ректором Дудкиным. Мне вновь надо было досдавать ряд электротехнических предметов, что я и сделал. К сожалению, уровень моих знаний по этим основополагающим предметам был невысоким. Что, в свою очередь, отразилось на качестве изучения специальных дисциплин, и в дальнейшем на инженерной и научной деятельности.

Институт, по специальности «автоматика и телемеханика», в 1941 году я все же окончил, при этом защита дипломного проекта проходила 23 июня, т.е. на второй день войны.

Наконец, после стольких перипетий, мой извилистый путь к высшему образованию завершился, и я получил диплом инженера-электрика с вышеназванной специальностью и соответствующий ромбовидный значок с эмблемой МЭИ.

В процессе учебы в институте я испытывал материальные трудности, которые стали особенно чувствительны после женитьбы и рождения сына. Наших с женой стипендий, а также посильной помощи мамы нам явно не хватало на жизнь, приходилось искать дополнительные заработки. Я брался за все, исключая разгрузку вагонов, обычную работу для студентов. Просто мое телосложение не позволяло.

Зато написание лозунгов и плакатов к майским и ноябрьским праздникам совместно с сокурсниками давало неплохой доход. Заказчиком был ЦК профсоюза работников суда и прокуратуры, где работала Ольга Георгиевна, о которой я уже писал.

Председателем ЦК была Николаева, супруга Матиаса Ракоши, члена Исполнительного комитета Коминтерна и будущего 1-го секретаря Венгерской народной республики.

С целью написания лозунгов для демонстрантов нам выдавали кумачевую ткань. Однажды нам поручили нарисовать портрет Сталина на белом полотне. За эту работу взялся мой сокурсник, который имел художественные способности. До сдачи было достаточно времени, и он, живя в общежитии, временно решил использовать полотно в виде простыни на двоих. Когда мы принесли портрет и показали руководству, оно пришло в ужас, так как

на лице генерального секретаря проступали подозрительные пятна. Это был ноябрь 1937 года. Нас выгнали и за работу не заплатили.

Другая моя «халтура» была в татарском клубе, где работала бухгалтером мама. Там, в течение короткого времени я по своей инициативе стал преподавать западные танцы. Но директор клуба счел, что татарской молодежи пристало больше учиться национальным танцам, чему я не был обучен. Но за 2 месяца я все же получил кое-какие деньги.

Муж другой маминой сестры - дядя Миша, был администратором в объединении «Утильсырье». С группой друзей я взялся смонтировать на Пушкинской площади (тогда Страстной) против магазина «Армения», на крыше, ныне снесенного, пивного бара, световую рекламу, призывавшую сдавать утильсырье. За эту работу мы получили сумму, намного превышавшую нашу стипендию. В начале 1940-го года я подрядился на Угрешский химкомбинат (завод №. 93) Наркомата боеприпасов ремонтировать и обслуживать теплоизмерительные приборы. На территории комбината был НИИ хлора, где мне предложили временную работу в должности и.о. инженера. С разрешения декана физфака МЭИ Мешкова я дал согласие с условием прохождения там преддипломной практики и выполнения дипломной работы.

С поступлением на завод я стал получать небольшую, но регулярную зарплату, что наряду с нашими стипендиями увеличило семейный бюджет, позволило содержать няню для Эрика и освободить мою маму от материальной поддержки нашей семьи, оказываемой нам из ее скудного заработка служащей. К сожалению, на почве ограничения в питании и перенапряжения у мамы появился диабет, и она сильно похудела.

Завод и НИИ занимались электролизом поваренной соли NaCl с получением натриевой щелочи, которая применяется в аккумуляторах. А также хлора, который шел на изготовление различных отравляющих веществ военного назначения, в том числе иприта, люизита, фосгена, хлорпикрина и других ОВ.

Темой моей дипломной работы был автоматический продуктомер, регистрирующий и регулирующий химические реакции и расход жидкой фазы продукта. Я изготовил действующий образец, который испытывали на производстве. Эту тему и прибор я демонстрировал на защите дипломного проекта об окончании МЭИ, которая происходила 23 июня 1941 года, т.е. на второй день войны.

Кстати, работая на заводе, я разработал и изготовил переносной прибор для измерения силы тока на шинах электролизеров.

Корпус прибора прикладывался к токопроводящей низковольтной шине, вокруг которой образовывалось электростатическое поле, по силе которого можно было судить о величине проходящего тока. Это было особенно важно, так как давало возможность контролировать величину электролиза конкретного электролизера. Этот прибор успешно применялся в первые месяцы войны, пока я работал на заводе. Оформить этот прибор как изобретение или заявить о нем в каком-нибудь техническом издании мне не приходило в голову. Обстановка была не та.

Как я узнал спустя 6 лет, уже работая в ЛИПАНе, аналогичный прибор для контроля величины тока при производстве алюминия в металлургической промышленности разработали эвакуированные в 1942 году в Свердловск будущий академик Кикоин и работавший с ним Носков, за что получили Сталинскую премию.

Вот, что значит вовремя заявить о своих достижениях и оформить их соответствующим образом.

Кстати, спустя 7-8 лет, во время работы на комбинате еще в качестве командированного сотрудника ЛИПАН, ко мне обратились с просьбой оформить в качестве технических усовершенствований или рацпредложений все мои приборы. Эти материалы попали к Кикоину, как научному руководителю проблемы. Он вызвал меня и стал стыдить, заявив, что итогом всякой научной работы является отчет, а не какое-то авторское свидетельство. Мне пришлось забрать все заявки.

К вопросу оформления я вернулся во второй половине 50-х годов, когда на авторство одной из разработок стал претендовать один из моих уволившихся сотрудников.

В результате я оформил 15 авторских свидетельств на изобретения и технические усовершенствования, которые я, в дальнейшем, присоединил к своей диссертации.

5. ВЗРОСЛОСТЬ

Началась война. Завод №.. 93 и НИИ хлора, а также находящийся рядом завод «Шарикоподшипник» подвергались массированной бомбардировке. Ощущение было не из приятных, особенно ночью во время дежурств. Двадцать пятого июня, т.е. на третий день войны, арестовали дядю Шуру – младшего брата моего отца, обвинив его в шпионаже, тем более, что по паспорту он значился немцем.

Об этом печальном факте я счел необходимым известить зам. директора завода по кадрам и режиму И.И. Агапитова, который отнесся к этому спокойно, но предупредил, чтобы я об этом не распространялся.

На всякий случай от ночных противовоздушных дежурств он меня отстранил. Но вместе с тем, я дежурил на крыше дома в Подсосенском переулке, защищая его от зажигательных бомб. Было достаточно страшно, так как в 200-х метрах был Курский вокзал, на который при каждом налете сбрасывались фугасные бомбы.

Запомнилось 24 июня, когда дома в 6 утра из постоянно включенной радиотрансляции раздался голос Левитана: «Граждане, воздушная тревога». У меня появилась нервная дрожь, мы с Лидой метались в поисках вещей, будили 3-х летнего Эрика и бежали в бомбоубежище, которое заполнялось, такими же, как и мы, перепуганными взрослыми с детьми.

Повторные тревоги я воспринимал спокойно, тем более что 27 июня Лида с Эриком уехали в Ташкент, куда была эвакуирована часть «Мосфильма», на котором она уже работала. Другая часть Мосфильма направлялась в Алма-Ату и г. Куйбышев (теперь Самара).

Настоящая воздушная тревога случилась через месяц, когда 22 июля произошел первый налет фашистской авиации на Москву. Подготовленные тренировками москвичи, спокойно занимали места дежурств, опускались в бомбоубежище или в метро, либо оставались дома в судьбоносном ожидании.

Я отправлялся на крышу, наблюдая за происходящим с любопытством и тревогой. Особенно страшно было от громких выстрелов артиллерии, разместившейся в нашем дворе и стрелявшей по пролетавшим самолетам, которые опускались настолько низко, что были видны фашистские опознавательные знаки.

О предстоящем налете я знал за 20-30 минут, так как меня по телефону предупреждала двоюродная сестра Ольга, а ее также по телефону информировал ее ухажер Семен Козырев, работавший помощником Молотова. Так что, у меня было время спокойно собраться и еще предупредить родственников и соседей по коммунальной квартире.

Однажды тревога застала меня у моей знакомой Клавы Лобановой, и мне пришлось остаться у нее до утра, так как ночное передвижение без специального пропуска было категорически запрещено.

В августе я был призван в армию.

Постригшись и взяв котомку с необходимым минимумом вещей, под слезы мамы и тети Сони, я совершенно спокойно отправился в военкомат. Там мне было приказано заполнить подробную анкету с неприятными для меня вопросами о наличии родственников за границей и арестованных, на что я в обоих случаях ответил утвердительно. Иначе я поступить не мог, так как писал об этом в предыдущих анкетах, что неблагоприятно сказывалось в разных обстоятельствах моей жизни.

В случае если бы я это утаил, и органы установили, что в действующей армии находится лицо, с такими порочащими связями и скрывающее их, вероятнее всего, я был бы в какой-то момент разоблачен и обвинен в шпионаже. На этом мой жизненный путь был бы закончен.

Правда, в тот момент я не думал об этих обстоятельствах и неотвратимости последствий.

Вероятно, военком понимал это, и, учитывая, что я недавно окончил институт по редкой специальности и работал на военном заводе, счел нецелесообразным брать меня в армию.

Тем более с такой биографией он не мог направить меня на кратковременную учебу в одну из академий для получения офицерского звания, а отправлять рядовым в пехоту, вероятно, счел нелепым.

Во всяком случае, он вызвал меня и дружелюбно сказал, что победа куется не только на фронте, но и в тылу и что я как инженер, работающий на оборонном предприятии, освобождаюсь от призыва.

Все эти рассуждения состоялись много позже, а в то время мне было стыдно, что многие мои товарищи по институту были призваны и проходили прифронтовую подготовку.

Велика была радость родных, когда я вернулся домой и сообщил об освобождении от призыва.

Я ходил на завод до начала октября, когда наше предприятие готовилось к эвакуации в Кемерово, где находилось аналогичное производство. Оборудование демонтировалось, а корпуса минировались для подрыва в случае острой необходимости. Однако 15 октября стало известно, что по характеру оборудования – электролизерные ванны, трубопроводы, преобразователи, газгольдеры – по свои габаритам и характеру к транспортировке непригодны, а все работники должны отправляться самостоятельно в то же Кемерово, так как в железнодорожном эшелоне эвакуированным людям без оборудования было отказано. Всем были выданы трудовые книжки без увольнения и зарплата за октябрь и ноябрь.

17 октября мне позвонил мой сокурсник Леша Алексеев, у которого отец был крупным генералом на подмосковном фронте, и сообщил, что Москва окружена, а единственный железнодорожный путь был пока еще открыт на Казань и Рязань. Он предложил мне воспользоваться этой дорогой. Вначале пешком, а там как придется. Меня снарядили в путь с рюкзаком, набитым необходимыми вещами и продуктами на первые дни. В этот вечер к нам пришла тетя Таня и сообщила, что на следующий день, на Восток отправляется эшелон с частью архива НКВД, где она давно работала машинисткой. Она с мужем эвакуируется через Ташкент и далее. При этом она предложила мне поехать, зная, что в Ташкенте моя семья. Я по настоянию мамы и тети Сони отказался от предложения двигаться с Лешей пешком на Казань и утром 18-го октября явился на сборный пункт в центре Москвы, на Неглинной, откуда нас всех на автобусах и грузовиках отвезли на станцию Казанская сортировочная под Москвой, где погрузили в товарные вагоны, оборудованные лежаками.

В ту же ночь был авианалет с пулеметной стрельбой по стоящим эшелонам, в том числе и по-нашему. Ощущения были малоприятными, и все инстинктивно нагибали головы, прикрывая их руками.

Утром перед отходом эшелона, нас нашла моя мама, чтобы еще раз повидаться и попрощаться. К сожалению, тетя Таня не могла ее взять, меня же она выдала за своего сына. Прощание было грустным, но безвыходным. Была все же надежда, что Москву защитят от вторжения немцев. Меня же угнетала мысль, что я снова разлучаюсь с мамой и тревога за ее будущее.

Мы двинулись на восток через Рязань с заездом в города Балашов и Поворино, что ближе к Сталинграду, там тоже надо было прихватить какой-то груз. Надо сказать, что по дороге несколько раз эшелон подвергался бомбардировкам.

Почти с первых дней я приглянулся командиру эшелона - капитану Миркину, который назначил меня своим помощником. На протяжении всего пути я помогал получать пищевое довольствие и добиваться продвижения вперед, так как были другие эшелоны, следовавшие в том же направлении, а также встречные, заполненные войсками и вооружением из Сибири и Урала в помощь фронту. Надо сказать, что я чувствовал себя неудобно, так как видел косые взгляды и слышал реплики, свидетельствующие о том, что я двигаюсь не в патриотическом направлении, т. е. бегу от фронта. К сожалению, я не мог объяснить причины и особые обстоятельства моего положения. В пути до Ташкента наш эшелон продвигался медленно, около месяца. При этом я неоднократно подвергался смертельной опасности, так как при получении довольствия, я отставал от поезда, который неожиданно без предупреждения отправлялся в путь. Приходилось догонять его в попутных составах, в то числе и на паровозном тендере с углем.

Однажды я сел в пустой, как мне показалось, товарный вагон с мешком белых ароматных батонов, и неожиданно из темноты выросли 4 мужика, по-видимому, беглые уголовники, поставив меня перед выбором: отдать мешок с хлебом добровольно или быть выкинутым на ходу из поезда. Я уговорил их взять по 2 батона, что составляло половину содержимого моего мешка, и на ближайшей остановке сбежал от них.

Наш состав проследовал Ташкент без остановки, и только на ближайшей станции Янгиюль я, попрощавшись с тетей Таней и ее мужем, на первом попутном поезде вернулся в Ташкент.

Привокзальная площадь была забита эвакуированными детьми, женщинами и стариками, которые ожидали пристанища.

Я без труда нашел свою семью, которая жила на Пролетарской улице, берущей начало от вокзала.

Для Лиды мой приезд был неожиданным. В доме я застал одного из гостей после вечернего застолья. На следующий день я попробовал устроиться на только что прибывавший авиационный завод №. 84, эвакуированный из подмосковных Химок.

Меня с охотой взяли, и в первый раз, покривив душой, я на порочащие вопросы об отце написал, что он пропал без вести в первую мировую войну, о том, что брат отца как немец арестован, тоже не указал.

Так мне посоветовали сделать две сотрудницы НКВД, Валя и Маша, с которыми я общался на пути следования из Москвы. Они утверждали, что кадровые архивы сожжены. Кроме того, они считали, что я не должен указывать местопребывание моего отца, а тем более приводить сведения об его братьях, так как никогда его не видел.

Они же посоветовали мне писать об отце в анкетах как пропавшем без вести во время первой мировой войны.

Этой версии я придерживался и в будущем при заполнении анкет, в том числе получая допуск к секретным работам любой категории важности, а также при вступлении в партию.

На авиационный завод я был принят как молодой специалист, имеющий значительный производственный опыт.

Я попал в отдел главного механика и энергетика, и мне поручили работу проектанта электросетей. Заводу предоставили территорию, занимаемую полиграфкомбинатом, и под новое производство приходилось полностью заменять все электрохозяйство. Порученная работа проектанта была мне абсолютно незнакома, и через месяц я постарался найти практическую работу, близкую к автоматизации. Такой работой было восстановление автоматики гидропресса фирмы «Болдвин» с давлением 10 тысяч тонн. Надо сказать, что все оборудование в период эвакуации грузили впопыхах некомплектно, а по прибытии эшелона в условиях начала зимы оно было разбросано по территории завода. Приходилось по внешнему виду и окраске проводить комплектацию в единое целое.

Работа усложнялась тем, что чертежи и схемы были утеряны, и приходилось мобилизовать фантазию и специальные знания, чтобы восстановить и пустить в ход этот огромный механизм, насыщенный сложной автоматикой.

Выполнив эту работу, я приобрел авторитет у главного электрика Стаханова (не того, кто поставил рекорд, вырубив 102 тонны угля, а только его однофамильца), а также я уверовал в свои силы.

Следующей, не менее сложной, работой было восстановление электросварочной машины фирмы «Федераль», тоже имеющей электронную автоматику. Главным полем моей деятельности было восстановление пирометрического хозяйства, т.е. многочисленных приборов и устройств для измерения и регулирования температур в плавильных и шахтных закалочных печах. Здесь я был на высоте - пригодился 3-х летний опыт работы пирометристом на заводе Шарикоподшипник в первой половине тридцатых годов.

Мне было поручено создать и возглавить электро-теплоизмерительную лабораторию (ЭТИЛ) при центральном научно-техническом отделе завода.

Следует сказать, что даже в условиях эвакуации Государственный комитет обороны требовал минимального перерыва в поставках самолетов ЛИ – 2 для нужд фронта, которые входили в систему авиации дальнего действия.

На территории завода проводился демонтаж полиграфического оборудования, шла реконструкция одних помещений и строительство других. Часть станков, необходимых для изготовления недостающих деталей, устанавливалась под открытым небом в условиях наступившей зимы. Работа шла круглосуточно в две смены по 12 часов с коротким перерывом для приема скудной пищи.

Надо отдать должное героическому труду рабочих и всему коллективу в целом, в условиях холода и голода никто не роптал, все трудились с подъемом.

Часть руководящих и инженерных работников находилась на казарменном положении и один-два раза в неделю отпускалась на ночь по месту жительства.

В таких условиях при монтаже гидропресса и другого оборудования находился и я. В эти отпускные дни, скорее вечера или ночи, мне не всегда удавалось отдохнуть или выспаться, так как дома я часто заставал гостей из числа эвакуированных мосфильмовцев, которые вели достаточно праздный образ жизни.

В то время на ташкентской кинофабрике снимались только два фильма: «Два бойца» и «Его зовут Сухе Батор», в которых была занята небольшая часть актеров. Остальные либо участвовали в массовках, либо были не у дел и ходили в гости друг к другу.

Моя жена Лида жила в таком же режиме.

Однажды, придя домой в воскресенье, я застал шумную, выпивающую компанию, к которой был вынужден присоединиться. Уснул одетым в кресле, а, очнувшись, пришел в ужас, поскольку через 15 минут начинался рабочий день. До завода было километра три, и весь этот путь я преодолел бегом за 25 минут. Меня встречали у проходной мои сотрудники, встревоженные моим опозданием.

Я проскочил через проходную за минуту до контрольного 20-ти минутного срока, после которого меня ожидал неминуемый суд и отправка на фронт в штрафной батальон. Слава Богу, все обошлось. Но больше я не допускал такого баловства и отбивался от настойчивых требований принять участие в тех увеселениях.

Вообще, такой образ жизни угнетал меня, и я просил Лиду избавить меня от того праздного общества.

Наш сын Эрик находился в круглосуточном детском саду, который располагался в старом городе Ташкента, достаточно далеко от центра, где мы жили.

Мне разрешали вечером в субботу заезжать за ним, а в понедельник рано утром отвозить его обратно в садик. Благо я отремонтировал трофейный велосипед, на раме которого я пристроил маленькое седло, что облегчало процесс доставки сына.

Образ жизни у меня и у жены резко контрастировал, и на этой почве у нас возникали конфликты, один из которых закончился ее переездом к приятельнице, актрисе Гале Григорьевой, исполнительнице роли Маши в фильме «Дубровский» по Пушкину. Таким образом, Эрик с субботы до понедельника оставался только со мной.

В один из весенних воскресных дней рано утром, когда Эрик еще спал, я отправился на рынок, чтобы приобрести что-нибудь съестное. На свою беду я попал в призывную облаву. У меня при себе, из-за боязни их похищения, не было документов. Таким образом, в числе многих, я был препровожден в военкомат, где формировался отряд для отправки на фронт. Держали всех под охраной во дворе военкомата. Мои обращения к военкому о том, что я работаю на авиазаводе и имею бронь, а также, что дома заперт трехлетний сын, не возымели действия. Я настоял на телефонном звонке на завод, но дежурный не мог подтвердить мою принадлежность к заводу, так как был воскресный день и отдел кадров был закрыт.

Меня ожидала немедленная отправка со всеми к месту формирования полка, откуда меня никто не стал бы отзывать. Я это понимал, но, главное, меня одолевал ужас, что Эрик проснулся без меня в запертой комнате. Я просил военкома отпустить меня на час, чтобы переправить сына к матери, но он и в этом отказал.

Но здесь мне неожиданно повезло. Для проверки хода мобилизации приехал нарком внутренних дел Узбекистана Саидбаев. В свое время, я был у него в гостях вместе с Лидой и другими актерами. Я решил воспользоваться его появлением, подошел и напомнил о себе. К счастью, он вспомнил меня и распорядился освободить.

Дома, у хозяйки квартиры узбечки Миасар (Муся), у которой мы жили, я застал заплаканного Эрика.

С Лидой мы виделись по воскресеньям, после ее ухода к Гале Григорьевой, но желания восстановить семью с ее стороны я не видел. Эрик продолжал жить со мной. К его приходу я старался приобрести фрукты, овощи и другие продукты, чтобы разнообразить скудный детсадовский рацион.

У меня было намерение отправиться за мясомолочными продуктами в обмен на фрукты и некоторые вещи. С этой целью я списался с Лидиной сестрой Аней, которая была эвакуирована из Чернигова в город Острогожск Воронежской области. Но эта затея не была реализована.

Весной 1942 года я познакомился со Стеллой Виткиной, которая работала в отделе технического контроля и выполняла функции наблюдателя за качеством выполняемых мной монтажно-наладочных работ по восстановлению сварочной машины «Фидераль». Наше знакомство постепенно перешло во взаимную симпатию.

Я познакомил Стеллу с Эриком, и мы проводили воскресные дни на пляже «Комсомольского озера».

Там же бывала и Лида со своей компанией, но она проявляла полное равнодушие к нашему присутствию. У нее в то время продолжался роман с Ильей Траубергом – сценаристом и братом Леонида Трауберга – режиссера и постановщика кино-трилогии «О Максиме».

Через некоторое время их роман оборвался, так как он уехал в Куйбышев к своей жене - приме балерине Большого театра Ольге Лепешинской. В дальнейшем их брак распался, и она вышла замуж за генерала КГБ Леонида Райхмана (см. Эпизод №. 6 Приложения).

Наши отношения со Стеллой со временем переросли во взаимную привязанность и любовь.

Я не скрывал, что у меня еще есть дочь Нина от гражданского брака, живущая с матерью и бабушкой. Она с пониманием отнеслась к этому сообщению.

В воскресные дни, когда я брал Эрика из детсада, Стелла приходила к нам и помогала в устройстве быта. Эрику не было 5-ти лет, и он стал привыкать к ней.

Со временем Стелла представила меня своим родителям, объявив, что мы решили связать наши судьбы. Родители - Иосиф Зиновьевич и Татьяна Зиновьевна – вначале отнеслись ко мне несколько настороженно. Их можно было понять: появился жених, у которого были еще жена и сын. Эта новость оказалась для них шокирующей, так как за Стеллой длительное время небезответно ухаживал студент мединститута Сергей Аваков.

После знакомства с родителями я привел Эрика, который был принят очень радушно, особенно сестрой Стеллы Рахилью.

Я неожиданно заболел брюшным тифом с высокой температурой и прочими его проявлениями. По инициативе ее родителей меня перевезли к ним, выделили мне угол, отгороженный занавеской. Болезнь протекала тяжело, хотя и не долго. Все это время Стеллочка самоотверженно за мной ухаживала.

После выздоровления я вновь вернулся в свою комнату.

К тому времени мы поняли, что любим друг друга, и нам пора оформить наши взаимоотношения. Это было начало февраля 1943 года.

По моему вызову из Москвы приехала мама. Она плохо выглядела, похудела и осунулась. Сказался запущенный диабет, которым она заболела незадолго до войны.

До отъезда она еще работала на небольшой фабрике по изготовлению пластмассовых изделий для фронта. Одиннадцатичасовой рабочий день очень ее изматывал. Все-таки, ей был 61 год. Совместное проживание со своей сестрой в Москве, в небольшой комнате угнетало ее, и она решила приехать к нам – своему сыну и внуку. Это дало возможность забрать Эрика из детсада.

Приближалась регистрация брака со Стеллой, но до этого надо было оформить развод с Лидой. Когда мы поехали в Загс, она заплакала и просила восстановить наши супружеские отношения, которые после всего случившегося были для нас невозможными.

При оформлении развода Лида была подавлена и на вопрос сотрудника Загса, у кого останется сын, я решительно сказал: «У отца». Лида промолчала, что было отражено в

Свидетельстве о разводе. Через несколько дней, в том же Загсе состоялась регистрация нашего со Стеллочкой брака. Это произошло 23 февраля 1943 года.

Мы отпраздновали это событие у Стеллиных родителей. Присутствовали ее близкие родственники, а моей стороны – мама и Эрик.

Я договорился с хозяйкой квартиры о сдаче еще одной комнаты, в которой поселились мы со Стеллой, а прежнее жилье было отдано маме и Эрику.

Мама прожила с нами около года, после чего она решила вернуться в Москву с тяжелым чувством расставания с любимыми сыном и внуком.

Незадолго до этого Стелла по состоянию здоровья уволилась с завода. Она похудела, и было подозрение на туберкулез.

Пока мы жили вчетвером, моей скромной зарплаты нам не хватало, и отец Стеллы оказывал нам помощь деньгами и продуктами. В то время у него была такая возможность.

В свою очередь, я подрядился оснастить хлебозавод приборами для измерения и регулирования температуры в печах. Необходимые материалы, в порядке шефства, мне было разрешено позаимствовать на авиазаводе. Это дало мне дополнительный заработок, а главное, возможность получать для дома небольшое количество его продукции.

Мне подвернулась командировка в Москву, и я решил заняться тем, что сейчас называется челночным бизнесом. В то время в Ташкенте исчезли из продажи медицинские термометры, а на рынке они высоко ценились. С другой стороны, в Москве дорого стоила пищевая соль, которую неограниченном количестве можно было купить в районе Аральского моря, вблизи которого проходил поезд Ташкент-Москва.

Я воспользовался этой возможностью и купил мешок соли, килограммов 20. Тетя Соня взялась реализовывать привезенную мной в Москву соль малыми порциями на рынке. В первый же день ее чуть не арестовали, так как санитарный надзор установил, что это была не поваренная, а слабительная глауберова соль с преобладанием калия.

Приобретенные в Москве около 100 термометров, я пытался реализовать в Ташкенте, но за время моего отсутствия они появились в свободной продаже во всех аптеках. Можно было представить мое разочарование. В общем, ни маркетолог, ни бизнесмен, в современном понятии, из меня не получился.

Следует сказать, что и после женитьбы, Стеллочка окружала Эрика необходимым ему вниманием, приняв на себя материнские хлопоты и заботу.

Эрик сразу же привязался к ней и стал называть ее мамой. Тем более, что Лида перестала видеться с ним и довольно быстро возвратилась в Москву.

Это отчуждение продолжалось до конца 1945 года.

Стелла с Эриком случайно встретили Лиду на Театральной площади в Москве.

Эрик не узнал Лиду и был растерян, когда она бросилась к нему со словами: «Сыночек». Эта встреча была кратковременной, поскольку вскоре мы на год уехали в Химки, где Эрик пошел в первый класс.

В дальнейшем Лида периодически брала его к себе на короткое время. На тот момент большую часть времени она проводила на гастролях с известным армянским чтецом-декламатором, фамилию которого я забыл.

Но вернемся к моей деятельности на авиазаводе.

Желая приблизиться непосредственно к самолетостроению, я стал попутно разрабатывать проволочный вариант электротермического антиобледенителя на стабилизаторе (хвостовом оперении) самолета ЛИ-2. Необходимость этой разработки такова: на самолетах того времени противообледенительные устройства устанавливались на носовой части крыла. Через них продувался горячий поток выхлопных газов, препятствующий образованию ледяной корки на крыльях во время полета.

На хвостовое оперение – стабилизатор самолета – подача выхлопных газов была затруднительна, в силу чего он не был защищен от обледенения. По этой причине с фронта стали поступать сообщения о падении самолетов.

В начале 1944 года мной была предложена конструкция проволочного антиобледенителя. Конструктивное оформление и выпуск рабочих чертежей выполнил конструктор КБ Шушпанов. На протяжении года было изготовлено несколько моделей,

которые были подвергнуты лабораторным, полевым и заводским летным испытаниям на самолете ЛИ – 2.

В испытаниях, в том числе и летных, кроме официальных лиц, принимала участие и моя жена Стелла, которую в условиях полета нещадно, чтобы не сказать больше, мутило. Приходилось терпеть до посадки, когда я мог уложить ее на землю в тени крыла самолета. В конце декабря самолет ЛИ – 2, оборудованный вышеупомянутым антиобледенителем был направлен в Москву на государственные испытания в ЛИИ ВВС им. Жуковского.

Я же 30 декабря поездом прибыл в Москву, где в Боткинской больнице умирала от туберкулеза моя дорогая мамочка.

В день смерти ее навестил брат Яков, который описал мне последние минуты жизни мамочки. Желая поддержать ее, он сказал, что я в пути и завтра приеду.

Мамочка посмотрела на него грустными, полными слез глазами и сказала: «Видимо, я его не дождусь. Передай, что я его любила, но тяжелая судьба и жизнь все время нас разлучали». С этими словами она безнадежно махнула рукой, отвернулась к стене и умерла.

Я приехал на следующий день. Меня встречал дядя Яша и на мой вопрос: «Как мама?», желая отсрочить эту печальную весть, он сказал мне, что мама в безнадежном состоянии и ждет меня.

Только на следующее утро 31 декабря 1944 года я узнал от тети Сони об ее кончине.

Кремировали маму в Донском крематории, а урну захоронили на Немецком кладбище, где уже лежала моя бабушка, мать отца. Умершая в 1942 году, она также не дождалась своего сына, который после ареста 24 июня 1941 года, находился в ссылке.

Я храню память о мамочке, регулярно ежегодно посещаю ее могилу в день ее рождения 7 февраля и в мае-июне бываю вместе с Эриком на кладбище, когда можно привести в порядок могилу и посадить цветочки. Правда, в последние годы я не рискую добираться зимой на кладбище городским транспортом, и вынужден ограничиваться только летним визитом в сопровождении Эрика и Стеллочки. В этой могиле в 1967 году захоронена урна с прахом тети Сони, умершей в том же году в возрасте 88 лет.

Вспоминая о мамочке, я не могу избавиться от чувства вины перед ней.

В детстве она баловала меня, выбиваясь из сил, чтобы я не ощущал безотцовщину. Желая привить мне культуру, она обеспечивала мое общее и музыкальное образование. Она регулярно водила меня в оперный и драматический театры. Мы ходили на все сольные и симфонические концерты, которые давали знаменитые музыканты, приезжавшие на гастроли в Харьков, в то время, столицу Украины.

Мама во всем себе отказывала, лишь бы я был всегда накормлен, одет и обут, не хуже других детей, у которых были отцы.

Во все годы моего детства, отрочества и юности она была вынуждена расставаться со мной. Она отпускала меня, порой на длительное время, гостить к нашим родственникам, которые, учитывая мое сиротство, окружали меня заботой и вниманием, о чем я писал выше.

К сожалению, мама не сумела предостеречь и оградить меня от необдуманных поступков, то, что мог бы сделать отец.

После моей женитьбы и рождения Эрика мамочка помогала нам материально, зарабатывая, кроме основной работы, машинописью.

Летом 1939 года она взяла основной и дополнительный отпуск и поехала с полутора годовалым Эриком к Лидиным родителям в Чернигов. В 1943 году я вызвал ее в Ташкент к Эрику, так как мы со Стеллой работали на авиазаводе. Но жаркий климат Ташкента усугубил ее диабет и, кроме того, способствовал заражению туберкулезом легких. В общем, мамочка прожила тяжелую и короткую жизнь.

Разразившаяся первая мировая война, а затем Октябрьская революция разлучила ее с мужем – моим отцом.

Если бы она, забеременев мной, не уехала рожать в Россию, наша жизнь сложилась бы иначе. Во всяком случае, я всегда храню в сердце светлый образ мамочки.

Но вернемся к моему приезду в Москву. После похорон я простудился и заболел плевритом. Рентген и анализы крови показали зачатки туберкулезного процесса.

Предстоящий возврат в Ташкент, по мнению врачей, был мне противопоказан. Да и, кроме того, мне не улыбалась перспектива застрять в Ташкенте. Хотелось снова стать

москвичом. С соответствующим медицинским заключением я пошел на прием к заместителю министра авиапрома А. И. Кузнецову, который счел мои доводы убедительными и издал приказ по 10-му главному управлению Министерства, которое он возглавлял, о моем переводе из Ташкента в подмосковный город Химки, на завод №. 456 и назначении меня начальником отдела оборудования.

Территория этого завода и производственные корпуса до эвакуации в Ташкент принадлежали заводу №. 84, выпускавшему пассажирский самолет ПС-84 по лицензии американской фирмы «Дуглас».

Во время войны самолет, переоборудованный и оснащенный пулеметной турелью и устройствами бомбометания, был включен в соединение авиации дальнего действия, под командованием маршала Голованова. В 1943 году всем военным самолетам присваивались обозначения по именам главных конструкторов (Ил, Як, Ту, Миг, Ла и т.д.) Поскольку главный конструктор Пс-84 был из американской фирмы «Дуглас», самолету было присвоено обозначение Ли-2 по имени главного инженера завода Лисунова Бориса Павловича, который в конце 30-х годов был направлен с группой специалистов в США для приема оборудования и освоения технологии производства.

Мой перевод в Москву вызвал резкий протест у директора ташкентского завода, и он требовал моего возврата. В это время в Москву в командировку приехал главный инженер завода Б.П. Лисунов со списком на правительственные награды и присвоение Лауреатства Сталинской премии.

При встрече со мной, он показал мне этот список, где я присутствовал, и сказал, что директор завода, генерал А.М. Ярунин, предупредил, чтобы меня вычеркнули из списка, в случае отказа вернуться. Я объяснил, что у меня начинается туберкулезный процесс, и, кроме того, согласно приказу министерства я уже работаю. В результате, из-за своего отказа я лишился Лауреатства Сталинской премии.

Завод №. 456 в Химках ориентировался тогда на освоение и массовый выпуск самолетов-снарядов типа ФАУ - 1, несколько образцов, которых были захвачены в 1944 году в побеждаемой Германии. Первые опытные образцы этих беспилотных реактивных самолетов-снарядов были изготовлены кустарным способом из-за полного отсутствия производственного оборудования. Учитывая исключительную важность нового производства, Министерство сменило директора завода Филимончука. Новый директор В.С. Еськов зарекомендовал себя как прекрасный руководитель производства истребителей ЯК в Китае, который успешно свернул их выпуск и провел эвакуацию завода и всего подсобного хозяйства в среднюю Азию. В первые дни своего появления Еськов резко укрепил дисциплину работающих и стал добиваться поставок необходимого оборудования для выпуска аналогов ФАУ –1. С этой целью он вместе со мной, как руководителем отдела оборудования, добился встречи с генералом Хрулевым, в то время, начальником тыла. Нам предоставили возможность выбрать 5 самолетных заводов, находившихся на завоеванных территориях Германии и Австрии. Не зная характер производства, состав и количество оборудования, мы выбирали наугад. Было подписано постановление правительства, а я подготовил списки желающих поехать на демонтаж и погрузку оборудования в Германию и Австрию. Было это в июне 1945 года, уже после капитуляции фашистской Германии.

Спустя две недели на территорию завода стали поступать железнодорожные составы с демонтированным оборудованием и материалами.

Надо сказать, что наш завод не был готов к приему массы станочного оборудования, особенно крупногабаритного, в том числе прокатного и гидропрессов. Отсутствовали подъемно-транспортные устройства, и приходилось примитивным способом стаскивать оборудование с железнодорожных платформ на единственную эстакаду, а потом вручную с помощью катков и лебедок перемещать их к местам установки.

Иногда приходило по 2 эшелона в день, и я должен был организовать их разгрузку. Каждый раз меня вызывали в станционное НКВД и, угрожая судом, требовали разгрузки и освобождения подвижного состава для отправки на пограничные пункты, где ожидали новые партии оборудования. На мою беду, я лишился мощной поддержки в лице директора В.С. Еськова, который был отозван в Министерство иностранных дел.

Новый директор по фамилии Свет реальной помощи мне не оказывал. Наступила поздняя осень 1945 года и начало зимы 1946, что еще больше осложнило разгрузку оборудования, которое стаскивалось в грязь и под снег. Это продолжалось до приезда на завод члена Политбюро Н.А. Вознесенского, которого спустя 3 года арестовали по «Ленинградскому» делу и расстреляли. Меня вызвали к директору, который сказал, что я являлся ответственным за разгрузку и прием оборудования. Моя мальчишеская внешность сыграла в мою пользу, и Вознесенский понял, что на мне хотят отыграться. Обращаясь к директору, он сказал: «За такое вредительское отношение к трофейному оборудованию был снят с работы и отдан под суд директор «Шарикоподшипника» Яков Юсим». Мне же он сказал: «А Вы, молодой человек, можете быть свободны» К этому времени я уже жил в Химках в двухкомнатной ведомственной квартире вместе с женой, Эриком и новорожденной дочкой Наташей.

Административная работа на заводе мне не нравилась, и я стал подыскивать место в Москве. Мне предложили работу в НИИ – 1 у Болховитинова, который занимался ракетной техникой.

Однажды по телефону мне позвонил бывший директор Еськов и предложил встретиться в МИДе, где он занимал должность управляющего делами. По прибытии мне была предложена должность главного энергетика МИДа, что вызвало вначале мое удивление и вопрос: «Что я буду лампочки вкручивать?» На мой вопрос он обрисовал большую перспективную деятельность, связанную с длительными командировками в советские Посольства и другие дипломатические учреждения с целью восстановления и реконструкции электротелефонного и радиооборудования. Вначале надлежало инспектирование и определение объема восстановительных работ, затем – заключение договоров с фирмами на производство этих работ, и, наконец, их приемка.

Предложение было весьма заманчивое, и я, посоветовавшись со Стеллой, решил его принять. Пришлось заполнить длиннющую анкету, в которой я писал полу правду. Однако через месяц я позвонил в Управление кадров МИД, где мне благополучно отказали, сославшись на отсутствие должности главного энергетика в системе Министерства.

Только потом я понял, от какой смертельной опасности уберегла меня судьба. Ибо спустя два-три года началась кампания против сионистов, а также их избиение. Я же, после своих загранкомандировок, попал бы в поле зрения органов НКВД и был бы уничтожен.

Были предложения и в системе авиапрома, но они отвергались моим директором Светом, который не отпускал меня с завода. Моя зарплата составляла тогда 1200 дореформенных рублей, что не обеспечивало существование моей семьи. К счастью, я был вхож в семью Голубовских – близких родственников Стеллы.

Старший Голубовский - Гавриил Яковлевич, был организатором полузаконной, по тому временам, коммерческой фирмы по пошиву одежды для железнодорожников. Мне было предложено раз в неделю приезжать на швейную фабрику для ремонта швейных машинок и оверлоков. Каждый мой приезд оплачивался в 1000 рублей. Фабрика находилась в 5-ти км от станции Болшево в поселке Обухово, куда я приезжал поездом в субботу вечером, и где меня ждали сани-розвальни, так как это было зимой. На месте меня встречала зав. производством, молодая женщина Клава, которая кормила меня ужином, а утром в воскресенье я приступал к ремонтным работам.

Обратно в Москву я возвращался тем же способом. Эти поездки продолжались всю зиму, пока соответствующие органы не раскрыли деятельность этой фабрики и не осудили многих участников этого незаконного, по тому времени, производства. Заказчик – начальник отдела Министерства железнодорожного транспорта Бочаров, получил максимальный срок, остальные участники этой коммерции тоже были осуждены, а Голубовский умер от инфаркта. Кстати, его сын Борис, получив театральное образование, в дальнейшем стал художественным руководителем театра им. Гоголя.

Другим источником «левого» заработка было изготовление и продажа электромеханического ножа для раскроя многослойного полотна, размеченного по лекалам. Такой нож иностранного производства предоставил мне, еще при жизни, тот же Голубовский, поручив изготовить несколько образцов. Я приобрел 5 моторчиков и по договоренности с главным механиком завода А. И. Лукиным, не безвозмездно, для меня

изготовили отдельные детали. Сборку я осуществил дома. При содействии Голубовского я успешно реализовал те ножи в пошивочных ателье по 8-12 тысяч рублей каждый.

Но вернусь к весне 1945 года. Я жил на Солянке у тети Сони, и свободное время проводил в семье Голубовских, где меня хорошо принимали. Мне было приятно общение с их сыном Борисом и его женой Еленой Измайловой, начинающей актрисой театра имени Вахтангова.

С ними я встретил День Победы, который мы отпраздновали вечером и ночью 9-ого мая в ресторане «Москва».

Несколько дней спустя, вместе с Эриком, из Ташкента приехала Стеллочка, которая была на последнем месяце беременности.

Я попросил временное пристанище у жены дяди Шуры, на Малой Бронной. В то время, она жила на даче в Востряково с 9-ти летней дочерью Валерией (Лерой) и 4-х летним сыном Леней (Аликом). Прожили мы там пару недель, пока, 28 июля, не родилась, наша доченька Натуля. Эрик жил тогда на попечении тети Сони на Солянке.

Одновременно я добился выделения квартиры в Химках, где я пока еще работал.

Туда мы и переехали вместе с 7-ми летним Эриком и новорожденной Натулей.

В Химках мы прожили около года, там Эрик пошел в первый класс.

В середине 1946 года на деньги Стеллиных родителей мы купили у моей знакомой Раи Нестеровой отвратительную комнату в старом одноэтажном доме в Большом Харитоньевском переулке у Мясницких Ворот.

Весной того же года мне все же удалось уволиться с авиазавода в Химках. И после двухмесячной проверки моих анкетных данных, в которых я не стал приводить порочащие родственные связи, я был принят в Лабораторию №. 2, переименованную в дальнейшем в Лабораторию измерительных приборов Академии наук – ЛИПАН, а затем и в Курчатовский институт.

Меня направили в отдел, возглавляемый будущим академиком И.К. Кикоиным. Здесь мне дали прочитать недавно вышедшую книжку «Атомная бомба», автором которой был американский физик Смит, из нее я узнал, что в результате цепной реакции урана выделяется колоссальное количество энергии. При этом действующим веществом является не весь уран, а его радиоактивный изотоп, имеющий атомный вес 235. Его в природном уране имеется только 0,7 %, остальные 99,3 % составляет нерадиоактивный изотоп урана с атомным весом 238. Коллектив отдела с 6-тью лабораториями был занят поиском метода промышленного разделения этих изотопов.

В США, в Окридже, уже полным ходом работал такой разделительный завод, на котором тысячи компрессоров, соединенных последовательно в каскад, прокачивали газообразное химическое соединение UF6 – гексафторид урана. При этом в каждой ступени компрессора с делителем имеется пакет пористых перегородок, на которых происходит ничтожно малое разделение этих изотопов.

Мне было поручено испытывать эти пористые перегородки – фильтры – на предмет их проницаемости.

Разработкой этих фильтров занималось несколько организаций, а испытывались они только в ЛИПАНе. Эти испытания выполнялась мной и В.Н. Тюшевской – женой Кикоина.

Находясь в лаборатории, я первое время очень боялся прихода Кикоина, который, заходя, всегда обращался ко мне со словами: «Ну, товарищ начальник, расскажите, как идут дела». При этом он имел привычку ходить из угла в угол. Дикция у него была плохая и речь получалась невнятной, поэтому поначалу я с трудом понимал его. Особенно, когда не видел его лица, а слышал только голос из-за спины. Его невнятные замечания и указания были мне непонятны, и я, страшно нервничая, отвечал невпопад.

Однажды, проводя эксперимент, я, по неосторожности, отломал стеклянный манометр. Это случилось вечером, стеклодувы ушли, и я решил припаять его самостоятельно, тем более что я видел, как это делается. Вооружившись горелкой и стеклянной трубкой, я приступил к работе. Поддувая место припоя, я сразу же образовал стеклянный пузырь - фронт работ увеличился, а вместе с ним возросло и количество поломок. В тот самый момент вошел Кикоин и, увидев мой растерянный вид и все, что осталось от установки, догадался, в чем дело. Я же что-то лепетал в свое оправдание. Мне

казалось, что я должен быть изгнан из лаборатории. Каково же было мое удивление, когда Кикоин снял пиджак и принялся за восстановление того, что еще недавно было экспериментальной установкой, поручив мне подсобные работы. Около полуночи ремонт был завершен, и я, поблагодарив своего спасителя, отправился домой.

Некоторое время я все еще занимался испытанием фильтров на проницаемость, а затем усовершенствовал метод испытаний за счет устройства для проверки механических и прочностных характеристик этих фильтров, чем заслужил одобрение руководства и укрепил свое положение.

Через полгода я постарался перейти в лабораторию, которая занималась измерительными приборами. Ее руководителем был талантливый физик-экспериментатор Е. М. Каменев. Мой предыдущий производственный и экспериментаторский опыт работы позволил мне быстро сориентироваться в предстоящей структуре измерительных средств технологического контроля строившегося завода по разделению изотопов урана. К тому времени я уже поработал на электростанции, в Аэрогидродинамическом институте в Харькове, на заводе «Шарикоподшипник», в НИИ физики и НИИ хлора завода № 93 на авиазаводах в Ташкенте и Москве.

Я приступил к разработке необходимых приборов. Ко мне прикрепили лаборанта и конструктора для изготовления опытных образцов и оформления конструкторской документации. Частью этих приборов был оснащен каскад машин, которые проходили испытания в институте.

Следует заметить, что все в моем окружении, включая Кикоина и Каменева, были выходцами из научно-исследовательских институтов и имели слабое представление о требованиях к средствам технологического контроля и автоматизации в условиях промышленного производства.

Успешные испытания предложенных мной приборов вызвали поддержку, что позволило мне внести их в проектную документацию. Эта документация создавалась в Ленинградском проектном институте и затем была реализована на первом строившемся заводе, на Урале, в 60-ти километрах севернее Свердловска.

Кикоин командировал меня на оба предприятия, наделив широкими полномочиями.

Кроме того, я был направлен на заводы-изготовители в Москве и Ленинграде, чтобы организовать освоение и промышленный выпуск этих приборов и средств автоматизации.

Учитывая важность и особую секретность всей атомной проблемы, посещения заводов-изготовителей были обставлены с секретностью, а мои указания принимались к немедленному исполнению. Наделенный такими широкими полномочиями, я был далек от мысли, что, в случае неуспеха, я рисковал головой. Но, слава Богу, мои разработки оказались удачными и обеспечили пуск первой очереди завода.

Правда, в условиях эксплуатации, были выявлены отдельные недостатки, и пришлось внести изменения в конструкцию аппаратуры. Главным образом, этим занимался Е. М. Каменев. Я же поддерживал контакты с заводами-изготовителями, будучи в командировке на уральском заводе и занимаясь организацией приборной службы по эксплуатации и ремонту приборов.

Моя первая командировка на уральский завод, в то время Комбинат №. 813, состоялась в феврале 1948 года. Находился завод в небольшом городке Верх-Нейвинске, который располагался по другую сторону железной дороги на берегу большого и, к тому же, живописного, озера, в который впадала речка Нейва. Этот городишко, наряду с находящимся неподалеку Невьянском, был основан еще в Петровские времена, знаменитым купцом Демидовым, который организовал там добычу и переплавку руды для военных нужд России.

В то время секретный завод имел условное наименование - Свердловск-44. Правда, секретность была скорее условная. Так, подъезжая к городу в первый раз и спросив у бабушек-попутчиц, где мне выходить, я услышал: «Так тебе, милок, на атомный завод»!!!

Первое мое посещение города было угнетающим, так как он представлял собой огромный лагерь заключенных, строивших как корпуса завода, так и городской жилой фонд.

Свой день рождения 8 марта я отмечал в общежитии, куда в тот день впервые приехал Игорь Морохов, с которым я дружил до самой его смерти в 2002 году.

Его мобилизовали с московского авиазавода. Будучи достаточно умным и энергичным человеком, не лишенным карьерных наклонностей, он сумел к концу 50-х годов вырасти в директора комбината. В 1960 году он был вызван в Москву и до 1990 года занимал должность заместителя министра атомной промышленности.

В свой первый приезд я имел полномочия потребовать демонтажа смонтированных приборов МИ для измерения давления газа, с целью их замены на разработанные мной и осваиваемые промышленностью манометры МС.

В апреле, для ознакомления с ходом строительства .и монтажа оборудования, на комбинат приехал Кикоин и зам. министра Малышев В. С.

Малышев решил устроить проверку знаний руководящего состава комбината. Экзаменующим был Кикоин, который привлек меня себе в помощь.

Первым экзаменующимся был директор комбината А.И. Чурин, которому, наряду с другими, я задал довольно простой вопрос. Он ответил невпопад. Не желая подвести его, я ответил: «Правильно».

Оценив мой поступок, при встрече несколькими часами позже он обнял меня и сказал: «Я тебе, Макс, этого никогда не забуду». И, надо сказать, что, будучи директором комбината, а потом и первым заместителем министра, он всегда ко мне благоволил и оказывал поддержку в тяжелые времена.

Приезд Малышева имел печальные последствия, ибо через два месяца Чурин был смещен с директорства и назначен главным инженером на место М.П. Родионова, который, в свою очередь, был переведен на должность начальника производства.

Новым директором был назначен Александр Леонтьевич Кизима, переведенный с аналогичной должности Ленинградского Кировского, бывшего Путиловского, завода. У него не сложились отношения с коллективом завода и руководством города Кузнецовым и Попковым. Позже, в 1949 году, они оба были расстреляны по так называемому «Ленинградскому делу».

С Кизимой я был хорошо знаком с 1947 года, когда мы отдыхали в Сочи: я – в «Кавказской Ривьере», а он - по соседству, в правительственном санатории вместе с женой и двумя детьми.

У меня была веселая молодежная компания, и он предложил совершить увеселительную прогулку на озеро Рица. Он обеспечил поездку на личном лимузине ЗИЛ с машиной сопровождения, а также съестные запасы и выпивку. Поездка состоялась в отсутствие его жены и детей. Там я много фотографировал, а Кизима взял пленку, чтобы отпечатать эти фотографии у себя в заводской лаборатории.

Когда я, в очередной раз, был в командировке в Ленинграде, я посетил Кировский завод. Там находилось ОКБ, которое создавало разделительные компрессоры для нашего комбината. Я зашел в секретариат за фотографиями. На тот момент Кизима был вызван в Москву. Так что, вместо него, я столкнулся с его женой. Узнав меня, она разразилась упреками на своего мужа, оправдывая меня как молодого и не обремененного семьей. Я не стал ее разочаровывать. Потом, при встрече Кизима признался в своей неосторожности, сказав, что пленка сохранилась, и он поручил все же сделать фото для меня.

Моя следующая командировка на комбинат состоялась в июне 1948 года. Она была продолжительной, и я взял с собой Эрика, у которого были каникулы. Несколько раньше для обучения персонала завода и оказания помощи в проведении пуско-наладочных работ, приехал Кикоин с группой сотрудников ЛИПАН.

Пока шло оформление пропуска на завод, жена Кикоина – Вера Николаевна, пригласила меня покататься на лодке по озеру и его окрестностям. Во время прогулки нас настиг Кикоин и сердито потребовал, чтобы она перешла в моторную лодку. У него были основания для ревности, так как, работая в московском институте, его жена легко заводила романы. В их числе было увлечение студентом МИФИ Гавриловым.

По той или какой-либо другой причине у Кикоина был сильный сердечный приступ, и он некоторое время провел в Кремлевской больнице.

Как-то раз, по поводу поведения Веры Николаевны меня вызывал заместитель Курчатова, генерал Павел Васильевич Худяков. Он играл роль, аналогичную американскому генералу Гровсу, наблюдавшему за деятельностью ученых, занятых атомной проблемой.

В конце 1948 года Худяков был застрелен в своем коттедже с целью ограбления, или, возможно, по политическим причинам. Во всяком случае, мне пришлось проявлять осторожность при общении с женой Кикоина.

Находясь в командировке, я занялся наблюдением за установкой и наладкой измерительной аппаратуры. Кикоин требовал, чтобы я лично контролировал проведение этих работ, а также проводил занятия с обслуживающим персоналом.

В этот период для повышения их уровня ответственности, я ночами писал должностные инструкции и положения отдельным подразделениям приборной службы, которую тогда возглавлял А. П. Носков

Вместе с группой сотрудников ЛИПАН я жил в общежитии, бывшем санатории Уралхимзавода, на берегу озера, за пределами охраняемой зоны.

Периодически я приезжал в Москву, чтобы переоформить командировку и получить жилье во вновь строящихся домах. Сначала мы временно поселились в 40 метровой квартире, предназначенной профессору А. Ф. Лесохину, который жил тогда в Ленинграде. Затем мне выделили 2 комнаты в 3-х комнатной квартире, где, кроме нас, поселились родители заместителя Кикоина – С.С. Шалыта.

Всю осень и зиму я на короткое время продолжал приезжать в Москву и Ленинград по делам комбината и для оформления командировок. И только в начале лета я забрал семью в Свердловск-44. Надо сказать, что в то время, в целях соблюдения секретности и для предупреждения общения с посторонними нам разрешались железнодорожные поездки только в международных вагонах 1-го класса.

По приезде мы всей семьей поселились в одной из комнат вышеупомянутого санатория.

Я продолжал напряженно работать в связи с осуществляемым пуском первой очереди завода. Кикоин настаивал, чтобы я лично участвовал в пуско-наладочных работах, относящихся, главным образом, к средствам измерения и автоматизации. Кроме того, мне приходилось продолжать работу по организации службы ремонта и эксплуатации приборов.

Я был вынужден согласовывать решения этих вопросов со старой и новой дирекцией, мнения которых часто не совпадали. В конечном итоге, обострились мои отношения с бывшим главным инженером, а на тот момент, начальником производства М. П. Родионовым. Это привело к конфликту, в котором он обрушил на меня свое недовольство. Все происходило в присутствии Кикоина и министра химической промышленности, члена Политбюро ЦК КПСС, М. Г. Первухина приехавшего для подготовки предстоящего посещения комбината Л. П. Берией. Кикоин конфликт уладил, и чтобы успокоить Родионова, пообещал лишить меня очередной премии, но конечно, не сделал этого.

Во время моего пребывания на комбинате в 1948-49 годах в качестве сотрудника ЛИПАН произошло несколько событий, отраженных в Приложении, Эпизоды №. 3, 4, 5, 6.

Мои командировки как сотрудника ЛИПАН закончились после перевода на постоянную работу на комбинат. А случилось это при следующих обстоятельствах.

Завод был построен, прошел цикл наладки и, как пионерский в своей отрасли, он испытывал огромные трудности в освоении неизвестной технологии, в связи с чем, срывались сроки получения необходимого продукта.

Для выяснения причин и оказания помощи, 16 октября 1949 года, на комбинат приехал Л.П. Берия, курировавший атомную тематику и ответственный за ее скорейшее освоение. Меня неожиданно пригласили в салон-вагон, где он проводил совещание. Когда я появился, Берия предложил сесть и обратился ко мне с вопросом о причинах задержки пуска завода. Вопрос был неожиданным. И я назвал близкие мне две причины. Одна – неупорядоченность взаимоотношений старой и новой дирекции, мешавшей мне организовать приборную службу, и вторая - отсутствие прав у командированных сотрудников ЛИПАН, передававших опыт, накопленный при эксплуатации экспериментальной установки в Москве.

Берия моментально отреагировал и сказал: «Дадим вам всем такие права и переведем на работу на комбинате», спросив при этом, согласен ли я.

На что я ответил, согласен временно. Он поинтересовался составом моей семьи, получаемой зарплатой в 2800 рублей, подсчитал, что подъемные составят 20 тысяч, а через год-полтора я получу такую же сумму по возвращении в ЛИПАН. Тут же он распорядился забронировать мою московскую квартиру и выделить на месте отдельную трехкомнатную, обставленную рижской мебелью.

Этот разговор происходил в присутствии Курчатова, Кикоина, министра атомной отрасли Б.Л. Ванникова, его заместителей М. Г. Первухина, А. П. Завенягина, В. С. Малышева, начальника главка А. М. Петросьянца, секретаря Спецкомитета - генерала Махнева, а также восстановленных в должностях директора А.И. Чурина и главного инженера М. П. Родионова, начальника ОКБ Ленинградского Кировского завода – разработчика компрессоров Н.М. Синева и других.:

При этом действующий директор А. Л. Кизима был смещен как не обеспечивший работу комбината и за недостойное поведение.

Как выяснилось позже, моим ответом о недостаточности прав был недоволен Кикоин, так как спустя полтора месяца вышло Постановление Правительства о переводе на комбинат группы из 10 работников ЛИПАН.

По приезде в Москву в декабре 1949 года для переоформления командировки меня направили к заместителю Курчатова по кадрам - Полякову, который сказал: «Пойди в 1-й отдел, там относительно тебя есть бумага».

Действительно, мне вручили Постановление правительства, в котором указывалось, что часть работников ЛИПАН переводится на постоянную работу на Комбинат №. 813 с назначением на конкретные должности. Так, Кикоин становился заместителем директора по науке и начальником Центральной лаборатории. Я же назначался главным прибористом завода.

Вернувшись к Полякову, я выразил протест по поводу постоянного перевода, заявив, что Берия обещал мне только временный – на полтора-два года.

На мои слова Поляков, улыбаясь, протянул лист бумаги, спросил, видел ли я, кто подписал Постановление и посоветовал мне написать свой протест Сталину, чья подпись стояла на той бумаге.

А пока, он предложил мне сдать числившуюся за мной папку с секретными документами и материальные ценности, и, уволившись, отправляться вместе с семьей по месту работы. Московская квартира будет за мной забронирована.

Напоследок, мне выделили путевку в академический санаторий в Болшево.

По прибытии на комбинат, я был назначен начальником отдела метрологии №. 17, то есть главным прибористом, как было указано в Постановлении.

У меня в подчинении был цех по ремонту приборов, служба наладки и эксплуатации, а также метрологическая служба и экспериментальная лаборатория, которую я постарался перевести из ЦЗЛ.

В общем, в моем подчинении оказалось около 500 работников, которых надо было обучить и передать им приобретенный опыт эксплуатации опытной установки.

В начале января 1950 года пришлось поднимать семью и переезжать на Уральский комбинат.

В соответствии с указанием Берии, нам предоставили трех комнатную, полностью обставленную квартиру.

Город, в котором нам предстояло жить, находился в стадии строительства силами заключенных. Главным образом, люди были осуждены за мелкие «преступления»: подпольные аборты, мелкое воровство, «колоски» и т.п.

Возведение промышленных корпусов, гидротехнических сооружений и энергоснабжение осуществлялись строительными войсками Министерства обороны. Вначале ими командовал генерал Бойков, а через некоторое время руководство перешло к талантливому и энергичному Л. И. Гороховскому, с которым мы подружились семьями.

Ко времени нашего переезда в городе были построены и начали действовать: двухзальный кинотеатр «Родина», музыкально-драматический театр, продуктовые и промтоварные магазины, две общеобразовательные школы, библиотека. Завершалось строительство спортивного комплекса и стадиона.

Надо сказать, что снабжение продуктовыми и промышленными товарами, по сравнению с Москвой, Свердловском и другими городами страны, было исключительным. Заработная плата также была повышенной.

В общем, руководство страны делало максимум возможного для скорейшего создания атомного оружия.

Город размещался на гористой местности, покрытой густыми лесами, на берегу живописного озера. Вся территория была окружена колючей проволокой и строго охранялась. Вход и выход из города осуществлялись по пропускам. Для работников действовал ограничительный режим выезда из города. Выезд разрешался режимными органами только по строго обоснованным причинам.

Прилегающее озеро имело острова, часть которых, под воздействием ветра и течений, была плавающая. Эти острова, а также окружающие город леса изобиловали грибами и ягодами.

В общем, условия для работы и проживания были вполне удовлетворительными.

Постепенно расширялся круг наших знакомых, появились друзья.

Нашим соседом по дому и этажу был И. Д. Морохов, о котором я писал выше. К тому времени, он был заместителем начальника производства. Я подружился с начальником отдела снабжения А. П. Иванюшевым и его женой Наташей, со Львом Гороховским и его женой Галей. На тот момент Гороховский только начинал свою деятельность и работал в Управлении строительства.

В числе наших друзей были: главный механик Лев Опара и его жена Нина, главный энергетик Евгений Унгвицкий, тоже с женой Ниной. Постепенно мы стали дружить с будущим директором комбината Андреем Савчуком и его женой Розой, тогда еще технологом после окончания Уральского политехнического института, а также Борисом Грачевым и его женой Люсей.

Стелла тогда не работала: вела домашнее хозяйство и воспитывала наших детей.

Эрик продолжал учебу в школе, и после приобретения нами пианино, один год занимался в музыкальной школе. Натуля через пару лет пошла в 1-й класс и в музыкальную школу, которую окончила к моменту нашего возвращения в Москву.

Мы часто встречались с нашими новыми друзьями, обменивались взаимными визитами. Зимой ходили на лыжные прогулки, спускаясь, по мере возможности и смелости, с небольших гор. В летние и теплые весенне-осенние выходные дни устраивали пикники на природе.

Вечерами в будние и выходные дни мы посещали кинотеатр, не пропуская ни одного нового кинофильма.

Постепенно музыкальный театр укомплектовывался артистами и оркестрантами. И мы с друзьями, в полном составе, не по одному разу пересмотрели премьерные постановки оперетт Кальмана, Легара, Дунаевского и других композиторов.

Следует отметить высокое качество исполнения благодаря профессионализму артистов, которые проходили специальный отбор.

Для согласования вопросов проектирования я продолжал бывать в Ленинграде. В одну из таких поездок мы со Стеллочкой решили обновить мой гардероб и приобрести приличное зимнее пальто и костюм, либо ткань для их пошива. Значительная часть денег из выплаченных мне подъемных еще сохранилась.

Этому мероприятию я решил посвятить последний день пребывания в Ленинграде. Я безуспешно посетил несколько комиссионных магазинов и уже думал, что вернусь ни с чем. С последней надеждой, я зашел в комиссионный на Невском проспекте, но и там ничего подходящего не было. На антресолях были вывешены для продажи картины старых живописцев. Из любопытства я поднялся для осмотра. Предложенные к продаже картины малоизвестных художников не привлекли моего внимания, пожалуй, кроме одной. Она была заключена в позолоченную рамку размером 1,5 на 1 метр, внизу стояла подпись Брюллова.

На полотне был изображен красивый лес. Я задержался у картины, и ко мне, предлагая свои услуги, подошел продавец. Картина стоила 8 тысяч рублей, то есть половину моих подъемных. Я усомнился в ее подлинности. Я знал Брюллова как портретиста, а там

был пейзаж. Продавец заверил меня, что картина прошла экспертизу и имеет паспорт, подписанный академиком Орбели – директором Эрмитажа.

На мое заявление, что я не местный, он предложил отправить упакованную раму багажом, а полотно свернуть и вручить мне.

Посомневавшись, я все-таки дал согласие. Вручая мне чек на оплату, продавец, как бы вскользь, заметил: «Эта картина принадлежит не Карлу, а его дяде - Петру Брюллову, который был членом Академии художеств и тоже был знаменит». Эти слова несколько охладили мой покупательский пыл, и я попросил его несколько задержаться с оформлением.

И, все же, я купил бы эту картину. Но, спустившись вниз, я попал в руки случайного продавца, который предложил отрез коричневого драпа велюра. Материал пришелся мне по душе, и я выложил за него 3000 рублей.

Увидев во мне покупателя, подошел мужчина моей комплекции. Он предложил купить новый черный бостоновый костюм моего размера за 2500 рублей. По его объяснению, ему пошили таковой для заграничных гастролей, как артисту военного ансамбля Александрова. Я не устоял и приобрел и этот костюм.

Стоящая поодаль женщина наблюдала за этими сделками, потом подошла и предложила мне 2 коричневые каракулевые шкурки для будущего пальто и шапки. На остаток моей наличности я купил и их.

Поэтому на антресоли я уже не поднимался и не стал владельцем Брюллова, хотя и не Карла. О чем теперь очень жалею.

Так началась моя временно-постоянная жизнь и деятельность на Урале, которая продолжилась до 1962 года. В должности главного прибориста у меня сложились уважительные хорошие взаимоотношения с дирекцией и коллегами по работе.

Правда, с Кикоином, который был научным руководителем, произошло охлаждение. Он, по-видимому, считал меня виновным в переводе на комбинат группы сотрудников ЛИПАН, и его в частности, в результате моего откровения Берии, о чем он часто напоминал мне и говорил другим переведенным работникам. Кроме того, ряд недоразумений в работе усугублял эти взаимоотношения, о чем я написал в сборнике «Курьезы», выпущенном к 50-ти летнему юбилею комбината.

Как главный приборист и лицо ответственное, я, в содружестве с подчиненными мне работниками, продолжал совершенствовать разработанные ранее приборы и средства автоматики. Руководство комбината целиком мне доверяло. Поэтому у меня была полная свобода в принятии инициативных технических решений во взаимоотношениях с проектной организацией и заводами – изготовителями приборов.

Моим заместителем был назначен молодой инженер Михаил Дорский, окончивший Ленинградский политехнический институт. Его жена, Лида Шерстобитова, выпускница того же института поступила в техническое подразделение приборного завода, которым тогда руководил А. П. Носков. После отъезда последнего на аналогичный строящийся комбинат в Томске, его должность занял тоже молодой инженер Виталий Акинфиев.

В июне 1951 года было проведено успешное испытание атомной бомбы на основе обогащенного до 93% урана, произведенного на нашем комбинате.

За этим последовало широкое награждение многих лиц, причастных к решению этой проблемы.

Директор А.И. Чурин и Кикоин получили звание Героя Соцтруда, мне досталось лауреатство Сталинской премии и орден «Трудового Красного Знамени».

В апреле 1954 года Эрику исполнилось 16 лет, и он должен был получить паспорт. Я сопровождал его в милицию, с начальником которой был знаком. Рассматривая метрическое свидетельство, он сказал; «Мать - украинка, отец – еврей, запишем ему в паспорте русскую национальность, ведь по духу и языку он русский, к тому же это облегчит его дальнейшую жизнь».

Я продолжал возглавлять приборную службу комбината, не будучи членом КПСС, что, представляло собой двойственное и неустойчивое положение меня как руководителя полу тысячного коллектива.

Эта несогласованность стала особенно заметной к началу 1952 года, когда по всей стране была развернута антиеврейская кампания. До меня дошли слухи, что мной стал

интересоваться городской комитет партии, появились нехорошие высказывания в мой адрес отдельных коммунистов моей службы. Когда же было затеяно «дело врачей», ко мне стали наведываться работники городского отдела КГБ с вопросами о деятельности отдела.

Через несколько дней после публикации в центральной печати «Дела врачей», среди работников комбината начались массовые заболевания ангиной. Это послужило причиной приезда заместителя министра здравоохранения Аветика Игнатьевича Бурназяна.

Он потребовал, чтобы все врачи еврейской национальности были уволены и высланы из города. Несмотря на то, что большинство врачей были ведущими специалистами, все они, с минимальным количеством личных вещей, были погружены в автобус и вывезены на привокзальную площадь Свердловска.

Единственным врачом, который избежал этой зверской акции, была кардиолог Сарра Борисовна Ханина, муж которой являлся ведущим физиком-теоретиком, обеспечивавшим расчетную часть технологической линии завода. За него горой стал директор комбината, что спасло его жену от высылки.

Как стало известно позже, Бурназян настоятельно рекомендовал директору Чурину поступить так со всеми «безродными космополитами», работниками комбината, участь которых должен был разделить и я.

Надо отдать должное Чурину, который сказал, что как коммунист-интернационалист он не может так поступить. И даже, если он получит такое указание из Министерства, он потребует эквивалентную замену и время, необходимое новым сотрудникам для освоения научно-технологических особенностей процесса.

После отъезда Бурназяна, санитарно-эпидемиологическая служба из Свердловска установила, что источником заражения было молоко, выдаваемое как спецпитание всем работающим на основном производстве. Само же молоко было инфицировано при разливе в бутылки работницей молокозавода – носительницей стрептококковой ангины.

Учитывая особенности моих родственных связей, которые я скрывал, я решил уйти со своей «громкой» должности и подал заявление директору о переводе на рядовую работу в технический отдел. Этой просьбой я облегчил директору решение вопроса. На него нажимали партийные органы, и, при наличии моего заявления, он мог освободить меня от должности главного прибориста, назначенного на эту должность Постановлением Правительства.

В феврале 1953 года моя просьба была удовлетворена, и я стал старшим инженером, при этом директор Чурин постарался сохранить мне максимальный заработок, возможный для старшего инженера. В техническом отделе я стал заниматься исследованием вибрации компрессоров. В связи с чем, в июле 1954 года, я был переведен в центральную лабораторию для участия во вновь разрабатываемом методе разделения изотопов урана методом центрифугирования. Над этим уже несколько лет работал в закрытом Сухумском институте немецкий ученый профессор Макс Стейнбек. К тому времени было принято решение поручить дальнейшее развитие этого метода ОКБ Кировского завода. Нашему комбинату поручалось его промышленное освоение.

С целью ознакомления и подготовки производства, я стал ездить в Сухуми, Москву и Ленинград, где эти работы велись в условиях глубокой секретности.

В порядке подготовки на комбинате был организован специальный цех, начальником которого был назначен мой бывший подчиненный коммунист В.А. Акинфиев. Я же был назначен его первым заместителем и главным технологом.

Я продолжал дружить с главным инженером комбината И.Д.Мороховым Сего помощью удалось преобразовать цех в самостоятельный опытный газотурбинный завод с экспериментальной лабораторией, теоретической группой, механической мастерской, приборной и эксплуатационной службой, конструкторским бюро, а также филиалом секретного отдела.

Весь 1957 год проходил монтаж поступавшего оборудования. Моя роль, как первого заместителя, была ведущей. С момента привлечения к этой новой технологии, я продолжал разрабатывать новые специфические приборы и средства автоматизации, привлекая творческую молодежь. Я часто ездил в командировки в Ленинградский проектный институт для выдачи технических заданий и согласования документации. Вместе с тем, я участвовал в

работе Государственной комиссии по приемке основного оборудования в ОКБ Кировского завода.

Летом 1957 год я решил взять отпуск. Предыдущие три года я не мог им воспользоваться, по причине проектных работ и подготовки нового центрифужного производства, требовавшего моего участия.

Тогда же проходил монтаж поступавшего оборудования, за которым наблюдал Акинфиев. Пуско-наладочные работы еще предстояли и должны были начаться после моего возвращения из отпуска.

Я получил две путевки для нас со Стеллой в ведомственный санаторий «Прогресс» в Хосте. Стелла с Натулей, у которой были школьные каникулы, была в Москве.

У Эрика тоже начался отпуск. И мы с ним решили пуститься в автомобильное путешествие до Москвы, где находилась женская половина нашей дружной семьи.

Поехали мы на «Победе», которая досталась мне в порядке краткосрочной очереди еще в 1955 году. Деньги на приобретение машины мне удалось собрать за счет вознаграждений за оформление изобретений и технических усовершенствований в части разработанных в предыдущие годы приборов и устройств автоматизации.

До этого я не занимался оформлением своих изобретений. Кикоин считал меня все же научным работником. И в этом отношении, его позиция была такова, что итогом всякой научной работы должен был быть технический отчет, а оформление заявок на изобретения и усовершенствования снижало престиж научного работника.

В автомобильное путешествие до Москвы, в которое мы с Эриком пустились вдвоем, продолжалось пять дней и изобиловало рядом приключений.

В первый день в условиях непогоды и по разбитой дороге мы не смогли преодолеть и 60-ти километров до Первоуральска. Мы были вынуждены попроситься на ночлег в один гостеприимный дом в проезжаемой нами деревне.

На следующий день, проехав 200 километров, мы добрались до Перми, расположенной на берегу Камы, притоке Волги. Там можно было погрузиться на теплоход, чтобы через день-другой добраться до Горького. А оттуда до Москвы оставалось всего 400 километров по автотрассе.

Ранним утром я пытался договориться с капитаном теплохода, но он поставил совершенно нереальные условия – слить весь бензин, промыть бензобак горячей водой и получить разрешение пожарной инспекции. Пришлось отказаться от этой затеи и двигаться дальше до Ижевска. В Перми было потеряно много времени, и на тракт мы выбрались только в середине дня.

Дорога после дождя была размытой. Мы продолжали двигаться в сторону Ижевска. Когда уже стемнело, мы оказались в лесу, где попали в глубокую колею и сели «на брюхо». Мы пробовали подкладывать под колеса ветки, но это не помогло. Тогда, раздевшись до трусов, мы, по очереди, стали толкать машину. В этот момент появился автомобиль «Москвич», который, благополучно объехав колею, остановился недалеко за поворотом.

К нам подошел мужчина, и, посочувствовав, предложил помочь.

Он сел за руль, а нам поручил толкать машину сзади. Она тронулась с места, обдав нас грязью с головы до ног. Проехав немного, наша машина скрылась за поворотом. Мы подумали, что стали жертвами авантюры, обстоятельства которой уже описывались ранее в газетах. В машине остались отпускные деньги, путевки в санаторий и наши вещи. В общем, ситуация была драматическая, чему соответствовало и наше настроение. Какова же была наша радость, когда из темноты появился наш спаситель. Он представился и, посмеявшись над нашими напрасными треволнениями, предложил совместное дальнейшее продвижение, на что мы откликнулись с благодарность и удовольствием.

На подъезде к Ижевску мы с Эриком обмылись из придорожной колонки и вечером въехали в город. Устроиться в гостиницу нам не удалось, и пришлось провести ночь в гостиничным дворе.

Рано утром, когда Эрик еще спал на заднем сиденье, я и наши попутчики тронулись в путь. При выезде я увидел открытый противопожарный люк и объехал его. Желая предупредить об опасности следовавших за нами попутчиков, я вылез из машины, не выключив двигатель и не поставив на ручной тормоз. Машина покатилась под уклон к

воротам и, сбив ремонтные леса, врезалась в стоявшее на пути дерево, оно даже наклонилось.

Выскочила администратор гостиницы, которая накануне вечером отказала нам в ночлеге. Увидев все произошедшее, она начала истошно кричать. Тотчас собралась толпа, которая кричала и требовала возмещения убытков и нашего наказания. Подошел молодой удмуртский милиционер. Эрик проснулся и, выскочив из машины, пытался понять, что происходит.

На помощь нам подоспел наш попутчик. Он стал активно обвинять администратора, по чьей вине люк оказался открытым. В этой суматохе, воспользовавшись растерянностью милиционера, мы быстро сели в машины и покинули место происшествия.

Через сотню километров мы оказались на берегу Камы в районе Елабуги, где во время войны покончила жизнь самоубийством Марина Цветаева, о чем я узнал позже.

Там, в ожидании понтонной переправы, мы провели целый день, потому что в первую очередь переправлялись грузовики с урожаем зерна. Снова пришлось ночевать в машине, а заодно и отбиваться от группы подозрительных лиц, которые обещали нам хорошее вознаграждение за авто участие в каком-то ограблении. Утром нас все же переправили на другой берег.

Затем нас ожидала еще одна переправа, но уже через Волгу, в районе Зеленодольска под Казанью, где мы также провели ночь в машине.

Наш дальнейший путь проходил через Горький, где мы опять ночевали в машине. Гостиница оказалась занятой футболистами и болельщиками, которые ехали на матч участников проходившей в Москве студенческой молодежной олимпиады.

На всем пути следования нам несколько раз приходилось останавливаться, чтобы поменять и отремонтировать проколотые колеса.

После всех злоключений в пути мы, наконец-то, приехали в Москву, где нас с нетерпением и тревогой ожидали наши родные.

Проведя несколько дней в олимпийской Москве, мы с Эриком и Стеллой отправились на Кавказ, в Сочи, куда у нас были путевки.

Мы со Стеллочкой разместились в небольшом коттедже, а Эрик предпочел ночевать рядом в «Победе», которую я специально оборудовал спальным местом, еще до отъезда.

В санатории мы встретили своих уральских друзей – супругов Бориса и Люсю Грачевых – они отдыхали в том же санатории. В один из вечеров мы впятером отмечали 44-й день рождения Бориса.

Во время отдыха мы много купались, принимали Мацестинское лечение, посетили Голубое озеро и озеро Рица.

Вернувшись в Москву, мы забрали Натулю, которая во время нашего отсутствия находилась на попечении Татьяны Зиновьевны – Стеллиной мамы, и поездом вернулись в Верх-Нейвинск.

По возвращении из отпуска я активно включился в проводимые пуско-наладочные работы.

Это месячное отсутствие дорого мне обошлось. Заканчивался годичный срок моего перевода из кандидатов в члены КПСС. В кандидаты я был принят единогласно, и я не ожидал никаких осложнений. Но случилось так, что секретарь парторганизации Петухов при участии еще двух коммунистов написал заявление в Горком партии, в котором обвинял меня в дезертирстве в тяжелый период монтажа оборудования, присовокупив к этому мое мнимое уклонение от армии в период войны.

Об этом заявлении мне сообщил Морохов, который был в числе троих, рекомендовавших меня в члены партии.

Разбирательство длилось три месяца. При этом был направлен запрос в НИИ хлора, в котором я работал до войны и в ее начале. Оттуда пришел ответ, что у меня была бронь, и в связи с эвакуацией института, я был направлен в Кемерово.

Об этом инциденте узнал мой сослуживец А. С. Марциоха, член партии с большим стажем, который в свое время тоже дал мне рекомендацию в партию. Он прислал из Москвы резкое письмо в адрес Горкома партии, взяв меня под защиту.

Третьим рекомендовавшим меня в члены партии был начальник строительства Л. И. Гороховский. Он убедительно выступил в мою защиту на партийном собрании, где докладывал председатель специально собранной комиссии Горкома.

Все присутствовавшие коммунисты также выступили в мою защиту, осудив клеветнические обвинения.

Авторы письма были посрамлены, признав необоснованность обвинений.

Таким образом, в феврале я стал членом партии.

Надо сказать, что три месяца разбирательства прошли для меня очень болезненно, и я находился в состоянии постоянного стресса.

Пуск опытного завода прошел успешно, хотя некоторое время отдельные машины еще выходили из строя. О чем надо было докладывать через дирекцию Комбината в Министерство и ЦК КПСС. Успешной работе машин на опытном заводе придавалось огромное значение, так как метод центрифугирования был в 20 раз менее энергоемким по сравнению с действовавшим диффузным методом, применяемым на ряде комбинатов, а также в США, Англии и Франции. Это был новаторский прорыв, к которому на тот момент еще не приблизились в этих странах.

Надо сказать, что работа по созданию этого метода и его внедрению в промышленное производство была высоко оценена. В числе других участников, я был удостоен звания Лауреата Ленинской премии за 1961 год.

Часть денежного вознаграждения, которое составляло 800 рублей, я послал в Москву тете Соне, дяде Шуре (находившемуся в ссылке) и Ниночке к моменту ее первого замужества. Кажется, на эти деньги она купила себе фотоаппарат.

Аналогичным образом я поступил и в 1951 году, получив вознаграждение после присвоения мне звания Лауреата Сталинской премии.

После моего очередного отпуска в 1958 году мы вдвоем со Стеллочкой возвращались на машине из Москвы на Урал.

Погода благоприятствовала, и мы преодолели этот путь за три дня. Правда, на участке дороги между Пермью и Свердловском мы едва не стали жертвами бандитов. Для того чтобы вызвать аварию с последующим ограблением, они натянули через дорогу стальной трос. Я увидел его в последнее мгновение и даже не успел среагировать. К счастью, трос скользнул по капоту и крыше машины, не сумев ее задержать и, возможно, перевернуть. И мы, в конечном, счете, отделались только испугом.

В январе 1960 года я был назначен начальником опытного завода взамен Акинфиева, откомандированного в район Красноярска, где началось строительство аналогичного производства. Крайне напряженная работа, не дававшая покоя ни днем, ни ночью, и другие обстоятельства привели к срыву, и 16 октября 1960 года у меня случился инфаркт миокарда, который диагностировала врач-кардиолог Сара Борисовна Ханина (о ней я упоминал выше). В связи с моим отказом от госпитализации, она проводила лечение на дому. Я рвался на работу, и, спустя месяц, она разрешила мне это, при условии создания для меня спокойной обстановки. Она сказала об этом директору Савчуку, сменившему Морохова, которого отозвали в Москву. Савчук же ее условие не принял, сославшись на то, что ему нужен был подчиненный руководитель, которого, в случае необходимости, можно было бы, в русской терминологии, послать куда подальше. Тогда Ханина оставила меня на домашнем режиме еще на два месяца. Я использовал их для написания кандидатской диссертации.

Перед защитой диссертации необходимо было подготовить и сдать кандидатский минимум, в который, наряду со спецпредметом и иностранным языком, входила марксистско-ленинская философия. С этой целью я поступил в вечерний Университет марксизма-ленинизма. Это также приветствовалось для руководителя большого коллектива. Два года учебы в Университете и сдача экзамена засчитывались как кандидатский минимум. Это было еще при жизни Сталина. И поэтому, когда он опубликовал работу «Экономические проблемы социализма» и дискуссию с академиком Мааром по вопросам языкознания, нам прибавили еще год. После XX съезда и разоблачения культа личности пришлось переучиваться еще два года. В завершение этого срока было принято решение не засчитывать окончание Университета в кандидатский минимум. Таким образом, пять лет

были потрачены впустую, и, перед отъездом в Москву, мне пришлось сдавать экзамены по этому вопросу.

Забегая вперед, расскажу, как проходила защита в институте атомной энергии в Москве 1 октября 1963 года.

Темой моей диссертации была «Система технологического контроля и аварийной защиты газодиффузионных и центрифужных производств по разделению изотопов урана». Председательствовал на ученом совете директор института, он же президент Академии Наук А.П. Александров. Мой научный руководитель академик И.К. Кикоин по болезни или по другим дипломатическим причинам на защиту не явился. Оппоненты моей диссертации директор НИИТВЭЛ М.В. Якутович и ст. научный сотрудник ЛИПАН Ю.И. Щербина высказались весьма положительно. Такие же одобрительные отзывы на диссертацию были даны Комбинатом, Проектным институтом, Кировским заводом и Кикоиным.

Обращаясь к вице-президенту Академии Наук и в то время Председателю Верховного Совета РСФСР М.Д. Миллионщикову, А.П. Александров попросил охарактеризовать диссертанта, как знавшего его по работе и в жизни. Я услышал следующее: «Центробежный метод обогащения изотопов урана был самым привлекательным, но был реализован только при создании высокоскоростных центрифуг. Однако их промышленное применение было невозможным из-за высокой аварийности. При разрушении одной машины из-за механического и гидравлического удара происходит цепное разрушение большого количества машин. Только диссертант, которого мы сейчас заслушали, своими работами решил эту проблему, и открыл путь для промышленного использования центробежного метода по разделению изотопов урана». Он и дальше высказывался о моей деятельности в таком же хвалебном тоне.

Я отлично осознавал, что он гиперболизировал мою деятельность специально для членов ученого совета. Слушая это, мне было одновременно и стыдно и приятно, хотя я отлично понимал цель его выступления.

Я сидел в зале позади академиков Л.А. Арцимовича и С.М. Файнберга и невольно услышал слова Арцимовича «Савелий Моисеевич, мы, что этого Райхмана избираем в академики?» И ответ: «Нет, только в кандидаты технических наук». «То, как представил диссертанта вице-президент Академии наук, позволяет ему претендовать на звание академика» - сказал Арцимович с иронией в голосе.

Я понимал шутливость происходящего и терпеливо ждал решения Совета.

Не дождавшись оглашения результатов голосования, М. Д. Миллионщиков поздравил меня и, видя мое волнение, успокаивающе сказал: «Неужели после моей речи у Вас могут быть еще какие-нибудь сомнения?».

Результат был положительный, и мне была присвоена ученая степень кандидата технических наук. Скажу только, если бы диссертация претендовала на докторскую степень, после всего происходящего, я мог бы обладать ею, конечно, незаслуженно.

От последствий инфаркта я избавился довольно быстро, бросил курить, катался на лыжах, ходил пешком на работу и обратно. Летом 1961 года плавал и загорал на озере, ходил за грибами и по-прежнему много работал.

Однако опишу годы нашего пребывания на Урале, предшествовавшие возвращению в Москву.

В 1952 году Натуля пошла в 1-й класс женской школы и поступила в музыкальную, школу дома появилось пианино.

Эрик тоже один год осваивал фортепиано, продолжал занятия сначала в мужской, а заканчивал 10-й класс в совместной школе.

Надо сказать, что со школьным образованием у него была полная чехарда. В 1-й класс он пошел в Химках, где мы жили по месту моей работы. После переезда в Москву он продолжил учебу в районе Кировского метро. Затем, когда мы получили квартиру, он сменил три школы по мере их строительства в районе Курчатовского института. В общем, за 10 лет он сменил 7 общеобразовательных школ, что не способствовало качеству его образования.

После окончания школы в 1956 году он поступил на работу в Центральную лабораторию на должность лаборанта и занимался определением содержания изотопов урана, отбираемых в различных точках технологической линии завода.

Через год, после сдачи вступительных экзаменов, он поступил в вечерний филиал Московского инженерно-технического института – МИФИ, закончив который, в 1963 году вернулся вслед за нами в Москву.

Наша жизнь на Урале была вполне благополучной.

У детей по мере из взросления появлялись друзья. Эрик сохранил эти дружеские отношения и по переезде в Москву. К сожалению, некоторые из них ушли из жизни в молодом возрасте. У Натули эти связи оборвались быстрее. В Москве у нее появился круг новых друзей и знакомых.

Что касается нас со Стеллочкой, то наши дружеские связи углублялись и расширялись за счет ограниченности пространства в быту и общности места работы мужей.

Как на Урале, так и в Москве, мы с друзьями практиковали совместные просмотры новых кинофильмов, посещали премьеры в музыкально-драматическом театре.

У нас установилась традиция взаимного гостеприимства в выходные и праздничные дни, а также по случаю дней рождения.

В какой-то момент все решили упорядочить эти встречи и установить их очередность. При этом каждый из участников старался перещеголять предыдущего по обилию закусок и выпивки.

После двух-трех кругов, некоторые участники этого мероприятия запротестовали, так как оно становилось накладным и сильно разрушало здоровье.

На встречах мы подшучивали друг над другом, изобличали в супружеской неверности, что иногда приводило к бурным разборкам. В этой части первое место принадлежало семье Мороховых, где провинность мужской половины жестоко наказывалась.

Все это веселило наше общество и служило психологической разрядкой, так как все мы напряженно трудились в достаточно вредных условиях. У меня было два случая. Во время демонстрации Кикоину работы автоматики мы оба обожгли руки газообразным фтором. Второй эпизод мог иметь более серьезные последствия, когда во время аварии я бросился на ее ликвидацию и надышался фтористым ураном.

Во время работы на комбинате меня довольно часто направляли в Ленинградский проектный институт и ОКБ Кировского завода. В Ленинграде я всегда останавливался в «Астории» или «Европейской». Эти гостиницы, как правило, предпочитали иностранцы, и я тем самым нарушал запрет по условиям режима и секретности. Но я считал, что если так поступали руководители Министерства и отрасли, то и мне можно.

Бывая в Ленинграде по 3-4 раза в году продолжительностью в10-15 дней, я по много раз знакомился с достопримечательностями города и его окрестностей. Даже мог играть роль гида для приезжавших коллег по работе.

Во время каждого своего приезда я ощущал, как будто бы Ленинград был мой город, и я постоянно в нем находился.

Первый раз я посетил Ленинград во время своего приезда как научного сотрудника ЛИПАН в 1946 году, когда город еще залечивал раны после блокады. Последний раз я был в нем, до его переименования, в 1992 году, будучи уже старшим научным сотрудником Союзного НИИ приборостроения.

Но вернусь к последнему периоду своего пребывания на Урале.

В 1961 году мне представилась возможность приобрести новую автомашину «Волга» - ГАЗ-21.

К части оставшегося вознаграждения за Ленинскую премию я добавил значительную сумму одолженных мной денег и оплатил стоимость машины в размере 4.100 рублей.

Я воспользовался тем, что к нам на комбинат приезжал главный инженер Горьковского автозавода и попросил его проследить за качественным изготовлением машины и ее окраской в вишневый цвет, что в то время для «Волг» было большой редкостью.

Он даже перевыполнил мою просьбу. Кузов машины был изготовлен из оцинкованного железа, что обеспечило его долговечность – машина прослужила мне 19 лет.

Свою «Победу» я переписал на Эрика, и он отогнал ее в Москву, где она перешла в пользование мужа Лиды – матери Эрика. Последний смог отдать мне только треть стоимости машины. Эти средства я использовал на погашение своего долга за «Волгу».

Новую «Волгу» Эрик со Стеллой получили непосредственно на заводе в конце 1961 года и перегнали ее в Москву, где она и дожидалась моего возвращения.

В течение семи лет я возглавлял опытный завод центрифуг, сначала в должности заместителя, а потом и начальника. Я часто выполнял так называемую роль гида, поясняя устройство центрифуг, особенности их работы и эксплуатации посетителям завода. Моими слушателями были персоны высокого ранга, как правило, министры, члены ЦК и Политбюро. Во время каждого их приезда в город Свердловск, 1-й секретарь Обкома партии А. П. Кириленко, считал своим долгом привезти их на один день в наш город для ознакомления с комбинатом.

За этим годы у меня побывали: И. В. Курчатов, Л. М. Каганович, Е. П. Славский, А. П. Завенягин, М. Г. Первухин. Во время посещения комбината М. Г. Первухиным я опростоволосился. Он был в сопровождении А. П. Кириленко и И. Д. Морохова, а также еще одного незнакомого мне человека простоватой внешности, которого я принял за охранника.

По ходу моих пояснений он несколько раз перебивал меня и просил уточнить принцип работы центрифуг. Чтобы отделаться от него я в достаточно резкой форме сказал: «Если бы Вы знали 3-й закон Ньютона, у Вас не возникал бы этот вопрос». Морохов ткнул меня в бок и сказал: «Как-нибудь начальник Технического управления Министерства, Николай Петрович Галкин, доктор наук и профессор, знает все законы Ньютона, в том числе и третий». Конечно, я стал извиняться.

Вторая встреча с Галкиным произошла спустя несколько лет в латвийском городе Сигулда во время нашего со Стеллой автомобильного путешествия. На бензоколонке ко мне подошел мужчина в замасленном лыжном костюме и спросил, продолжаю ли я работать на прежнем месте. Видя мое замешательство с ответом, он напомнил свою фамилию и должность.

После моего переезда в Москву, когда я уже работал в СНИИПе и являлся главным редактором министерского научно-технического сборника «Стандартизация и качество в атомном приборостроении», Галкин был членом редколлегии. В то время он занимал должность заместителя директора НИИ-10 – одного из институтов нашего министерства. Как член редколлегии он отличался исключительной исполнительностью и скромностью.

Но вернусь к заключительному периоду моей работы на комбинате.

В конце лета 1961 года из Москвы мне позвонил И. Д. Морохов, с которым нас связывала дружба с момента его появления на комбинате в 1948 году.

Надо сказать, что он довольно быстро прошел все должностные ступени на комбинате, и в 1958 году был назначен директором. В этой должности он пробыл около 2-х лет, стал лауреатом Ленинской премии за 1959 год, а в конце 1960 года он был вызван в Москву и назначен первым заместителем председателя Государственного комитета по атомной энергии с перспективой занятия должности председателя.

Его неожиданный звонок содержал сообщение о предполагаемом Постановлении правительства об аннулировании любой брони на квартиры в Москве, владельцы которых проживали и работали в других городах.

Это касалось непосредственно меня, так как в Москве у меня были забронированы 2 комнаты в трехкомнатной квартире, в которых проживала мама моей жены.

Я немедленно отправил жену с дочкой Наташей в Москву, а сам остался с сыном Эриком, который учился на 5-м курсе филиала Московского инженерно – физического института и работал в ЦЗЛ комбината.

После их отъезда я объяснил обстановку новому директору Савчуку и просил перевести меня в Москву, приобщив к своей просьбе перенесенный инфаркт.

В ответ я получил категорический отказ и обещание связаться с руководством министерства на предмет проверки действительности аннулирования брони. Мне была дана

возможность съездить в Москву, где я убедил начальника главка о переводе, который состоялся в марте 1962 года.

Надо сказать, что во время пребывания на Урале у нас накопилось множество вещей, и особенно подписной литературы. Все это надо было перевезти в Москву. Я договорился, что на заводе за плату мне изготовят стойки и доски для книжных стеллажей, а также ящики для вещей. Упакованное таким образом имущество было малой скоростью отправлено в Москву.

Находясь на Урале, я иногда упражнялся игре на скрипке, хотя и очень редко. Моя скрипка была подделкой Страдивариуса. При отъезде по большой просьбе директора музыкальной школы я оставил ее.

С собой я увез подаренную мне одной из наших знакомых, Аней Гаренских, скрипку итальянского мастера Маджини, которую после войны привез из Германии ее муж. Скрипка требовала ремонта, поэтому я и взял ее с собой. Не успел я ее освоить, как приехала ее бывшая собственница и потребовала возврата. Пришлось отдать. Так, я остался без обоих инструментов, о чем сейчас очень сожалею – находясь на пенсии, я мог бы восстановить и усовершенствовать технику игры, утраченную за прошедшие годы.

Перед отъездом из Верх-Нейвинска, на квартире Евгения Унгвицкого нам были устроены бурные проводы, на которые собрались все наши друзья. Там я умудрился, танцуя «Лезгинку», вывихнуть большой палец левой ноги, что дает о себе знать и сейчас.

Подводя итоги своей деятельности на комбинате, могу сказать, что это были наиболее результативные и счастливые годы моей жизни.

Мы со Стеллой поддерживаем связи с нашими друзьями того периода, главным образом, с их женской половиной, так как мужья многих прекратили свое земное существование.

Решив вопрос с переводом, я вел предварительные переговоры с Кикоиным и Миллионщиковым о работе в институте имени Курчатова (прежде ЛИПАН) и с директором союзного НИИ приборостроения (СНИИП) Н.А. Шеховцовым, который был переведен с комбината незадолго до этого. Он был моим хорошим знакомым и соседом по Уралу, с ним вместе мы построили возле дома гаражи для приобретенных нами автомашин.

Согласие на перевод к Кикоину затягивалось, по-видимому, по 5-му (национальному) пункту, к которому он сам относился.

В нашей бывшей трехкомнатной квартире на Урале еще в течение года оставался Эрик, чтобы завершить учебу в институте. Правда, местное начальство его быстро уплотнило, подселив капитана Неустроева, взвод которого водружал флаг Победы над рейхстагом в Берлине. Рядовые Егоров и Кантария были как раз в его взводе. Всем, троим, было присвоено звание Героя Советского Союза. Сам Неустроев после демобилизации некоторое время работал в охранных подразделениях комбината.

Вернувшись в Москву, я посетил Шеховцова и получил согласие на перевод в подведомственный ему СНИИП.

Так завершилась моя многолетняя научная и производственная деятельность в области разделения изотопов урана, которая продолжалась с августа 1946 по 1962 год, т.е. почти 16 лет, и все это время - в условиях активной вредности, что дало мне право уйти на пенсию в 50 лет.

После успешной защиты диплома, в порядке перевода, Эрик был принят в СНИИП на должность младшего научного сотрудника, и в течение 30 лет занимался разработкой геофизической аппаратуры на радиационной основе.

Итак. Наступил очередной, заключительный этап моей достаточно пестрой трудовой деятельности в союзном НИИ приборостроении (СНИИП), который продолжался ни много, ни мало более 30 лет до ухода, как принято говорить, на заслуженный отдых.

Вначале я исполнял обязанности начальника научно-исследовательской лаборатории, занимавшейся разработкой геофизических приборов на основе ионизирующих излучений. Спустя полгода, в связи с проводимой в институте реорганизацией, мне было предложено возглавить отдел стандартизации и унификации.

Это была скорее бюрократическая, чем творческая деятельность. Но под давлением дирекции мне пришлось согласиться, тем более, область ядерного приборостроения была мне не знакома.

Отдел, как таковой, уже существовал, но он больше занимался разработками аппаратуры, чем выполнением обязанностей, заложенных в его названии. Мне надлежало исправить это положение.

Надо сказать, что с моим приходом, из отдела выделились три исследовательские лаборатории. Взамен этому, были организованы новые подразделения, обеспечивавшие выполнение прямых функций по отечественной и международной стандартизации.

Оставшаяся в составе отдела лаборатория вторичных источников питания, входящих в состав многообразия разрабатываемых приборов, была наиболее подходящей для реализации принципов унификации и стандартизации. Пока до 1970 года эта лаборатория входила в состав моего отдела, ее работниками был разработан типоразмерный ряд блоков питания, переданных на серийное производство и нашедших широкое применение не только в разработках института, но и на предприятиях министерства и смежных отраслей промышленности.

Эти блоки получили высокую оценку, и им было присвоено 45 «Знаков Качества».

Отдел занимался нормализационным контролем конструкторской документации, содержал библиотеку стандартов, создавал элементы унифицированных конструкций, самостоятельно разрабатывал программы стандартизации и большинство стандартов и оказывал помощь смежным подразделениям института в их разработке.

СНИИП являлся базовой организацией по стандартизации в ядерном приборостроении в стране. До моего прихода эти функции не выполнялись, что ставилось в укор институту и министерству.

С момента своего появления в отделе, я стал развивать это направление, постепенно расширяя его как в отечественной отрасли, так и за рубежом по линии Совета экономической взаимопомощи – СЭВ и Международной электротехнической комиссии – МЭК, где институт возглавлял советский технический комитет ТК-45.

Участие СССР в этом комитете я могу поставить себе в заслугу, так как до этого наше министерство отказывалось принимать на себя эти функции, ссылаясь на свою секретность. Мне пришлось прибегнуть к своим связям и широкому кругу знакомств с руководящими работниками министерства, в том числе и с Мороховым, с которыми я раньше работал, и пользовался их доверием.

В МЭК мы вступили в 1964 году, и я был назначен ответственным секретарем советского технического комитета ТК – 45 и руководителем рабочей группы №. 3 «Взаимозаменяемость». Заседания ТК- 45 проходили по всем странам–участникам, главным образом капиталистическим, но мне довелось участвовать только в Югославии, в Черногорском курортном городе Герцег-Нови на побережье Адриатического моря.

Так как рабочим языком был английский, я должен был на нем изъясняться.

Несмотря на то, что нам преподавали этот язык в институте, и я готовил его к экзамену при сдаче кандидатского минимума, я совершенно не мог пользоваться им в разговорной практике.

Выход все же был найден. Я подготовил текст своего первого выступления, который мне грамотно перевела на английский моя сотрудница Лиля Матвек, окончившая институт иностранных языков. На протяжении двух дней поездки я учил этот текст.

На первом заседании, страшно волнуясь и обливаясь потом от жары, я обратился к присутствовавшим. В заключение, я извинился за свой плохой английский, и выразил уверенность в том, что я его усовершенствую в ходе общения и, пожелав успеха работе комиссии, сел на свое место. Руководитель заседания, немец мистер Бомэ сказал, что я напрасно скромничал, ведь мой английский превосходен. Дело в том, что на заседании не присутствовали представители англоязычных стран. А для присутствовавших английский тоже был иностранным языком, хотя они бегло говорили на нем в процессе общения.

В перерыве делегаты забросали меня вопросами. Предвидя это, я заготовил фразу: «Извините, я действительно не имею опыта разговорного общения».

Надо сказать, что по ходу заседания, при помощи польского делегата Жимковского, мне удалось преодолеть языковой барьер, и я даже мог высказывать позицию СССР.

В один из дней мы посетили соседний город Дубровник, находящийся в Хорватии. Там, в отсутствие Жимковского, я, не без труда, старался общаться с коллегами на примитивном английском, но меня понимали.

Небольшое отступление.

С Дубровником связаны печальные обстоятельства. У моей мамы была младшая сестра Роза, очень красивая девушка, которая до первой мировой войны вышла замуж за царского офицера. При венчании она крестилась и стала Ниной. Во время гражданской войны она бежала за границу с мужем, но он заболел тифом и умер. Когда она оказалась за границей, в нее влюбился хорват, и они поженились. В двадцатые годы он был избран мэром г. Дубровника, где они жили в полном довольствии и любви. Но беда пришла в 1928 году, когда Нина у своей портнихи заразилась скарлатиной и скоропостижно умерла. Такая печальная история.

Кроме Югославии меня не брали ни в оду из множества других капиталистических стран, все из-за того злополучного 5-го пункта.

По линии СЭВа, где все страны-участницы входили в соцлагерь, мне удалось посетить и в составе делегации ознакомиться с достопримечательностями этих стран.

Однако после арабско-израильской войны в 1968 году на мои загранкомандировки было наложено табу. После этого свои функции я выполнял только письменно, чем вызывал вопросы, а иногда и протесты со стороны иностранных представителей. Этой дискриминации мог быть положен конец, если бы Морохов, занимавший должность заместителя министра и начальника Управления международных связей, захотел бы вмешаться. Но он не стал этого делать из-за боязни, что его заступничество могло быть плохо истолковано.

Надо сказать, что не будь я носителем своей фамилии и национальности, он с легкостью мог бы направить меня с женой на несколько лет в Вену, где находилось представительство Международного агентства по атомной энергии - МАГАТЭ. Такую возможность он предоставил другим своим знакомым и друзьям.

Внутренняя деятельность в институте меня мало удовлетворяла, и я стремился ее расширить.

С благословения министерства, я расширил функции СНИИПа и, кроме базовых функций по ядерному приборостроению, распространил их на все приборостроение и службы эксплуатации в министерстве. Таким образом, институт стал головной организацией по стандартизации приборостроения всех предприятий отрасли.

Это увеличило объем работы, но повысило интерес. Появились командировки на большинство предприятий отрасли с проверкой их деятельности, организация отраслевых совещаний с участием руководителей приборных служб и групп стандартизации, которые я успешно проводил в Москве на ВДНХ и в г. Обнинске.

Кроме того, я возглавил производственно-технический сборник «Стандартизация и качество в атомной промышленности», который стал преемником журнала «Стандартизация в ядерном приборостроении», издаваемом с 1964 года, где я был главным редактором. Последние годы оба журнала преобразовались в общеминистерский журнал «Технический прогресс в атомной промышленности», где я редактировал серию «Стандартизация, метрология и качество».

Для выполнения этих функций в институте была создана редколлегия из представителей предприятий министерства, которую я возглавлял как главный редактор.

После своего 70-летия я решил оформить персональную пенсию, одним из условий предоставления которой было требование оставить руководящую должность и стать старшим научным сотрудником. Что я и сделал в апреле 1986 года.

В этой должности, после получения персональной пенсии, я по требованию дирекции сменил несколько направлений своей деятельности. Некоторое время курировал

приборное проектирование строящегося объекта РТ – 2 (регенерация топлива), в закрытом городе Железногорске под Красноярском.

В связи с началом перестройки строительство этого объекта резко сократилось из-за отсутствия финансирования.

В настоящее время в связи с решением правительства принять на переработку зарубежные, радиоактивные отходы, это направление стало весьма актуальным, хотя и вызывает активное противодействие общественности и отдельных фракций Государственной думы.

Принимая во внимание крайнюю отсталость нашей страны в гражданской промышленности, главным образом в пищевой отрасли, правительством было принято решение поручить разработку и выпуск современного технологического оборудования. Нашему министерству досталась молочная отрасль. При этом СНИИП стал ответственным за развитие приборостроения в этой отрасли. Мне было поручено курировать эти работы.

С этой целью я связался с институтом молочной промышленности, посетил его для ознакомления с технологией производства молока и молочной продукции, наладил в контакты с производящими предприятиями, стал собирать информацию о потребности в этих приборах в перспективе.

Многообразие информации потребовало ее компьютеризации, для чего я в 1990 году обучался и окончил курсы пользователя персональным компьютером. Затем я сформировал банк данных, который содержал все молочные заводы страны, наличие и их потребность в приборах, а также приборопроизводящие предприятия и разрабатывающие организации.

Завершить эту работу и использовать полученные результаты мне не довелось, так как в январе 1993 года я по состоянию здоровья был вынужден оформить 2-ю группу инвалидности, оставить работу и, уволившись из института, уйти на пенсию.

Таким образом, с грудного молока начался мой жизненный путь, и молочным производством завершилась моя зигзагообразная трудовая деятельность, которая продолжалась целых 64 года.

За период работы в СНИИПе я трижды отметил свои юбилеи: 50, 60, и 70 лет. При этом на 60-летие я устроил банкет на территории института, в котором приняли участие более 100 человек – сотрудников института, представителей министерства, Госстандарта, предприятий отрасли. Я получил много подарков, поздравительных адресов, выслушал хвалебные речи, сохранившиеся в магнитофонной записи.

Через несколько дней юбилейная дата была отмечена дома, где собралось более 30 человек – родных и друзей, в том числе представителей института имени Курчатова, в котором я начинал свою атомную карьеру.

От отделения, которое возглавлял академик Кикоин, я получил шуточное стихотворное поздравление-адрес, подписанный им и другими научными сотрудниками.

Привожу его текст:

Уж скоро 30 лет мы знаем Вас, (Вы были сосланы от нас)
И, наконец, настало время разобраться,
Кто Вы такой, товарищ Райхман Макс,
И почему Вам довелось так зваться?

Вы государственный, конечно, человек,
Известно ведь, что Reich (синоним государства).
Не потому ли Вам всегда сопутствует успех,
Что означает Reich, к тому же и богатство.

Богатство Ваших мыслей и идей - знакомо нам.
Награды Ваши говорят об этом сами!
Ваш государственный подход ко всем делам
Известен всем, кто сталкивался с Вами.

Вы не случайно получили имя Макс!
Среди плеяды Максов самых знаменитых,
Таких как Эйве, Планк и Линдер – Макс,
Ведь Райхман Макс не менее маститый!

Известно, что родились Вы весной,
8-ого марта – в день прекрасных женщин.
Не потому ль он нынче и мужской,
Что Вашими заслугами увенчан?

Но шутки прочь! Примите поздравленья
От старых Ваших сослуживцев и друзей,
От ОМФ* - Курчатовского отделенья,
Где Вы трудились в юности своей!

*ОМФ – Отделение молекулярной физики.

36 подписей, в том числе:
академики Кикоин, Каган, Алиханов.

Следующий свой 70-ти летний юбилей я также отмечал не менее торжественно. Проходил он в СНИИПе и дома и сопровождался вручением поздравительных адресов и подарков.

После нашего возвращения в Москву в 1962 году произошел ряд знаменательных событий.

В сентябре того же года родился мой первый внук Гриша от старшей дочери Нины.

В 1965 году Эрик женился, найдя себе верную подругу жизни – Аллочку Лавровскую, а в мае следующего года у них родился мой второй внук Кирилл.

В марте 1967 года Натуленька, после недолгого знакомства и ухаживаний, вышла замуж за Бориса Левантовича – выпускника Московской консерватории.

Спустя три года после окончания Натулей музыкального училища, в июне 1970 года у них родился мой третий внук Артур.

Через несколько месяцев у Нины родилась моя четвертая внучка Наташа.

Мой пятый внук Илюша, потомок Эрика, родился в декабре 1972 года.

Наш семейный клан претерпевает дальнейшее развитие.

Теперь у нас со Стеллочкой появилось уже следующее поколение – правнуков и правнучек. Привожу их в следующей возрастной последовательности: Сережа 10 лет – сын Артура, Ася 10 лет – дочь Наташи, Маша и Даша 6 лет – дочери Кирилла, Илюша и новорожденный в июне 2004 года Тихон, сыновья Гришы.

Думаю, что четвертое поколение будет претерпевать дальнейшее расширение.

Но вернусь к замужеству Натули.

В день ее свадьбы, на банкете, мне хотелось обратиться к молодоженам со стихотворным напутствием. При этом вспомнилась юмореска поэта 19-ого века Апухтина, дружившего с П. И. Чайковским и адресованная ему.

В ней использовались музыкальные синонимы, и начиналась она словами:

«К отъезду музыканта, друга
Мой стих минорный тон берет
И в нашей жизни, дружбы фуга
Все развиваясь, растет … и т.д».

(Цитировал по памяти).

Учитывая, что у меня не было ни призвания, ни опыта написания стихов, я мучительно сочинял это напутствие, которое усовер-шенствовал мой сотрудник Берестецкий. Привожу это напутствие.

Ода-юмореска

В день свадьбы Вашей, дорогие,
Мой стих мажорный тон берет
И пожелания благие
От всей души в себе несет.

Сегодня новый свой корабль
Спускаете Вы в жизни – море,
И пусть Ваш маленький ансамбль
Минует бедствие и горе.

Пускай с симфонией лазурной
Пройдете вместе до конца,
И Вашей славы марш бравурный
Всегда б нам радовал сердца.

В свои Вы б верили таланты,
Имели много чувств, идей,
И дружба темой доминанты
Звучала б музыкой своей.

Чтоб в жизни всюду и везде
Шагали в ногу Па дэ дэ.
А этак года через два
Решились на Па дэ труа.

Чтоб песни жизни Вам звучали
Кристально, словно камертон,
И свой дуэт Вы б исполняли
Без диссонансов в унисон.

Неважно, где диез, бемоль,
Не в этом корень жизни соль,
Но важно в жизни Вашей пары
Ни в чем чтоб не было бекара.

Когда один возьмет крещендо,
Другой берет димидуендо.
Тогда вся жизнь пойдет без плача
“A con brio” или “Vivace”.

Поднимем же наполненные чары
Во здравие и счастье нашей пары.

*   *
*

Надо сказать, что напутствие мое было прогностическим, и вот уже 36 лет как наши дорогие дети живут в любви, мире и согласии.

Все время после возвращения в Москву у нас появлялись новые друзья. В первую очередь, это мой сослуживец Илья Петрович Карпинский, который в СНИИПе возглавлял один из научных отделов, и его жена Кира Александровна. Наше знакомство и сближение началось незадолго до моего 50-летия, когда мы с ним в феврале 1965 года провели совместный отпуск во второразрядном правительственном доме отдыха в селении Дедьково,

расположенном в Калининской, а ныне Тверской области на родине М. И. Калинина. Места там были отличные – леса, речка и живописные просторы.

Там на лыжной прогулке я себя немного покалечил. Изображая из себя горнолыжника, я отважился съехать с крутого берега к замерзшей речке, покрытой глубоким снегом. Издали в зимний, солнечный день я не заметил, что берег был обрывистым. Набрав достаточную скорость в конце склона, я понял, что мне придется совершить лыжный прыжок. Нагнувшись вперед, как это делают опытные лыжники, я в следующее мгновение, протаранив головой ледяной пласт, оказался под снегом, при этом физиономией проехался по льду. В первое мгновение я подумал, что от носа ничего не осталось. К тому же, я почувствовал боль в плече. Барахтаясь в снегу, я все же выбрался из этого ледяного плена и сумел встать на ноги, тем более, что лыжи у меня отлетели. На помощь мне своим ходом спустился Илья, который был более благоразумным и не стал рисковать. В оставшееся время нашего пребывания в доме отдыха я залечивал свои «раны».

После возвращения в Москву, мы встретились семьями, и у нас на долгие годы сложились теплые дружеские отношения, которые продолжаются и поныне.

Надо сказать, что в течение многих лет с того момента мы с Ильей вместе проводили зимние отпуска в различных домах отдыха: «Ершово» под Звенигородом, «Суханово» - дом отдыха архитекторов, а также в местах расположения подмосковных объектов нашего министерства, в том числе в Дубне и под Серпуховым, в Протвино.

Первое мое знакомство с Кирой состоялось в поезде, когда она провожала мужа в Дедьково. Уже тогда я смог высоко оценить ее внешние данные. Она была красивой, хорошо сложенной женщиной и весьма общительной.

Наша дружба, частые встречи по знаменательным датам и постоянное телефонное общение продолжаются и поныне.

Несколько раз мы проводили совместные летние отпуска на литовских озерах, о чем будет упомянуто в Приложении – Эпизод 10.

Нашими близкими друзьями была семья Мороховых, о которых я писал выше.

Но эта дружба не получилась столь безоблачной и стабильной, как с Карпинским, хотя и была продолжительной. Начавшись в марте 1948 года, она закончилась в 2002 году в связи со смертью Игоря. Годом раньше после тяжелой и продолжительной болезни умерла его жена Зина.

Печальное отступление.

Игорь был способным и умным человеком не без карьерных наклонностей.

Как я уже писал, будучи на Урале, он в короткий срок прошел путь от технолога до директора Комбината. Там же он защитил докторскую диссертацию. Это позволило ему занять должность заместителя председателя Госкомитета по использованию атомной энергии. Должность заместителя была промежуточной - в дальнейшем предполагалось его назначение председателем этого ведомства взамен В. С. Емельянова, члена корреспондента Академии наук.

Через год после переезда в Москву в результате крайнего психологического напряжения в условиях ему малознакомой и многообразной области науки, когда он должен был принимать ответственные решения по научным и административным вопросам, он получил обширный инфаркт, который на длительный срок вывел его из строя.

В результате, председателем Госкомитета был назначен А. М. Петросьянц, переведенный из Министерства атомной промышленности (в то время Минсредмаш), где он занимал пост заместителя министра. До 70-х годов Игорь оставался заместителем председателя Госкомитета и начальником управления международных связей, после чего он был назначен заместителем министра по науке в Минсредмаше.

Будучи человеком весьма осторожным, в критические моменты, когда дружба со мной могла повредить его карьере, он, под благовидными предлогами предпочитал удаляться от общения со мной. Так было на Урале в 1952 году в связи с «делом врачей», тоже спустя 20 лет при его назначении заместителем министра у нас прекратилось общение

домами. В 1975 году, когда он укрепился в своей должности, наши общие друзья примирили нас. Надо сказать, что в обоих случаях отчуждения, он находился под влиянием своей жены.

В мой ближайший день рождения он подготовил хорошее поздравление в стихотворной форме, подчеркивая нашу многолетнюю дружбу. Привожу его текст:

Мой друг, дорогой жизни длинной
Мы шли плечом к плечу с тобой,
Шалили не всегда невинно,
Трудились, позабыв покой!

Мы были счастливы, страдали.
О том лишь ведаем одни.
Да те, что рядом с нами были
В спокойные и грозовые дни.

Тому, что сделано мы рады.
Проходит жизнь не даром…. Нет!
Но не за званья и награды
Мы отдаем так много лет!

Ценю в тебе я вдохновенье
И дружбу крепкую ценю,
В труде твое долготерпенье
И жизнь для всех твою люблю!

Живи и дальше – просто, скромно,
Как только ты умеешь…! Верь,
Что жизнелюбием огромным
Предела жизни нет! Поверь!

Здесь тривиальность позабуду!
Так здравницу закончу я:
Копай же дальше жизни груду
И помни, - рядом мы – друзья!

* *
*

Я поверил в искренность этих слов и, учитывая, что он был пленником государственного антисемитизма – простил его.

Наши дружеские связи наладились, я помог ему в строительстве дачного домика – тряхнув стариной, я выполнил всю электропроводку, оббил вагонкой стены и потолки всех помещений, последнее - вместе с его зятем Вадимом. Вместе с Эриком мы перестелили подгнившие полы помещений и веранды, а также я полностью построил туалетный домик.

Игорь уговаривал меня и себе соорудить дачу по соседству, но не состоялось, потому что этому надо было полностью посвятить отпускное время на ряд лет и отказаться от автомобильных путешествий и других видов организованного отдыха.

Немалое значение имела и удаленность дачного участка от Москвы, в 180 км по Волоколамскому шоссе, за Плещеевым озером.

До 1979 года Игорь успешно работал в своей министерской должности, был сопредседателем МАГАТЭ, большую часть времени проводил в Вене и Женеве, побывал во многих государствах всех континентов. Незадолго до своего 60-летия был снят со всех постов.

Причиной было нарушение моральных запретов во время загранкомандировок. Во-первых, сотрудники МАГАТЭ, которым он способствовал назначению на должность, устраивали ему пышные приемы с возлияниями, что приводило к излишней болтливости. Во-вторых, его сопровождала молодая и миловидная машинистка Марина, с которой он

проводил свой досуг. Кончилось тем, что в состав делегации ему включили представителя «органов», который описал его поведение за рубежом. Докладная попала к Брежневу, и тот наложил запрет на его дальнейшую зарубежную деятельность. Этим воспользовался министр Е. П. Славский, возраст которого приближался к середине девятого десятка. Морохов мог быть нежелательным для него преемником, что вызвало отправку последнего на преждевременную пенсию, хотя и персональную.

Эта психологическая травма повлекла за собой усугубившиеся впоследствии недуги.

Работа по порошковой металлургии, с которой он был знаком в период работы на комбинате, позволила ему, по протекции академика Велихова, поработать в одном из институтов Академии наук. Некоторое время он преподавал технику безопасности в авиационном институте. Психологический надлом подорвал его здоровье - он частично потерял зрение, также дал о себе знать запущенный урологический недуг. А главное, на фоне склероза, появились признаки болезни Альцгеймера, вызвавшие значительную потерю памяти и неадекватность поведения. Едва перешагнув 80-ти летний рубеж, он умер.

После нашего возвращения в Москву, произошли и другие печальные события. Ушли из жизни близкие мне люди, которые много сделали, чтобы скрасить мою безотцовщину и облегчить тяжелую участь моей мамочки. Привожу эти даты в их последовательности: дядя Яша - в 1960 году, его дочь Ольга - в 1965, тетя Соня - в 1967, Стеллина мама - в 1971, тетя Таня, ориентировочно, - в 1978, дядя Шура - в 1980, моя двоюродная сестра Лида - в 2002, ее сын Борис годом раньше. Были и другие такие печальные события у наших друзей и знакомых.

Мы со Стеллочкой пока живем. Правда, возраст и здоровье не позволяют нам теперь пользоваться некоторыми благами жизни, как это было в советское время, до перестройки, о чем кратко, по памяти излагаю в Приложении, Эпизод 10.

Итак, я пенсионер. Был персональным со всеми привилегиями до отмены государственной думой этой приставки. Получаю обычную трудовую пенсию с надбавками за старость в 80 лет, посещение Чернобыля и Лауреатство.

Заняться оплачиваемой деятельностью не позволяет состояние здоровья. Да и кто захочет связываться со стариком. О, как мне ненавистно это определение! Тем более, по мнению окружающих, оно мне совсем не пристало.

Не отстаю от современной моды и имею стандартный букет болезней: атеросклероз, гипертонию и стенокардию, которые проявляются при изменении погоды, внешних воздействий и при легкомысленной невоздержанности от принимаемых на себя запредельных нагрузок.

Живем вдвоем со Стеллочкой, у которой те же недуги, но в несколько осложненном виде.

Дети, внуки и правнуки живут отдельно в Москве и Германии, но у каждого своя жизнь.

Я горд за своих детей, так как встречаю с их стороны взаимную любовь, сочувствие, понимание и помощь по мере своих возможностей.

Мы со Стеллочкой безгранично благодарны Натуленьке и ее мужу Борису за постоянную заботу и внимание, а также материальную помощь, которую они нам оказывают, что позволяет нам вести цивилизованную жизнь без лишений. Мы осознаем, что им это дается не легко. Дважды в год нам предоставляется счастливая возможность повидаться с нашей дорогой доченькой и почувствовать ее любовь, внимание и ласку.

Наш сын Эрик повседневно внимателен, держит нас в поле своего зрения, оказывает помощь по дому и в приобретении весомых продуктов. Особенно ему достается, когда кто-нибудь из нас оказывается в больнице. Зачастую в этом ему помогает наша невестка Аллочка. За это им огромное спасибо.

Не оставляет нас без внимания и дочка Ниночка, которая тоже здоровьем не блещет и имеет множество забот с больной матерью, с внучкой Асенькой, а теперь и с внуками Илюшенькой и Тимошей. Регулярная телефонная связь и личное общение свидетельствуют о ее внимании.

Не могу пожаловаться и на внуков, которые периодически дают о себе знать и никогда не забывают поздравить нас с днем рождения и другими праздниками, а также

готовы при необходимости оказать любую помощь. Особую заботу проявляет наш внук Артурик, живущий в Германии с женой Женичкой и сыном Сережей. Он часто звонит по междугороднему телефону и интересуется нашей жизнью и состоянием здоровья.

Остаются правнуки и правнучки, которых пока шестеро, они еще слишком малы, но надеюсь, когда вырастут, вспомнят нас добрым словом.

О себе скажу, что жизнью своей я, в целом, вполне доволен. Она охватывает три общественно-политические эпохи: царизм, так называемый социализм, и, наконец, капитализм.

При этом о царизме я могу судить только по воспоминаниям родных и мемуарной литературе. Капитализм только строится, и в нем я, будучи пенсионером, участвую как наблюдатель, и только на период неудачного построения социалистического общества пришлись годы моей активной жизни.

Суть моей жизни отражена в заголовке воспоминаний. Возможно, она была бы более легкой, целенаправленной и прямолинейной. Если бы не первая мировая война и революция, которые разлучили моих родителей и взвалили на плечи моей дорогой мамуси всю тяжесть нашей жизни и моего воспитания, что в результате укоротило ее жизнь.

Политическая замкнутость Советского государства сделала невозможным мое общение с отцом, который, по-видимому, жил в одиночестве, хотя и в большом достатке и умер в 1970 году в Калифорнии в возрасте 86 лет.

Подводя итоги трудовой части своей жизни, могу сказать, что мой путь к получению высшего образования был долог и извилист. Получив неполное среднее образование, я, по существовавшему в то время порядку для получения аттестата о среднем образовании должен был нарабатывать трудовой стаж, доучиваться в рабфаке или проходить экстернат и только тогда имел право получить высшее образование.

Весь этот путь я прошел в осложненном виде (наличие зарубежных родственников, активная комсомольская деятельность).

Чехарда со сменой высших учебных заведений и, как следствие, отсутствие планомерности приобретаемых мной знаний, привели к их недостаточности и отсутствию глубины. Это не могло не сказаться в последующей научной и инженерной деятельности. И если эта деятельность, в конечном счете, была успешной, то только благодаря длительному и разностороннему практическому опыту, а также моей энергичности и целеустремленности в работе. Что позволило мне сразу после окончания института стать инициативным техническим специалистом и неплохим руководителем как немногочисленных, так и крупных коллективов.

Моя национальная принадлежность всегда создавала мне сложности при смене мест работы, когда я общался с кадровиками. Зато, начав трудиться, я быстро обретал авторитет и весьма уважительное к себе отношение со стороны руководителей и подчиненных мне сотрудников, с которыми устанавливались нормальные, если не сказать товарищеские, а иногда и дружеские отношения.

Начиная трудиться на новом месте работы, я всегда старался значительно расширить поле своей деятельности и круг обязанностей, делая любую поручаемую мне работу более интересной, не опасаясь трудностей и личной ответственности. Особенно, это проявилось на авиазаводе во время войны, а также в период моей работы на комбинате и в СНИИПе.

В работе с подчиненными я никогда не прибегал к силовым методам: лишению сотрудников премий, административным приказам, ограничиваясь личной беседой. Надо сказать, что это ценилось. И когда приходилось менять место работы, у меня всегда возникали сложности, ибо руководители предприятий противились моему уходу, а подчиненные расставались со мной с сожалением.

Сохранившиеся характеристики с авиазаводов, комбината и НИИ хлора, множество награждений и благодарностей, в том числе неоднократно по линии министерства, нашли свое отражение в трудовой книжке, которая была введена только в 1940 году.

Я очень жалею о том, что за всю жизнь не овладел ни одним иностранным языком, украинский не в счет.

Участвуя в деятельности МЭКа, где рабочим языком был английский, я серьезно взялся за его освоение, но по указанным выше анкетным данным, я был отстранен от загранкомандировок и общения с иностранцами.

Одно время в 1995 году, когда намечалась наша поездка в Германию, я поступил на курсы по изучению немецкого, при этом даже окончил первую ступень и получил свидетельство, но продолжать занятия я не стал.

Мое музыкальное образование ограничилось окончанием музыкальной школы по классу скрипки, что отвлекало от занятий в общеобразовательной школе и по ряду указанных выше причин не имело своего продолжения.

Правда, музыкальное образование с самого детства развило у меня любовь к серьезной музыке, которую я, и теперь, с наслаждением слушаю.

Подаренный Ниночкой плеер и обилие присылаемых Натулей компакт-дисков дает мне возможность скрасить звуками классической музыки ежедневные прогулки.

Заканчивая свое долгое жизнеописание, предназначенное для родных и близких мне людей, могу сказать, что я всегда был правдив и честен по отношению к ним и всем окружавшим меня людям.

Считаю, что на всем протяжении своего жизненного пути я нахожусь под защитой неведомой силы, оберегающей меня в самых драматических ситуациях и периодах.

Этой высшей силой, по-видимому, является счастливая судьба, поскольку вере в другие высшие силы я, на протяжении всей жизни, не был воспитан.

Остаток жизни надеюсь прожить вместе со Стеллочкой под защитой этой судьбоносной силы, как можно дольше и в благополучии.

Могу надеяться, что по окончании нашего с ней земного существования, мы останемся в памяти и сердцах любимых нами детей, внуков, правнуков и т.д.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Фрагменты воспоминаний

Эпизод 1.

В начале 1935 года я поступил на курсы по подготовке в Московский Университет. Эти курсы были особые - по их окончании гарантировалась дальнейшая учеба в МГУ. Курсы комплектовались по путевкам ЦК комсомола из числа комсомольских активистов. Занятия были вечерние.

Со мной училась до аскетизма скромная девушка, она была годом моложе меня и обращалась ко мне за помощью. Звали ее Еленой Образцовой.

Она предложила заниматься по воскресным дням у нее дома и указала адрес: Моховая улица, номер дома и квартиры.

Когда я впервые посетил ее, то поразился огромной квартирой, хотя занимались мы в ее личной комнате. На мой недоуменный вопрос, чья это квартира, она ответила, что раньше здесь жила Анна Ильинична, которая теперь жила с сестрой в Кремле.

В одной из комнат жил Виктор, сын Дмитрия Ильича Ульянова, который учился в Бауманском институте.

Только тогда до меня дошло, что я нахожусь в квартире старшей сестры Ленина - Анна Ильиничны Ульяновой-Елизаровой.

Лена нравилась мне своей скромностью и серьезным отношением к занятиям. Мне казалось, что и ко мне она была неравнодушна, так как при моем появлении она страшно краснела. Я ей тогда серьезно помог по математике и физике.

Как-то во время занятий я обратил внимание Лены на стуки со стороны потолка и стен. Она объяснила, что накануне арестовали проживавшего выше Каменева – разжалованного члена Политбюро, и в его квартире шел обыск.

Однажды в воскресный день 22 апреля 1935 года, когда я явился для занятий, мое внимание привлек стоявший на улице автомобиль «Линкольн». Я поднялся на третий этаж и позвонил, дверь открыла Лена, извиняясь, она сказала, что занятия не состоятся, так как это был день памяти Владимира Ильича, в который ему исполнилось бы 65 лет.

В тот момент в прихожую вошла женщина, упрекая Лену за то, что она не предложила мне раздеться и войти в ее комнату. Одновременно она протянула руку и представилась Марией Ильиничной, спросив мое имя. Затем она сказала: «Пригласи своего товарища в свою комнату, и мы перед отъездом зайдем за вами». Действительно, минут через пять она зашла вместе с женщиной, в которой я узнал Надежду Константиновну – жену Ленина.

В один голос они стали уговаривать поехать с ними в Горки. Я пытался отказаться, но счел неудобным упорствовать.

В автомобиле мы с Леной устроились на откидные сиденья, и я в полоборота отвечал на вопросы, которые мне задавала Мария Ильинична. Интересовалась она моей работой, деятельностью в комсомоле, любовью к литературе и музыке.

Узнав, что я окончил музыкальную школу и играл на скрипке, она сказала: «Вот мы с вами и помузицируем, так как я еще не разучилась игре на рояле».

Я чувствовал себя неловко, так как у меня за спиной сидели две пожилые женщины, и все время крутился. Заметив это, Мария Ильинична, обращаясь к Лене, сказала: «Видимо, твой друг хорошо воспитан, раз ему неудобно сидеть спиной к пожилым женщинам». С этими словами она освободила место, и я оказался посередине между женой и сестрой Ленина, продолжая отвечать на их вопросы.

Так мы доехали до Горок. На приглашение войти в дом я категорически отказался, сославшись на беспокойство мамы моим долгим отсутствием. Я понимал, что они пригласили меня из вежливости. По существу, это был семейный праздник, и мое присутствие там было неуместно.

Я только попросил Лену показать мне парк и распорядиться, чтобы меня отвезли в Москву. Попрощавшись и погуляв, я покинул Горки под впечатлением от этой встречи.

Уже потом я узнал от Лены, что ее родители погибли в Гражданскую войну, и семья Ульяновых взяла ее. Киносценарист Каплер представил ее в роли Наташи в фильме «Ленин в Октябре».

Вскоре я потерял связь с Леной, так как меня не отпустили на учебу в райкоме комсомола. С другой стороны, началось мое увлечение Оксаной, которое имело далеко идущие последствия. Об этом я писал ранее.

* *
*

Эпизод 2.

Актерский факультет института кинематографии, куда поступила моя жена Лида, в 1936 году находился на Чистых прудах, в служебных помещениях кинотеатра «Колизей». Теперь это помещение и зрительный зал принадлежат театру «Современник». После женитьбы в 1937 году я стал частым посетителем этого факультета. Мне подарили фотоаппарат ФЭД, и я стал часто фотографировать студенческие постановки и будущих киноактеров. Руководителем курса был народный артист М.М. Тарханов, преподавали там Н.С. Плотников, Г.Л. Рошаль, Пудовкин, Ю.А. Райзман и др. Все они были народные и заслуженные артисты. В 1938 году Г.Л. Рошаль подбирал актерский состав для кинофильма «Семья Опенгейм», который он собирался снимать.

И вот однажды он подозвал меня к себе и предложил главную роль - Бергольда Опенгейма. В его представлении, мой внешний облик соответствовал этой роли. Предложение было заманчивым, хотя он знал, что я только муж его студентки. Он выразил уверенность, что под его руководством я справлюсь с этой ролью. Единственное в чем он меня предупредил, это то, что я должен был в течение года быть свободен от других занятий, так как предстояли экспедиции на Кавказ.

Предложение было очень интересным, но оно вызвало бурю протеста у всех моих родных, когда они справедливо напомнили мне, что я уже брал академический отпуск в Бауманском институте, и чем это закончилось. Пришлось отказаться. Эту роль успешно сыграл Володя Балашов, а его брата Мартина – Алексей Консовский. Фильм вышел перед войной как антифашистский, как и "Профессор Мамлок"

Другой раз, когда я без последствий попробовал себя в роли киноактера, был фильм «Семнадцатилетние», который снимался в 1939 году на Одесской киностудии. В этом фильме одну из главных ролей играла Лида, мне же доверили бессловесную эпизодическую роль фоторепортера.

Съемки были летом 1939 года в период моих летних каникул, вначале на Черном море, на теплоходе «Украина», а затем в горах в районе Эльбруса. Там, в районе Баксанского ущелья на высоте 3,5 км в Ущелье Адыл Су находилась школа мастеров альпинистского спорта.

Остановлюсь на этом более подробно, так как с ним связан ряд приключений.

Главным режиссером фильма был Мирон Белинский, главным оператором Яков Кулиш – отец недавно умершего Саввы Кулиша – известного режиссера. В фильме снимались тот же Балашов, Наташа Гицерот и молодой Виктор Проклов – дед ныне здравствующей актрисы Елены Прокловой.

Предстояла съемка на высокогорном леднике в районе вершины Ушба. Для страховки все участники восхождения шли в связках по пять человек. Я был в первой связке, куда входили: инструктор, Кулиш, Белинский, второй оператор – финн, муж Херты Куусинен. Инструктор неудачно проверил поверхность на отсутствие расщелины и провалился в нее, увлекая за собой Кулиша и Белинского, который умудрился лечь поперек трещины. Я был четвертый и сумел воткнуть ледоруб и закрепиться. Подбежали остальные участники экспедиции и вытащили провалившихся. Так как они не избежали ранений, пришлось вернуться в лагерь и поместить их в госпитальную палатку. Встал вопрос о медицинском обследовании и лечении.

За врачом надо было спуститься в Баксанское ущелье, где в 10 км располагался туристский лагерь «Учигель». Я вызвался выполнить эту обязанность верхом на лошади, хотя опыта верховой езды у меня совершенно не было. Это стало ясно, когда я с трудом взобрался в балкарское седло, и когда лошадь понеслась к выходу из лагеря. При этом я успел нагнуться, чтобы не лишиться головы о верхнюю перекладину ворот. Дальше меня ожидал ряд весьма опасных приключений.

Надо было верхом спуститься по узкой тропе, где справа была стена горы, а слева 100 метровый обрыв, внизу которого шумела река Адыл Су. Для надежности при выезде из лагеря я обхватил лошадь за шею, однако, это чуть не погубило меня - лошадь нагнула голову, а я, перелетев через нее, еле успел удержаться на тропе. Дальше я решил идти рядом с лошадью, удерживая ее за уздцы.

Внизу ущелья проходил трубопровод, по которому на одну из правительственных дач передавалась минеральная вода. Благодаря туристам и местным жителям в трубопроводе

были проделаны небольшие отверстия, из которых били фонтанчики чистой минеральной воды.

После тяжелого спуска по ущелью и палящего солнца, у меня появилось желание испить водицы. Я отпустил лошадь всего на несколько секунд, и она воспользовалась этим, чтобы отбежать в сторону. Этого было достаточно, чтобы я за ней гонялся в течение получаса. Никакие призывы и приманки не позволяли к ней приблизиться.

Спасение пришло от оказавшихся поблизости кабардинцев, которые, поняв мое бедственное положение, мгновенно ее поймали и помогли мне взобраться в седло, из которого я до конца своей поездки больше не рисковал слезать.

Была еще одна трудность - направить лошадь в нужном направлении в сторону Тегенекли. Лошадь же привыкла следовать на почту в селение Эльбрус, находящееся в противоположном направлении. Помог мне короткий опыт кавалериста, и я подчинил ее своей воле, правда она со злости перешла из рыси на галоп, и я чуть не вылетел из седла.

В турлагере я договорился о прибытии к нам на следующий день врача.

Уже вечерело, и я отправился в обратный путь. На мою беду, похолодало, и начался дождь. При подъезде к нашему ущелью и подъему по узкой тропе в лагерь, наступила ночная мгла, а дождь превратился в мокрый снег. Настроение у меня, прямо сказать, было весьма тревожное, и я принял единственно-правильное решение – перестать управлять лошадью и полностью подчиниться ее опыту. Я только тревожно вздрагивал, когда одна из ног лошади соскальзывала с дороги в обрыв. Но это, по-видимому, мало ее тревожило, и, в конечном счете, она меня благополучно доставила в лагерь.

Правда, этот кавалерийский опыт не прошел бесследно, и прибывший на следующий день доктор, кроме трех травмированных пациентов, имел еще и меня четвертого, заболевшего воспалением легких.

Заканчивались студенческие каникулы, и в последней декаде августа мне следовало покинуть лагерь и возвратиться в Москву.

Перед отъездом, в торжественной обстановке мне вручили медаль альпиниста 1-ой степени, которая вручается за покорение вершины небольшой сложности.

По дороге в Москву я заехал в Кавказские Минеральные Воды и осмотрел главные курорты.

Там же из газет и по радио, я узнал, что в Москве был подписан договор о ненападении и дружбе с фашистской Германией, что вызвало у меня чувство полного непонимания и протеста политикой Советского правительства.

По дороге в Москву я заехал в Чернигов, где у Лидиных родителей, пока мы были в экспедиции, находилась моя мама с полуторагодовалым Эриком.

Через пару дней мы втроем вернулись в Москву.

Эпизод 3.

Комбинат 813 - первый атомный завод, размещался недалеко от Свердловска в горной, лесистой местности, с примыкающим к нему озером. Вся территория представляла собой строго охраняемую зону, внутри которой располагался жилой поселок с кинотеатром, ресторанами и кафе, музыкально-драматическим театром, спортивными сооружениями, музыкальной школой, филиалом Московского инженерно-физического института, поликлиниками и больничным комплексом. Вход в город строго контролировался военнизированной охраной.

Промышленная зона имела дополнительную охрану по периметру, а для входа сотрудников была проходная.

В начальный период при входе и выходе солдат-охраник прощупывал одежду на предмет проноса запрещенных вещей.

Однажды это привело к курьезной ситуации, участником которой был я. Один из моих московских коллег получил квартиру в новом доме. Мы решили отпраздновать новоселье с шашлыком и горячительными напитками.

Для шашлыка потребовались шампуры, которые я вызвался достать, сделав их из нержавеющей проволоки, которая в достатке была на заводе. Проблемным был ее вынос

через проходную. Так как дело было зимой, я обмотал живот несколькими слоями этой упругой проволоки, закрепив концы мягкой медной проволокой. Пиджак и пальто прикрывали этот предмет, не выдавая его внешне.

Я спокойно направился через проходную. Как обычно, охранник усердно провел руками по бокам пальто, что сдвинуло медную завязку, и тогда упругая нержавейка распрямилась. Я мигом раздулся, напоминая беременную женщину. Мы оба были ошарашены с той только разницей, что я понимал причину, а для него это было неожиданностью.

В общем, я был препровожден к коменданту, которому я все объяснил. И он, посмеявшись, отпустил меня с этой заготовкой для шампуров.

Правда, на этом приключения не закончились.

В квартире, в которой мы собрались по поводу новоселья, была кухонная плита с древесным отоплением.

Присутствовавший среди нас, командированный из Москвы, Евгений Михайлович Каменев, личность оригинальная, предложил поверх плиты на чугунной поверхности установить кирпичи, а на них уложить шампуры с нанизанным мясом, под которые положить тлеющие угли.

Так как все были уже под хмельком, это авантюрное предложение не встретило возражений. В результате квартира и особенно кухня заполнились удушающим дымом. После чего последовало новое предложение – открыть окна для проветривания.

Кто-то из прохожих, заметив дымящиеся окна, забил тревогу, вызвал пожарную команду, которая незамедлительно прибыла и стала разворачивать рукава для активных действий.

Хозяин мигом выскочил из квартиры для объяснений произошедшего. В результате он отделался штрафом, а мы завершили новоселье уплетанием не прожаренных шашлыков. Правда, этот праздник имел и другое последствие: косметический ремонт квартиры и иронические пересуды в городе.

* *
*

Эпизод 4.

К приезду министра нашей отрасли Б.Л. Ванникова на комбинате зимой 1948 года готовились активно. Как обычно, подкрашивали дома, исправляли мостовые, приводили в порядок освещение улиц.

Подготовку к приезду министра возглавлял директор А. Л. Кизима которого Берия через год сместил с этой должности.

Предвидя неминуемые неприятности, директор решил ублажить министра, организовав ему результативную рыбалку, к которой по разведанным сведениям, он имел пристрастие.

Воля директора имела силу для его подчиненных. Однако заставить окуней и плотву немедленно заглатывать крючок даже из удочки министра, было весьма затруднительно!

Кем-то было предложено прорубить во льду озера, а это было в декабре 1948 года, несколько лунок и поместить в опущенные сетки необходимую живность.

В ближайшее воскресенье министра пригласили на озеро, прорубив подготовленные и заледенелые лунки, и вручили ему удочку. Клев был отменный к неописуемому удовольствию самого «рыбака» и всех присутствующих.

Министр был доволен, а директор, войдя в раж, похвалился, что на плавающих островах в летнее время пасутся коровы из подшефного совхоза. Министр с изумлением спросил: «А как же эти коровы попадают на плавающие острова?» Вопрос был неожиданным, однако директор, не моргнув глазом, ответил: «А мы в начале лета перевозим их на лодках и плотах». Это объяснение вызвало улыбку у министра, однако, что скрывалось за ней, было известно ему одному.

Директор продолжал удивлять министра. Так, обратив его внимание на меня и назвав меня по имени, не задумываясь, заявил, что я купался в озере круглый год. Эта выдумка повергла меня и всех присутствовавших в изумление. Однако министр, взглянув на меня, не усомнился в сказанном. Мое счастье, что поблизости отсутствовала прорубь, и меня не попросили продемонстрировать свое умение.

Все же цель была достигнута, и грозный министр без оргвыводов уехал в миролюбивом расположении духа.

* *
*

Эпизод 5.

Осень 1948 года. Я проводил практические работы в машинном помещении. В заднем кармане брюк проступал контур спортивного стартового пистолета, который привлек внимание секретаря академика Кикоина, выполнявшего обязанности его охранника. Я удовлетворил его любопытство и показал пистолет, который он мне вернул со словами «игрушка». Я так и воспринял его слова.

Несколько позже в тот день, когда я находился в цехе, ко мне подошел мужчина средних лет в штатском, сопровождаемый вооруженным солдатом, и представился уполномоченным горотдела КГБ, заявив, что ему необходимо переговорить со мной без свидетелей. Надо сказать, что подобного рода встречи были для меня необычными и, в тревожном состоянии поднимаясь на третий этаж в пустующий кабинет, я мучительно пытался вспоминать, не сболтнул ли чего лишнего, не совершил ли производственную оплошность, что могло заинтересовать органы.

Зайдя в кабинет и оставив солдата за дверью, уполномоченный весьма категорично потребовал у меня сдать оружие, при этом одна рука у него была подозрительно опущена в карман пальто, как будто он ожидал моего сопротивления. Такое требование было для меня совершенно неожиданным, и я искренне ответил, что никакого оружия у меня нет. Однако уполномоченный заявил, что у них есть сведения о наличии у меня пистолета ТТ, который я немедленно должен был предъявить ему и сдать.

Тут я вспомнил утренний эпизод с секретарем академика и с облегчением, усмехаясь, вытащил из кармана свой стартовый пистолет, который уполномоченный, выхватив из моих рук, стал внимательно рассматривать, отыскивая обойму с патронами, обычно находящуюся в рукоятке.

Понимая комичность ситуации, я объяснил ему устройство и безобидность стартового пистолета, в котором беспулевые патроны расположены перпендикулярно дульной части. Это объяснение его не удовлетворило, и он заявил, что по указанию начальника горотдела КГБ пистолет должен быть реквизирован. На мой протест и заявление обжаловать его действия, он продиктовал мне письменное обязательство не разглашать факт допроса и изъятия «оружия» под угрозой такой-то статьи уголовного кодекса. Забрав пистолет и мою подписку, он вместе с солдатом удалился.

На следующий день, в ответ на мой телефонный звонок, я услышал, что по решению руководителя горотдела «оружие» мне возвращено не будет. Я понял, что пистолет приглянулся уполномоченному, и он хочет оставить его себе.

Тогда я нарушил подписку о неразглашении и пожаловался академику на действия его охранника, описав подробности всего случившегося.

Посмеявшись, академик позвонил уполномоченному Совета Министров на комбинате (была такая должность из ведомства Берии) и сказал: «Здесь у моего сотрудника Райхмана отобрали пугач, нельзя ли вернуть ему эту игрушку, пусть тешится».

В это же день стартовый пистолет был мне возвращен.

* *
*

Эпизод 6.

Август 1950 года. У меня впереди отпуск и четыре путевки в Сочи на всю семью. В последний рабочий день последовал вызов к директору и указание отправиться в командировку в Ленинград в проектную организацию и ОКБ Кировского завода. Мои ссылки на отпуск и путевки не возымели действия. Пойдя мне навстречу, директор разрешил после Ленинграда не возвращаться на комбинат, а отправляться в отпуск, и тут же написал личное письмо заместителю министра здравоохранения А.И. Бурназяну, в котором описал меня в лучшем виде и, взамен сданных мной путевок, попросил выделить четыре новых путевки на Юг.

Посещение мной Бурназяна было безрезультатным, и даже сопровождалось крепкими выражениями в адрес директора комбината. Пришлось всей семьей ехать в Сочи «дикарями».

Действительно, снять жилье трудностей не представляло. Однако в силу того, что я был беспутевочный, и не удосужился взять справку с места работы об отпуске (такой в то время был порядок), мне во временной прописке было отказано, и под угрозой большого штрафа, начальником паспортного отдела милиции было предписано покинуть территорию Сочи в течение суток. К тому же в паспорте был штамп об увольнении из ЛИПАНа, а о приеме на комбинат штамп отсутствовал. В общем, по документам я оказался нетрудовым элементом.

Мои личные обращения в милицию ничего не дали. Тут я вспомнил, что у меня остался один неиспользованный допуск к секретной работе, законвертованный и опечатанный соответствующими органами.

Единственной надеждой узаконить свое пребывание в городе было обращение в городское управление КГБ, куда я и направился. Я объяснил начальнику свои трудности и, предъявив ему конверт с допуском, попросил после ознакомления вновь законвертовать его и опечатать.

Прочитав допуск и увидев мою фамилию, он удивленно посмотрел на меня и спросил, не мой ли это отец, генерал-лейтенант КГБ Леонид Федорович Райхман, который руководит разведывательным управлением и является одним из заместителей Берии.

Надо сказать, что до этого мне, на одном из ленинградских заводов заместитель директора по режиму уже задавал аналогичный вопрос. В том случае я сказал, что это только однофамилец. От него же я узнал, что тот Райхман женат на знаменитой балерине Ольге Васильевне Лепешинской.

В данном случае, в Сочи, я скромно ответил, что это к моей просьбе отношения не имеет. А на вопрос «Как себя чувствует Ольга Васильевна? Я кратко ответил: «Танцует успешно».

По существу я ни единым словом не подтвердил родство со своим однофамильцем. После этого я выслушал хвалебную характеристику своего «папы», с которым хозяин кабинета длительное время служил. Затем последовали извинения с оправданиями за причиненные мне трудностей с пропиской. Он объяснил, что в городе введен особый режим, в связи с тем, что в данное время там отдыхал Сталин и другие руководители партии и правительства.

Но все эти ограничения ни в коей мере ко мне не относились. После этого, был срочно вызван начальник милиции, который после строгих назиданий в соседней комнате, посадил меня в свою машину и предложил устройство всей семьи в санатории «Светлана», что никак не входило в мои финансовые планы. Я понял, что в своей невинной лжи и так далеко зашел и счел разумным отказаться, сославшись, что у меня маленькие дети и короткий отпуск.

В милиции был вызван начальник паспортного отдела, который перед этим дважды мне отказывал, и ему было строго приказано лично оформить прописку и принести паспорта. Надо было видеть его удивленную физиономию.

В целом, все это выглядело как история с детьми лейтенанта Шмидта по Ильфу и Петрову.

* *
*

Эпизод 7.

Июнь 1953 года. Образован Президиум ЦК КПСС и Совет Министров, где Берия возглавлял объединенное Министерство внутренних дел и Госбезопасности. Он по-прежнему являлся главой Спецкомитета по атомному оружию.

В сопровождении секретаря Свердловского обкома А.П. Кириленко на комбинат приехал Л.М. Каганович. После посещения основного производства, он высказал желание принять участие в проводимом на следующий день партхозактиве. Однако неожиданно по вызову из Москвы, он уехал накануне вечером.

Я в то время работал в Техотделе («дело врачей» вынудило меня отказаться от должности главного прибориста и главного метролога комбината). Придя утром на работу, я обнаружил в комнате темное пятно на месте, где до этого висел портрет Берии. Это меня удивило и вызвало ряд вопросов, тем более что портрет оказался за шкафом. В других комнатах, где были аналогичные портреты, они были сняты, хотя портреты других «вождей» были на месте.

Чтобы окончательно убедиться в своих подозрениях, я заглянул в пустующий кабинет директора, где на видном месте висел красочный портрет Берии с собственноручной, благодарственной надписью директору, которого он назначил в октябре 1949 года. В подтверждении моих крамольных мыслей, портрет также отсутствовал.

К тому времени принесли газеты, где на первой полосе было большое фото правительственной ложи Большого театра, в которой присутствовало руководство страны за исключением Берии. Под снимком была надпись, что руководители партии и правительства находились на премьере оперы «Декабристы». Я сопоставил внезапный отъезд Кагановича, снятие портретов и фото правительственной ложи, и мне стало ясно – Берия снят.

Я вспомнил, что у моего приятеля, одного из начальников цехов, стоит огромный красочный портрет Берии, выполненный местным художником. Позвонив ему, я поделился этой сенсационной новостью и порекомендовал убрать портрет, сообщив, что в заводоуправлении эта операция уже проведена. Спустя час этот начальник цеха мне перезвонил и сказал, что он интересовался у своего приятеля из горотдела КГБ и тот, отрицая, поинтересовался, кто распространяет эти слухи. Он признался, что слышал эту новость от меня, как бы снимая с себя ответственность.

Вот здесь до меня дошло – на кого я замахнулся, и какие могут быть последствия.

Короче говоря, три дня и три ночи я провел в ожидании ареста. Остановка автомобиля у моего дома и шаги на лестнице в ночное время повергали меня в шоковое состояние. Только на третий день по дороге на работу я увидел на улице имени Берии электриков, отключающих фонари на домах. Появилась слабая надежда на успокоение, что окончательно подтвердилось в утренних газетах, в которых сообщалось о разоблачении его преступной деятельности и аресте.

Это эпизод на долгие времена послужил для меня уроком против опасного откровения.

* *
*

Эпизод 8.

Произошло это в Ленинграде в 1954 году в гостинице «Астория», где я остановился, приехав для участия в испытаниях оборудования, проводимых в ОКБ Кировского завода комиссией, возглавляемой Миллионщиковым.

Поздно вечером, принимая душ, я услышал в номере настойчивый телефонный звонок. Не успев смыть мыло, я нагишом выбежал из ванной комнаты, схватил трубку и услышал мужской голос, требовавший немедленно спуститься к администратору для оплаты

за номер. Я объяснил, что все расчеты произведу, как обычно, утром, и, что в настоящее время я купаюсь. В ответ я услышал настойчивое требование произвести расчет немедленно, так как происходила смена дежурных администраторов. Я возражал, говорил, что был весь в мыле, а в ответ услышал: «Он не может выполнить обязанности постояльца из-за мыла, подумаешь, какая птица», и частые гудки телефона.

Я был обескуражен, позвонил администратору и убедился, что надо мной кто-то пошутил. Единственным, кто знал о моем пребывании в этой гостинице, был знакомый киноактер Владимир Балашов, который ехал со мной из Москвы для съемок в фильме «Мусоргский». Нас провожала его жена Наташа Гицерот, которую я тоже хорошо знал.

Будучи уверенным, что это его проделки, я решил ему отомстить. Я позвонил в гостиницу «Европейская», где он остановился, и, узнав, что он отсутствует, попросил администратора передать, что приезжает его жена, и ему надлежит ее встретить. Удовлетворенный ответным розыгрышем, я лег спать. Утром я вышел в вестибюль, встретил Миллионщикова и других членов госкомиссии, ожидавших автобуса для поездки на завод. Улыбаясь, Миллионщиков приветствовал меня словами: «Ну, как мыло, уже смыто?». Оказывается, он был автором того вечернего розыгрыша. Пострадал, в конечном счете, актер, который после ночного бдения был вынужден рано утром безрезультатно встречать поезд. Он так и не узнал, кто сыграл с ним такую злую шутку.

* *
*

Эпизод 9.

В пятидесятые годы у меня в Ленинграде был приятель Иосиф Айзикович – хороший знакомый моей жены Стеллы.

До войны он окончил консерваторию по классу скрипки. В годы войны он был призван в музыкальную команду, которая обслуживала войска вдали от линии фронта.

После демобилизации он решил пройти повторный консерваторский курс по классу дирижирования.

В одну из моих ленинградских командировок он пригласил меня в консерваторию на репетицию, где он дирижировал сюитой Римского-Корсакова «Испанское каприччио».

В качестве слушателя я был один в зале. Это был период, когда на лацканах пиджака я еще носил значок «Лауреата Сталинской премии».

В перерыве репетиции, Иосиф решил разыграть меня, пред-ставив оркестрантам, как молодого лауреата скрипача, отмеченного Сталинской премией.

Большинство оркестрантов, подначиваемые Иосифом, накинулись на меня с просьбой сыграть что-нибудь из своего репертуара. Я был в ужасе от предстоящего позора и стал отнекиваться отсутствием скрипки и растяжением мышц плечевого сустава. В общем, причина выглядела убедительной, и меня оставили в покое.

Про себя я решил при случае отомстить ему за тот розыгрыш.

И такой случай представился мне при очередной командировке.

Я, как обычно, остановился в гостинице «Астория» и в первый же вечер позвонил Иосифу, представившись вторым дирижером Большого театра. Первым дирижером и худруком был Кирилл Кондрашин, по поручению которого я как бы звонил. При этом я, несколько изменив голос, сказал, что Кирилл Петрович поручил мне ознакомиться с дирижерским репертуаром Айзиковича, и если он его устроит, то возможен прием последнего ассистентом дирижера в Большой театр.

При этом попросил его на следующий день в указанный час посетить меня в номере гостиницы. На противоположном конце телефонного провода взволнованным голосом Иосиф стал перечислять название опер и балетов, которыми он дирижировал в консерватории.

На следующий день в установленное время раздался стук в дверь и на пороге в парадном виде появился Иосиф с нотной партитурой. Увидев меня, он с удивлением спросил, что я здесь делаю, а когда сообразил, что это розыгрыш, обрушился на меня с

площадной бранью. Теперь мы были квиты. Хотя я понимал, какое горькое разочарование он перенес.

Был еще один случай волнительного розыгрыша, который я с ним произвел.

Опять командировка в Ленинград и та же «Астория». В свободный от работы день я решил навестить его в конце Кутузовского проспекта, рядом со Смольным, где он снимал комнату с женой Еленой Эйсмонт, дочерью генерала, у которого он служил во время войны. Когда я зашел в квартиру, где я бывал и раньше, я там застал многодетную семью, уплетавшую огромный арбуз.

Меня любезно пригласили за стол и на мой недоуменный вопрос о смене «декораций» мне объяснили, что произошел квартирный обмен.

При этом глава семьи, снабдив меня новым адресом и телефоном, указывая на огромный сундук, очень просил меня воздействовать на Иосифа, чтобы он забрал его.

При этом новый жилец сказал, что в сундуке хранятся старые газеты и какая-то литература. Я пообещал исполнить его просьбу.

В тот же вечер я позвонил Иосифу, измененным голосом назвав его по фамилии, и, представившись капитаном НКВД, поинтересовался принадлежностью и содержанием сундука и причиной его оставления.

В ответ я услышал, что сундук ему достался от прежних хозяев, и он в него не заглядывал. «Напрасно» - сказал я, «в сундуке хранится троцкистская литература. Я добавил, что на следующий день ему надлежало явиться на Литейный проспект, известный каждому ленинградцу, как Большой дом НКВД. Я предложил ему записать номер дома и комнаты, куда ему следовало явиться в назначенное время. Я услышал какие-то оправдания, что он ничего не знал о содержимом сундука. На это я ему ответил, что об этом мы еще поговорим.

Было слышно, как он обращался к жене: «Лена, дай бумагу и карандаш, меня вызывают в Большой дом». Я назвал время, номер кабинета и свою фамилию. После долгой паузы до него дошло, кто его разыгрывает. И он обозвал меня гадкими словами. Это была действительно злая шутка.

Эпизод 10. Наши летние авто-вояжи.

Наша красавица «Волга» последней модели вишневого цвета создавала все условия для путешествий в летнее отпускное время.

Летом 1962 года я еще нарабатывал отпуск, и мы провели его в Москве. Надо было заняться домашним обустройством: собрать стеллажи и разместить в них книги, а также оборудовать квартиру. К тому же, надо было отработать трудодни на строительстве гаража, машину в который я поставил только спустя два года. До этого она, снабженная доморощенными противоугонными устройствами и сигнализацией, стояла под окнами. Две зимы машина провела на даче у Микояна, куда ее пристроил его племянник - Борис Егиазаров, мой сослуживец и приятель, у него в СНИИПе в течение ряда лет работал Эрик.

В погожие летние дни мы совершали вылазки в ближнее Подмосковье: на озера и в леса, которые в то время еще изобиловали грибами и ягодами.

Компанию нам составляли наши соседи – Анна Григорьевна и ее, ныне покойный, муж Евгений Михайлович. Особенно привлекательным было Пятницкое шоссе с Черным торфяным озером по пути.

Как-то раз мы компанией выехали в село Уборы, примыкающее к Николиной горе. С нами были Игорь и Зина Мороховы, сестра Зины – Нина с мужем Женей, певица Валя Парнас, с которой мы дружили еще на Урале, и ее муж. Был также Александр Смирнов – начальник управления рабочего снабжения, – ГлавУРС Министерства. Он обеспе-чил нам деликатесный стол с выпивкой.

Когда трапеза была завершена, мы в большинстве своем ушли на прогулку в парк.

Оставался Игорь, который захотел «порулить» в сопровождении знакомой девушки Ары. Он порывался взять у меня ключи от машины, но я предусмотрительно ему отказал.

Тогда в наше отсутствие, будучи в изрядном подпитии, они вдвоем на его «Победе» выехали на узкую косу. С одной стороны протекала Москва река, а с другой было неглубокое заросшее торфяное озеро.

Во время разворота он чуть не угодил в озеро, едва сумев закрепиться на крутом склоне. Когда мы вернулись, я понял, что своими силами вытащить машину нам не удастся. Я побежал за подмогой. Не дождавшись моего возвращения, Игорь расставил присутствовавших по сторонам и позади машины, а сам сел за руль и снял машину с тормоза. Всей своей массой она поползла под уклон в озеро. Все «силовики» отскочили, а Игорь открыл дверцу и вместе со свои шурином оказался прижатым к дереву. Я прибежал на крики – на земле без сознания лежали Игорь со сдавленной грудной клеткой и Женя со сломанной ключицей. Я мигом помчался на машине по парковой дорожке к правительственному санаторию «Сосны», захватил дежурного врача и вернулся на место происшествия. Стелла осталась звонить в Кремлевскую больницу, чтобы вызвать скорую помощь. При этом у нее потребовали данные Игоря, должность, номер лечебной карты, а потом посоветовали обратиться за помощью к местным санаторным врачам. К счастью, рядом находился военный. Он все слышал и, взяв у Стеллы трубку, назвал свою фамилию и потребовал незамедлительного приезда скорой. Успокоив Стеллу, он назвал ей свою фамилию, Устинов, то был министр обороны, член Политбюро.

Через 20-30 минут скорая забрала Игоря в Кремлевку, где он провел несколько дней. Его шурина, Женю Шабанова, военного в чине полковника, скорая взять отказалась. И поздно вечером мне пришлось везти его в военный госпиталь им. Бурденко. Поскольку я торопился, то при каждом толчке он вскрикивал от боли в сломанной ключице. В госпитале он провел более месяца. В общем, повеселились и прослезились.

Сейчас из всех участников этого события в живых остались только мы со Стеллочкой и Нина, жена Жени Шабанова.

Перехожу к нашим ежегодным летним автомобильным путешествиям. Они начались в 1964 году и продолжались до 1988 года, пока существовал Советский Союз. С его распадом и образованием независимых государств – СНГ, нашим путешествиям на запад и юг был положен конец. Тем более что они стали небезопасными, в связи с астрономическим ростом преступности, в том числе и на дорогах.

Надо сказать, что в те спокойные времена мы без опасения могли заночевать на опушке примыкавшего к дороге леса и в местах остановки нескольких легковых или большегрузных машин.

Однажды, проехав приграничные города, Валга и Валка, разделяющие Латвию и Эстонию, темным поздним вечером мы свернули на просеку, которая, как мы думали, вела в лес, и заночевали в машине. Утром я проснулся от громкого мычания и увидел просунутую в открытое окно голову коровы. Я думаю, мы взаимно испугались. При этом обладательница головы кинулась наутек. Выйдя из машины, мы увидели надгробья – оказалось, что ночью мы заехали на кладбище. Это, правда, не помешало нам перекусить на скорую руку.

Довольно часто при виде голосовавших на дороге людей, независимо от пола и возраста, мы останавливались, чтобы подвезти, иногда уступая настойчивой благодарности своих пассажиров, брали деньги на «бензин».

В те годы единственной проблемой была заправка бензином. Поэтому в Москве я заливал 2-3 канистры дешевого «левого» бензина, которые доставались не без труда, и ставил их в прицеп. Туда же и в багажник на крыше я помещал 4-х местную палатку с верандой, надувную лодку, разъемные спальные «койки», ведра для ягод и грибов, которые мы собирали и варили на месте во время длительных стоянок. Мы везли с собой походные газовые плитки и заполненные баллоны, кухонную и столовую посуду, а также необходимые продукты питания, в зависимости от маршрута. Все это разбиралось по прибытии.

Наше первое путешествие состоялось летом 1963 года. Это был мой первый отпуск в СНИИПе и окончание Натулей 10-ти классов средней школы.

К тому времени у нас еще не было достаточного туристического снаряжения, и мы решили поехать в латвийскую Юрмалу. Мы сняли небольшую комнату в Дзинтари, неподалеку от моря.

В тот год Натуле исполнилось 18 лет, и мы решили отметить ее совершеннолетие в ресторане «Лиго».

Мы оделись во все праздничное и отправились в ресторан. Но здесь неожиданно возникла трудность – на мне не было галстука.

Я безуспешно пытался обратиться к директору, при этом, выслушав его тираду, что «Лиго» входил в число европейских ресторанов и имел особые требования к своим посетителям. В конечном счете, он уступил нашим настойчивым просьбам и разрешил занять столик, примыкавший к выходу из кухни, взяв с нас обещание не танцевать.

Едва мы устроились и заказали скромный ужин, как дверь с шумом распахнулась, и в зал вбежали два официанта. Они дрались и матерились в полный голос.

Их разнимал все тот же директор, которому я иронически заметил, что теперь понимаю обоснованность требований к посетителям ресторана мирового уровня. И все-таки мы неплохо отметили совершеннолетие нашей доченьки.

В Дзинтари мы познакомились с молодой женщиной, Ларисой, ее мужем и маленьким ребенком. Впоследствии они развелись, и она эмигрировала в Израиль.

Лариса познакомила Натулю со своим приятелем, жившим в Ленинграде, и он стал за ней активно ухаживать. Дело зашло далеко – мы познакомились с его родственниками и даже наметили дату свадьбы. Однако Натуля вовремя ему отказала, поняв, что не испытывала к нему любви и уважения.

После окончания школы Натуля поступила в музыкально-педагогическое училище, по окончании которого стала работать музыкальным руководителем в детских садах нашего района. Это дало ей возможность после рождения сына Артура в 1970 году находиться с ним вплоть до его поступления в школу в 1977 году.

После Дзинтари наши летние автомобильные путешествия вдвоем со Стеллочкой стали регулярными.

Наш путь проходил через Минск, где жил Стеллин брат Рафа с женой литовкой Ирой и двумя дочерьми – Таней и Олей. В Минске мы встречались с моими уральскими сослуживцами и друзьями – Мишей Дорским и его женой Лидой.

Вначале мы осваивали запад и юг страны. Посетили Брест, а потом через Львов, Мукачево, Ужгород и далее вдоль бурных рек Тиса и Прут добрались до горного курорта Яремча, где провели несколько дней. Далее наш путь лежал через Черновцы в молдавскую столицу Кишинев. Проведя пару дней в кемпинге, мы направились в Одессу, где уже проводили свой отпуск наши друзья по Уралу – Гороховские Лева и Каля. В Одессе, позади знаменитого оперного театра, у них была квартира, где мы провели несколько дней.

Мне Одесса была уже знакома – впервые я посетил ее еще до войны, в 1939 году. Тогда я останавливался в фешенебельной Лондонской гостинице, которая выходила на бульвар Фельдмана. Последний был большевистским руководителем города, и бульвар был назван его именем. В конце 40-х годов бульвару было возвращено его дореволюционное название - Приморский.

Сам Фельдман по матери приходился двоюродным братом моему отцу и родным братом Александру Фельдману, крупнейшему Кремлевскому профессору-отоларингологу, арестованному в 1952 году по «Делу врачей».

В Москву мы возвращались через Киев, где в течение нескольких дней знакомились с достопримечательностями, а на ночь устраивались в кемпинге.

В следующем году, проехав Минск, мы стали осваивать северо-запад страны. Посетили Литву, Латвию и Эстонию, на несколько дней заехали в Ленинград, чтобы посмотреть город и его окрестности. Ночевали опять же в кемпинге. Мы побывали в Петергофе, Пушкине, посетили Эрмитаж, Русский музей, Исаакиевский и Казанский соборы и кладбище Александро-Невской Лавры, где захоронены знаменитые композиторы, литераторы и артисты 19-ого века.

В Лавре обращало на себя внимание захоронение Суворова с лаконичной надписью: «Здесь лежит Суворов». Для посетителей этого было достаточно, чтобы понять, о ком идет речь.

Из Ленинграда мы возвращались по Московскому шоссе с заездом на Валдай, где в правительственном санатории отдыхали Игорь и Зина Мороховы. В числе многих других этот санаторий строился как место отдыха Сталина. Но он провел там всего один день и, осаждаемый комарами, решил туда больше не приезжать.

Санаторий находился в охраняемой лесной зоне, был оснащен самым современным лечебным оборудованием, но против комаров был беззащитен.

Кстати сказать, этим санаторием пользовался секретарь ЦК Жданов, где он и умер в 1949 году.

На пути в Москву на шоссе нам встретилась машина, которая непрерывно сигналила и вынудила нас остановиться.

Оказалось, это были Лева и Каля Гороховские с детьми. Они еще издалека узнали нашу «Волгу» с необычной по тому времени вишневой окраской. Обменявшись приветствиями и новостями, мы разъехались.

В районе Валдая мы присмотрели прекрасное место в лесу на берегу озера и решили, что поедем туда во время очередного отпуска. Летом следующего года мы вдвоем со Стеллочкой направились на север по Ленинградскому шоссе на место нашего будущего отдыха.

По дороге мы сделали остановку в Клину и посетили Дом-музей Чайковского, где вместе с другими посетителями прослушали лекцию экскурсовода, ознакомились с бытом великого композитора и послушали некоторые граммофонные записи его произведений в исполнении знаменитых музыкантов. В гостиной стоял рояль, за которым Петр Ильич создавал свои великие творения. На этом рояле каждые четыре года играли победители конкурса его имени.

После ночевки в Калининском, а ныне Тверском, кемпинге, мы направились к нашей цели.

Свернув с шоссе на лесную дорогу, мы увидели запрещающий знак, которым отважились пренебречь. Мы расположились на берегу живописного озера с чистейшей водой и песчаным берегом. Там уже отдыхала молодая супружеская пара. Они то и объяснили нам причину появления запрещающего знака.

Оказывается, мы въехали в запретную зону, в которой располагалась воинская часть противовоздушной обороны Московского округа.

В течение двух недель нас никто не беспокоил, и мы наслаждались уникальной природой и ее дарами. Озеро изобиловало рыбой, в основном, окунями и плотвой весьма солидного размера, и я пристрастился к рыбной ловле. Стояли жаркие солнечные дни, и мы собирали в лесу ягоды, ибо грибное время еще не наступило.

Нам не удалось провести там все отпускное время. Когда через две недели начались воинские учения, нас настоятельно попросили удалиться.

Летом 1970 года целью нашего путешествия была Литва. Вместе со своими друзьями супругами Кирой и Ильей Карпинскими и их 10-ти летней дочерью Наташенькой, мы на двух «Волгах» отправились в городок Зарасай, что граничит с латвийским Даугавпилсом.

На этот раз наш путь проходил по Рижскому шоссе, через Волоколамск, Ржев, Великие Луки, Резекне и Даугавпилс.

Конечной целью нашего путешествия было озеро Швенте, по-русски Святое. На берегу этого озера в течение вот уже нескольких лет находилась база отдыха Академии наук, на которой обосновались научные работники со своими семьями. У них, как у людей веселых и остроумных, на туалетной будке была надпись: «Не уверен – обгоняй»!

Заканчивался июль - земляника уже отходила, а вот черники было предостаточно, начиналась и грибная пора. В озере было много разной рыбы.

На берегу лежала, выловленная до нас и оставленная как непригодная в пищу, огромная щука длиной около метра.

В тот год Илья приобрел надувную лодку, на которой наши женщины устраивали водные прогулки, а мы с Ильей осваивали технику рыбной ловли. Выловленная рыба обеспечивала некое разнообразие нашего рациона.

Мы примкнули к веселой компании ленинградцев и москвичей. Среди москвичей была семья Гершманов, знакомство с которой мы продолжали поддерживать и в Москве.

После двухнедельного пребывания мы с Карпинскими двинулись на север через эстонский городишко Отепя, что на берегу озера Вытяре. Переночевав в кемпинге, мы в середине дня прибыли в Таллинн. После осмотра достопримечательностей города, мы безуспешно пытались устроиться в кемпинге на берегу Финского залива. Уже смеркалось, и нам пришлось устроиться на ночевку в машинах прямо в центре города, на площади перед гостиницей «Таллинн».

После Таллинна наши пути разошлись – Карпинские двинулись в Ленинград, а мы через эстонские города Тарту и Выру направились в сторону Пскова. По дороге мы посетили действующий мужской монастырь.

Затем следовало село Михайловское и Пушкинские горы, где после осмотра места захоронения великого поэта мы заночевали на «дикой» автомобильной стоянке.

Утром выехали в обратную дорогу и в тот же день вернулись в Москву.

В одно из наших северо-западных путешествий мы побывали в Новгороде. Там мы осмотрели старинную церковь, крепостные сооружения и знаменитый памятник 1000-летия Руси, установленный в дореволюционное время.

На следующий год мы снова направились через Минск в Литву. Посетили Вильнюс и, переночевав, через Тарту поехали в Палангу. Там мы провели не очень удачные два дня, так как, несмотря на июль, дул прохладный ветер.

Вернувшись в Вильнюс, мы не без труда, нашли дорогу на Молетай. Трудность была в том, что мы делали ударение на втором слоге, тогда как местные жители, у которых мы спрашивали дорогу, - на первом.

Проехав около 50-ти километров на север, мы оказались в небольшом городишке с действующей католической кирхой. Оттуда отходит Игналинское шоссе, на 7-ом километре которого находится лесное озеро Оленове, по-русски – Оленье. На этом озере нас ожидали друзья – Карпинские. Мы разбили лагерь на берегу. Там уже отдыхали такие же «дикие» российские путешественники. Озеро было рыбное, и я, в то время, еще не имея лодки, закидывал удочку с берега и вылавливал немного окуней и плотвы.

По соседству разместился Орест Френкель с женой, приятели Карпинских. Запомнился он своим веселым характером и громким голосом, напевавшим различные песенки. Озеро, окруженное густым лесом, было совершенно безветренным. Берег нашей стоянки обогревался солнцем с раннего утра и до второй половины дня.

Мы еще пару раз приезжали на это озеро, после того, как мне на 60-летие подарили надувную лодку.

В очередной отпуск мы, по совету одного из бывалых знакомых туристов, продвинулись по тому же шоссе еще на 8 километров, где в глубине лесного массива находилось озеро Стирняй. Это место облюбовали несколько литовских семей. Некоторые из них проводили там свои летние отпуска, другие в выходные дни. На берегу озера был колодец с чистейшей питьевой водой и беседка, чтобы укрыться от солнца и дождя. Машину и палатки мы установили в тени деревьев недалеко от озера.

В свой первый приезд мы познакомились с литовской семьей Вишкянене - главой семьи Зеноном, его женой Данутой и их детьми Дайнесом и Рамуней. Ребятам было около 10 и 5 лет соответственно. Родители неплохо владели русским, а вот младшая Рамуня нас совершенно не понимала. Мы подружились с этой семьей и в дальнейшем старались совмещать отпуска для встреч на озере, а в промежутках между ними переписывались. Дети вырастали на наших глазах – Дайнес отслужил в армии, Рамуня окончила медучилище и вышла замуж.

Но вернусь к нашему первому приезду на Стирняй.

Я решил осмотреть окрестности вокруг нашей стоянки. Окружающий лес состоял, в основном, из корабельных сосен, елей, тополей, берез, а также другой растительности. Придорожные поляны были усеяны черникой и земляникой, на кустах зрела малина.

Изредка попадались грибы, правда червивые, поскольку погода стояла сухая и солнечная. Незаметно для себя я зашел в глубь леса и потерял ориентир. Вышел на каком-то поле, где колосилась пшеница. Вдали виднелось несколько домов, и я направился к ним, чтобы узнать, как выбраться обратно. У одного из домов я обратился к пожилой женщине, но мы друг друга не поняли. Не помогла и жестикуляция. Спасло то, что она поняла слово Стирняй и указала мне направление в сторону озера, по берегу которого я и вышел к нашей стоянке. Со временем я освоил все маршруты и мог спокойно бродить по лесу, собирая грибы и ягоды, а также быть проводником для других новичков.

В первый раз мы установили палатку на открытой поляне возле колодца, что было не совсем удачно из-за припекавшего солнца. В дальнейшем мы стали осваивать зеленую прибрежную зону. У нас появилась оранжевая 4-х местная палатка с крытой верандой, где мы хранили хозинвентарь и продукты.

С этой поездки в Литву мы стали брать с собой в автоприцепе все необходимое для обустройства, приготовления пищи, отдыха, рыбной ловли и заготовки ягод и грибов, которые собирали в большом количестве.

У меня была двухместная надувная лодка, удочки и спиннинг, и я по несколько часов проводил на озере, занимаясь рыбной ловлей. Мой улов был весьма скромным и ограничивался окунями и плотвой, которые мы потом жарили. Однажды поплавок заметался, и когда я дернул удочку, на крючке извивался метровый угорь. С перепуга я отпустил удочку, и, коснувшись воды, угорь сорвался с крючка. Вряд ли у меня хватило бы смелости снять его с крючка и поместить рядом с собой в лодку.

В озере было много разнообразной рыбы, и наш знакомый литовец Зенон, отправляясь ранним утром на рыбалку, возвращался с богатым уловом щук, мерных окуней, налимов и др.

После месячного пребывания на озере мы окрепли и вернулись домой с запасами соленых и маринованных грибов, а также переработанной черники и земляники. В Москве мы разрекламировали это озеро нашим родственникам, друзьям и знакомым, и со следующего года круг отдыхающих расширился.

В разное время на это озеро приезжали: мой двоюродный брат Леня с женой Юлей и сыном Костей, моя двоюродная сестра Лера с мужем Олегом и дочерью Светой, мой сослуживец Лев Исаков с женой Ниной и двумя юными дочерями – близнецами Ирой и Мариной, сотрудник Курчатовского центра профессор Алексей Оглоблин с женой Идой и некоторые другие семейные пары.

Не менее 10-ти лет с нами ездила Стеллочкина сестра Рахилечка, жившая в Ташкенте. Раза два с ней был сын Алик и внук Миша. Кроме того, последние несколько лет с нами отдыхал Стеллочкин двоюродный брат подполковник Рафа с женой литовкой Ирой и двумя взрослыми уже дочерями - Татьяной и Ириной. Дважды к нам присоединялась дорогая доченька Натуля с мужем Борисом, их сыном и нашим внуком Артуриком.

Некоторые из перечисленных семейных пар привозили своих знакомых. Так что, численность нашего лагеря увеличивалась. Все старались подогнать свои отпуска на июль - начало августа, и мы собирались шумной, дружной и веселой компанией. Как правило, у кого-нибудь был день рождения, и тогда столики сдвигались, и образовывался один длинный праздничный стол. Еда и выпивка были разнообразными, так как каждый приносил что-нибудь из своих запасов. По такому случаю, литовец Зенон вместе с сыном ловил щук, мерных окуней, налимов, а иногда, и угрей. После шумного застолья и поздравлений виновника торжества под музыку кассетных проигрывателей начинались танцы. Танцевали и веселились до позднего вечера, а когда темнело, импровизированная танцплощадка освещалась фарами автомобилей и переносными лампами. Утром столы разбирались, остатки пищи закапывались в стороне от лагеря, и все приобретало первозданный вид. Спокойная жизнь и отдых продолжались.

Однажды, в июле 1985 года, после отдыха на Кавказе, к нам присоединилась Натуленька. Тогда, 28 числа, ей исполнилось 40 лет. По нашей традиции состоялось застолье и танцы. Было весело, только, выйдя со мной на берег озера, виновница торжества заплакала. На мои успокоительные слова она сказала: «Столько лет, жизнь уже прожита». В

тот год мне было уже 70 лет и, успокаивая ее, я сказал, что все в нашей семье долгожители – у нее впереди еще не одна юбилейная дата.

Десятью годами раньше, когда Артурику было 5лет, мы впятером на двух машинах отправились как всегда на Стирняй, который встретил нас непогодой. В течение недели шел дождь и дул прохладный ветер. Нам ничего не оставалось, как податься на юг в поисках тепла. По Витебскому шоссе мы отправились в Одессу, которая тоже встретила нас дождем. Устроиться в кемпинге было невозможно, и пришлось искать «дикую» стоянку на берегу моря по Херсонскому шоссе в пригороде Одессы.

Утром по размытой дороге мы с трудом с помощью трактора выбрались на шоссе. После недолгих поисков сняли две комнаты в прибрежном частном доме. В самой же Одессе мы встретились с нашими уральскими друзьями – Гороховскими, которые проводили отпуск в своей квартире, позади оперного театра. Вместе с ними мы посмотрели город, прогулялись по Дерибасовской, спустились и поднялись по знаменитой Потемкинской лестнице, наверху которой установлен памятник основателю города – французу Ришелье. Мы также потолкались по городскому рынку, под названием «Привоз», съездили в курортный пригород Аркадию, посетили изумительной красоты одесский оперный театр, где шел балет «Кармен» под музыку Щедрина-Бизе. Погода благоприятствовала, и мы ощутили всю прелесть одесского колорита.

В один из солнечных дней, резвясь со мной на пляже, Артурик головой выбил мне один зуб, который был уже подвержен пародонтозу. За этим первым в течение нескольких лет зубом я стал терять и другие.

Попрощавшись с нашими одесскими друзьями, мы решили ехать домой через Харьков. На одном из участков Харьковского шоссе мы стали свидетелями дорожного происшествия, которое нас едва не погубило. Навстречу под уклон, груженный спелыми арбузами, ехал грузовик с прицепом. Я обратил внимание на то, что прицеп бросало из стороны в сторону. Я притормозил, и в тот момент прицеп оторвался, и, перевернувшись, поперек дороги устремился на нашу машину. Арбузы бомбили нашу «Волгу», полностью залепив красной мякотью лобовое стекло.

Мы невредимыми вышли из машины и в полуметре увидели перевернутый прицеп и сотни разбитых арбузов, разлетевшихся по дороге и окрасивших ее в красный цвет.

Совместными усилиями владельцев остановившихся машин нам удалось расчистить дорогу и двинуться на Харьков, где мы переночевали у Нюси (Анны Лазаревны, о которой я писал в начале воспоминаний) и двинулись на Москву, куда благополучно прибыли вечером того же дня.

Последнее наше освоение Прибалтики состоялось в 1988 году. С нами был Эрик и его 15-ти летний сын и наш внук Илюша. К сожалению, наше пребывание было сокращенным, ввиду его предстоящих спортивных сборов.

В следующем году начались волнения в Литве, которые закончились кровопролитием. Затем произошел распад Советского Союза, и Литва стала заграницей.

Правда, наши литовские друзья – Зенон и Данута, приглашали нас в знакомые места отдыха, но теперь поездка и пребывание в Литве стали рискованными и малоприятными.

Пришлось отказаться от автомобильных вояжей и избрать организованные места отдыха. 1989 и 1990 годы мы со Стеллочкой провели в Усть-Нарве на берегу Финского залива. Это курортное место Эстонии с песчаным пляжем и лесистым берегом. К сожалению, море там мелкое и достаточно прохладное.

Первый год мы отдыхали в профилактории завода «Балтиец», родственного нашему институту. На следующий год подлечивались в санатории «Мерерана». После 1990 года эти курорты оказались недоступными, так как Эстония стала независимым государством.

В 1990 году произошло знаменательное, но не совсем удачное событие, - Артурик женился. Спустя два года, находясь в Германии, они разошлись. Как указано в свидетельстве о разводе, по причине неверности жены.

В 1991 году Натуля с мужем Борисом были вынуждены уехать в Германию. В то смутное время Борис лишился возможности продолжать свою концертную деятельность – среди общественности классическая музыка оказалась невостребованной.

Тот и следующий 1992 год я провел в Кисловодске в ведомственном санатории, где подлечивал появившуюся стенокардию.

Еще два года мы проводили летнее время в подмосковном поселке Степановка, где снимали скромный домик с комнатой и верандой.

Весну и начало лета 1994 и 1996 годов мы провели во Франкфурте, где обосновалась Натуля с мужем.

На этом наши дальние путешествия закончились, и мы довольствуемся парком, примыкающим к нашему дому.

КОНЕЦ.